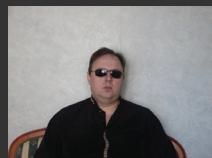

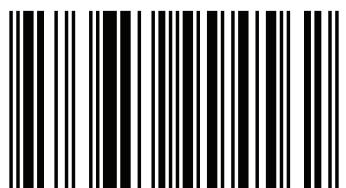
Флудий и Кузьмич

«Флудий & Кузьмич» - это роман в жанре юмористической фантастики, который посвящён острой проблеме современного общества: нарастающей разобщённости людей, утрате ими духовных и душевных качеств в угоду мнимым материальным ценностям и необходимости противлению этому губительному процессу для дальнейшего существования человека, как свободной и творческой личности. Главный герой - пришелец Флудий, скрывая своё истинное лицо, вынужденно вступает в контакт с Землянами: мудрым егерем Кузьмичом, талантливым кузнецом Петром и чудо-богатырями братьями-близнецами Удальцовыми, которые искренне и бескорыстно, совместно преодолевая трудности, помогают ему, в результате чего знакомство перерастает в настоящую мужскую дружбу, а встреча с красавицей Наденькой – в искромётную любовь.

Андрей Ильенков

Ильенков Андрей Юрьевич, родился 16 мая 1967 г. как и мои родители в Москве, где ныне и проживаю. Поэт и писатель. Женат, имею сына. Высшее экономическое образование. Увлекаюсь политикой, волейболом, шахматами, рыбалкой и литературой(сатира и юмор).

978-3-659-99456-2

Флудий и Кузьмич

Андрей Ильенков

Андрей Ильенков

Флудий и Кузьмич

Юмористическая фантастика для тех, кому не всё равно что будет с нами завтра

Андрей Ильенков

Флудий и Кузьмич

Андрей Ильенков

Флудий и Кузьмич

**Юмористическая фантастика для тех,
кому не всё равно что будет с нами завтра**

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брэндах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing
ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / Электронная почта: info@yam-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-99456-2

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

Андрей Ильенков «Флудий & Кузьмич»

Андрей Ильенков

Флудий

&

Кузьмич

(роман)

I

- Ну, что скажешь, Флудий, как тебе эти существа? – буднично спросила крупная шарообразная особь неопределенного пола у ловко вкатившегося в центр управления межгалактического корабля подобного себе организма заметно меньшей величины.

- Да ничего особенного, Мудриус, – так... серединка на половинку, – панибратски развязано ответил упругий подчинённый, едва, как бильярдный шар, не столкнувшись с начальником.

- Послушай, ты когда-нибудь научишься докладывать по форме?! - раздраженно раздулся старший. - Твои бессмысленные неопределенности мне уже поперёк сферы! Ну, сколько можно?! Всякий раз, одно, и тоже: опять прикажешь тебя форматировать?! Клянусь, Святой Бесконечностью – я снова решусь: хотя ты мне с некоторых пор и друг.

- Виноват, Командор, но это выше моих аккумуляторных сил и мозаичного матричного сознания – вы, же прекрасно знаете, что я не умею лгать, и докладываю максимально объективно, дабы своим равноудалённым от аналогичных помех зигзагов времени субъективизмом не исказить реальной картины текущей ситуации с учётом релятивистских погрешностей пространственных потоков генерирующих сублимирующие противоречия бытия.

Мудриус было, открыл рот, что бы согласно табелю о ранге и далее попенять подчинённого за неуставное поведение, но, немного растерявшись услышанному, многозначительно промолчал и великодушным жестом дал понять, что б он продолжал доклад по утверждённой сверху форме.

- Тогда ещё раз резюмирую для... особо продвинутых, - по-доброму съязвил Флудий, уловив мимолётную растерянность шефа, как всегда, не сдержавшись по причине весьма эмоциональных свойств характера. - Итак. Земляне к коим я вами же был отправлен в командировку, есть разумные существа, находящиеся в конце третьей ступени второго уровня бесконечных познаний Мироздания по шкале условной относительности просвещения Великого Вселенского Совета (далее – BBC). При этом, имея достаточные предпосылки для входления на новый уровень иерархии положительных цивилизаций, наличествует значительный риск того, что под влиянием кучки алчных олигархов, пытающихся ради власти как таковой проводить политику подмены ценности истинных знаний и культуры на мнимые материальные блага, земляне деградируют в небытие. Однако существование разрозненных центров противления этому смертельно опасному процессу, пока, в целом, уравновешивает ситуацию, которую, я трактую, как напряжённая неопределенность. Ну, а тут собственно полный отчёт:

от амёб до Homo sapiens, что, как, откуда, когда взялось и в какие тартарары катится, - притянулся он шефу не большой кристалл с информацией.

- Ну, вот... - чуть спустил плотность объёма неудовольствия Мудриус, - можешь же ясно и чётко изложить мысль, а то: «ни то ни сё» какое-то. - Всякий раз поражаюсь - где ты только набираешься подобных оборотов. Кстати, чуть не прозевал: ну зачем, скажи на милость, ты это «тартарары» вставил, ведь есть же нормальные синонимы. Надо мной, дружище, как ты знаешь, тоже начальство и оно не будет себя лишний раз утруждать напряжением извилин, если в докладе будут фигурировать такие вот жаргонизмы, сленг и прочий фольклор изучающих BBC развивающихся цивилизаций Мироздания.

- Так ведь я в отличие от верхнего и очень мудрого начальства непосредственно с аборигенами сталкиваюсь, так сказать, постоянно вхожу в плотный и не всегда приятный контакт – вот волей-неволей и набираешься от местных всяких поговорок да шуток-прибауток, - обидчиво выдохнул Флудий, нервно перекатываясь с бока на бок.

- Ну, ну...не дуйся, я в своё время лично на брюхе не один десяток галактик облизил, прежде чем получить почётное звание Уполномоченного Доверием Аналитатора Времени (далее - УДАВ). Не поверишь - вот таким же, как ты худым был, а сейчас глянь - чистый глобус, одышка появилась, а ведь я не так что б и стар – каких-то 90 средне галактических лет.

Мудриус с возрастом становился всё более сентиментальным. Его карьера была бы типична для цивилизации поздних Водолеев: инкубатор, школа, университет, практика, работа по распределению с последующим выходом на преподавание в той области знаний, где специалист проявил себя с максимальной пользой для общества; затем его ожидал почётный, совершенно бесплатный отдых с правом путешествия в любые безопасные точки Мироздания; а по прошествии ста лет после отделения и консервации мозга от плоти, последнюю - ожидала полная, но почётная разгравитация в атмосфере родной ей Леи. Но, вмешался случай. Однажды, от специальных осведомителей в BBC поступил тревожный сигнал. На планете Глюк системы Большого Тупика случилось массовое помешательство аборигенов на почве бесконтрольного употребления специальных психотропных средств, которые ради баснословных доходов производили, рекламировали и огромных количествах реализовывали местные, так называемые Вершиители Судеб, а, попросту говоря, коррумпированные барыги, если использовать несколько не формальный, но иногда сверхточный словарный запас Флудия. Препарат «счастья» поначалу вызывали у глюкан чувство неописуемого блаженства и даже уверенности в себе, но затем, по мере привыкания и всё большей зависимости от «чудесных» таблеток, рассудок, а с ним образование и культура полностью деградиро-

вали, что грозило полной гибелью не только им, но и ближайшим соседям. Посему в экстренном порядке на Глюк был отправлен реанимационный отряд, куда и вошёл тогда ещё относительно молодой Мудрий. Опуская утомляющие подробности тех страшных событий, которые достойны отдельного рассказа и в связи ограниченными рамками текущего, принципиально отметим следующее: в критический момент невидимой для глюкан борьбы за их жизни и свободное будущее, командир группы трагически погиб и управление операцией взял на себя Мудрий. Приложив максимум усилий воли и знаний, он блестяще завершил операцию по раздурманиванию цивилизации, жёстко покарав «вершителей». Естественно, что в BBC это заметили. И с тех пор, получив высокое звание - УДАВ, Мудрий, стал именоваться Мудриусом, и был на особом счету в BBC. Более того, в связи с особыми заслугами ему полагалась отсрочка на 20 лет по разгравитации при условии его личного согласия. Впрочем, чем более он приближался к роковой дате, тем чаще он задумывался о целесообразности пользования таким неоднозначным поощрением. Флудий же, зная о былых заслугах своего опытного и легендарного начальника, искренне уважал его, но почти всякий раз выводил шефа из себя, пустяшными и второстепенными, как ему казалось, не соответствиями заскорузлым формальностям службы и иногда позволял себе беззлобно посмеиваться над старым ретроградом.

- Да я разве же не понимаю, друг Мудриус, что над вами также треклятое начальство на мозги капает: просто выматываешься в экспедициях, как тутовые рабы на галерах в Христовы времена, – вот поневоле и несёшь подсознательно то, чего от местных наберёшься, – сокрушался не простой доле Флудий.

- Согласен: наша работёнка не из лёгких, но если честно и сугубо между нами - я бы с превеликим удовольствием поменялся с тобой местами, при непременном условии - сбросить, хотя бы пару десятков лет вместе с дряхлеющей излишней окружностью, - мечтательно ответил Командор.

- Да вы кому угодно фору дадите: с таким опытом, интуицией вообще можно в контакт не входить – вы же всё насквозь и на расстоянии видите...

- Не скажи, брат Флудий: всякие там прогрессивные методики, ситуационные анализы, интегральное прогнозирование, выборочная телепатия – ничто по сравнению с прямым общением с неизвестностью, в какой бы форме она пред тобой не представилась. Иногда хочется бросить всё и отправиться, как ты выразился в тартарары и вновь вкусить те непередаваемые ощущения настоящей жизни и риска ради процветания Вселенной!

При этом взгляд Мудриуса сверкнул так же ослепительно дерзко, как и пятьдесят лет назад, когда его славный подвиг на Глюке стал известен всему положительному Миру и дол-

го не сходил с новостных межгалактических видео панелей; и Флудий невольно раздулся пред легендарным шефом до своих предельных размеров в знак истинного почтения неувядающей славе и удивительно долгому, а главное - его плодотворному служению прогрессивному Космосу.

- Разрази меня взрывом сверхновой звезды, - продолжал в пылу вдруг нахлынувших чувств Командор, - если я думаю иначе, чем сейчас говорю тебе... Но знаешь, дружище, - продолжил он через мимолётную паузу, в течении которой его взгляд стал затухать к привычному свечению, а голос - к обыденному тембру, - я вполне отдаю себе отчёт что вся моя полезная, творческая жизнь в основном уже в прошлом...

- Что вы...что вы, я и на нано парсек никогда не сомневался в искренности ваших слов. Мы же еще в школе играли в бесстрашного майора спецотряда ВВС освободившего Глюк от алчных торговцев смертью, и лично для меня огромная честь и счастье работать под вашим началом...

- Знаю...знаю, как вы хихикаете над стариком Мудриусом... - вдруг, впервые за сегодняшний день улыбнулся УДАВ.

- Ну что вы...как можно, - зардел всей оболочкой Флудий, стыдливо и безуспешно уводя хихикающие глаза за края собственной сферы.

- Ладно...проехали: что-то я нынче совсем раскис, - вновь о чём-то на секунду задумавшись, взял в себя в руки начальник, внимательно глядя на хронометр пульта управления кораблём. - Знаешь что, дорогой Флудий, я тут прикинул: у нас окно образовалось, - до смены и формирования доклада ВВС о цивилизации землян времени более чем достаточно... И, если ты не устал, то расскажи мне, пожалуйста, отбросив формальности, и обязательно с использованием «серединка на половинку», «тартарары» и прочих живых оборотов, как ты на самом деле там с местными пообщался. Пойми, друг, может хоть так, я, как бы, опять соприкоснусь с настоящей реальностью, а то сам понимаешь от формуляров - натурально чахну.

Ну, как тебе предложение?

Флудий от столы неожиданной просьбы, чуть ли не мольбы, в которой искренне чувствовалось к нему доверие, и даже уважение со стороны живой легенды, едва не прослезился, и с трудом сдержав эмоции, таки смог утвердительно качнуться самим собой.

- Только, прошу в таком разрезе, уважаемый Мудриус, быть максимально снисходительным к моим повествованиям, так как я всё же в первую очередь исследователь, а в десятую - рассказчик, да и, то, если разобраться - через пень колоду.

- Да ладно ты, не тушуйся, - подхватил живую речь приятеля Командор - все свои, да и наслышан я какой ты «через пень колоду» - уже весь сектор от Леи до Центра шепчется о

твоих опусах, а я, понимаешь, только позавчера узнал о твоих литературных изысках, даже прочитать ничего не успел. Нехорошо, брат, от старших товарищей творческие успехи скрывать...не хорошо.

- Да какие там, к ляду успехи...Просто в глобалнет на досуге записки выкладывал – даже и не думал, что они так разойдутся; а вы, шеф, постоянно заняты, да и с мировой информационной сетью вы, без обид, как бы это помягче, – не особенно и дружите, - оправдывался смущённый и польщённый вниманием корифея Флудий.

- Да...ладно...это я так по-стариковски ворчу – куда нам по большому счёту за вами, молодёжью, угнаться: «вам цветсти, а нами улицы мести», так, кажется, говорили в своё время философы Леи...

- Ну, вот опять вы, хандрить начинаете, эдак ведь можно с ума сойти когда-нибудь, ибо уныние, к слову сказать – большой грех, - уж вам ли сей аксиомы не знать.

- Всё! Не буду, не буду: давай лучше по 50 грамм лейвики: строго между нами - сам настаивал - и вперёд, а то меня аж распирает всего от любопытства.

- Добро. Да... и вот ещё что, Командор, если вдруг, меня во время рассказа откровенно куда-нибудь понесёт, - за мной такое, к сожалению, водится, - то, осадите меня, как вы это умеете, что бы мне лишних огородов не нагородить.

- Ну, за это не беспокойся - у меня, сам знаешь, не забалуешь.

- Тогда, вздрогнем. За контакт!

II

Итак. После того, как с недавно назад мы зависли в тёмной части Луны, дабы лишний раз не отсвечиваться в допотопных радиотелескопах землян, я, как вы помните, на «малютке» отправился инкогнито непосредственно в их сферу обитания для первичного сканирования информации. Покружиив, как требует инструкция, около суток в атмосфере земли на радость местным уфологам и на горе военным, начал было искать место для посадки, как, вдруг, над Россией – это самая большая по территории страна на земле и где, как оказалось, живёт самый загадочный народ – движок заклинило. Ну, думаю – всё... попал... И ведь, что, главное, обидно: сколько раз докладные писал на верх, что, блин, мамашина на ладан дышит, и нужна срочно новая, а в ответ всякий раз одно и то же: железобетонное – «ждите». Ладно, на этот раз я с бюрократов BBC не слезу – отольются кошке мышкины слёзы. Впрочем, я отвлёкся.

Аппарат тряёт, как осиновый лист, я соответственно в такт ему: а куда деваться: я хоть пилот не из последних, а всё одно – мандражирую, ибо осознаю до несуществующего копчика собственной окружности беду неминуучую. Дёргаю, как тракторист-ударник на буераках

рычаги, жму, подряд все аварийные кнопки, – толку чуть – безнадёжно пикирую. Одновременно зрю квадратными очами в эллипс иллюминатора - кругом темень кромешная – ни зги не видать, глушь – почище наших Вселенских окраин типа Большой Чёрной Дыры. Ну, думаю, баста: отлетался соколик - секунда, другая и...безутешная вечность. Вся короткая жизнь в один миг промелькнула: от казённой ляльки ...до, блин, этой раздолбаной «малютки», а что в итоге: ни жены, ни детей, ни кола, ни двора, как перст - один на белом свете и никому по большому счёту нет до меня дела. Если и найдут когда-нибудь мои останки в туточных дебрях, то в лучшем случае отметят в поисковом журнале дежурной фразой: мол, индивид биологический № такой-то, некто Флудий, найден в трясине под Тверью, даже обычную разгравитацию над родной Аквой делать не станут, бюрократы чёртовы из экономии.

И так мне обидно за себя стало, что решил в отчаянии – будь что будет, гори оно, думаю, всё к едрени фени синем пламенем: пропадать так уж с музыкой, геройски: плюнул с горя прям в монитор и двинул что есть злости по системному блоку бортового компьютера «малютки» – бок до сих пор ноет. И, вдруг, о чудо! Что-то в двигателе заревело, заскрежетало, зашипело и...мотор завёлся! – воистину не знаешь где найдешь, а где потеряешь. В общем, сработало аварийное торможение и если бы расстояние до земли было бы хотя бы на пару километров больше – мог бы вообще мягко сесть. Но...как точно приметили местные: «если бы, да кабы, то во рту бы выросли грибы». В итоге приземлился кране жёстко, но с учётом того, что ещё пару секунд назад мысленно читал по себе скучный некролог, то вынужденной посадкой остался крайне довольным.

С полчаса, видимо, без сознания пришлось проваляться в «малютке» от удара об твердь земную. Но уж лучше на лбу шишки, чем за упокой записи. Очухавшись с грехом пополам вылез из люка, осмотрелся; вернее, верите ли – дальше собственного носа ни синь пороху не видел, да и то если по совести говорить - нос на ощупь пальцами только и осязал, а он ещё и опух зараза. Хорошо прибор ночного видения не разбился при посадке: надел, значит, оный кое-как, вглядываюсь: всё та же картина маслом – ни хрена не видно – чернота кругом кромешная. Да что ж, думаю такое за гадство, ну не под землю же я, в самом деле, провалился? И тут меня, словно током торкнуло: осенило, значит – точно: так и есть, как пытдать в грунт забурился. Тут же прикинул скорость пикирования малютки, поправку на экстренное торможение, угол наклона, плотность почвы – грубо выходило метров семь ниже уровня моря. Ещё не зная, как выбираться из новоявленного тоннеля наверх про себя отметил, что, могло бы быть и хуже, то есть – глубже; более того: в моём положении – это даже вполне подходящая глубина, так как не нужно дополнительно маскировать аппарат, а раз так, то до рас-

света я в относительной безопасности и могу с чистой совестью и чувством выполненного долга перед BBC, да чего уж там мелочится - всего Мироздания - забыться выстраданным и восстанавливющим сном. Установив на 4 утра по местному времени атомный будильник-хронометр, ваш покорный слуга топорищем рухнул в бездонное царство Морфея, в котором, к слову сказать, в этот раз, кроме абсолютного марка ничего интересного не наблюдал.

Но разбудил меня, как ни странно, не атомный будильник, вечные источники питания которого, за ничтожно короткую земную ночь приказали долго жить, а странные звуки, доносящиеся откуда-то сверху и напоминающие что-то среднее между «Ay!» и «Oy!». Причём первый звук характеризовался высокой тональностью и нежным тембром, а второй – низкой, периодически разбавляемый хрипатой и глухим кашлем.

«Ay, де-ду-шка, ты где?!" - рассыпался горним хрусталём в рассветных лучах Солнца первый голосок.

«Oy! Тута, я, тут, внучка!» - басовито отвечал второй.

«А я мухоморов нашла! Красивые...брать?!"

«Не, внучка, ядовитые они!»

«Дед, а дед, ау! Иди быстрей сюда, глянь что тут!»

«Oy! Иду внученька! Чего там у тебя?! Опять что ли поганки нашла?

«Не...тут дырка какая-то, а кругом деревца поломанные, как будто Кошеч Бессмертный прилетел».

И хотя тогда я не знал кто такой Кошеч, да ещё и Бессмертный, после моих вчерашних-то передряг - интуитивно догадался, что это про меня, вернее про то, что, видимо, натворила «малютка» экстренным приземлением на поверхности не без моего, конечно, участия.

А, чужеродные голоса, тем временем, неумолимо сужались над воронкой, на дне которой я лихорадочно соображал что предпринять во своё физическое спасение, дабы трагически не прервать возложенной BBC на меня миссии в случае успеха мобилизационного плана, отсутствие которого в моём возбуждённом мозгу подтверждал обильно выделявшийся из всех щелей моей окружности пот. Прошу миль пардон за интимную подробность, но такова, увы, или на счастье, суровая правда жизни, отступая от которой мы рискуем потерять целостность восприятия мироощущений. Стоп, опять, блин, не туда понесло.

Прошу прощение, Командор. Далее. Кое-как набросав песка, и всё что попалось под руку на оплавленные плотными слоями атмосферы, торчащие из земли части малютки всецело положился на удачу. Я, безусловно, понимал, что не стоит искушать судьбу дважды подряд, но куда было деваться в моём положении? Думаю, на крайний случай, как бы ни было больно и противно, аннигилирую в дождевого червяка, оружие, как вы знаете, я не мог применять

по определению даже в целях самозащиты в соответствии с резолюцией BBC. В общем, за-таился, как мог, фатально жду, куда судьба выведет.

- Ишь ты как накуролесили! Опять марсианские, поди, балуют, - откашлялся дедушка, когда через пару минут в шаге остановился у ещё пахнувшего гарью почти двух метрового отверстия; но, не увидев на дне воронки ничего для себя интересного, слава Бесконечности, равнодушно откинулся всем телом назад.

- А кто это, деда, марсианские... зелёные человечки с Марса?

- Бог их знает, Маша, может и оттудова, а может, и наши озоруют...

- А наши это кто, деда, русские?

- Ну, в общем, да, - философски согласился дед, закручивая самосад в жёлто-сизую газету «Правда», - инженеры...

- А инженеры - это дяди, которые инжир делают?

- Нет, Машенька – они ракеты мастерят и в небо пускают.

- Здорово! Это как воздушные шарики?

- Ну, вроде того, только они из железа и на морковь похожи...

- Дедушка, а ты мне эти морковные ракеты покажешь!?

- А то... знамо дело покажу. Вот в Воскресенье поедем в город мёд да ягоды продавать заодно к дяде Коле и зайдем - он в секретной части сторожем работает – там и поглядишь эти ракеты.

- Ура!!! Воскресенье! - завизжала от радости Маша так пронзительно, что было успокоившись, я невольно вздрогнул всей затаившейся плотью, успев при этом испугаться, что тем самым могу ещё себя обнаружить.

- Ладно, внученька, пойдем-ка лучше к дому, что-то нынче одни поганки повылезали. И куда только нормальные грибы делись, ума не приложу - никогда такого не было...

Отчётливо помню, как у меня не произвольно и еде слышно вырвалось, когда я полностью осознал, что беда вновь меня, а значит и миссию – миновала:

- Сам ты, дед, поганка...

«Наверно это нервное», – резюмировал я, переведя дух.

Аккуратно, с величайшим напряжением мышц - вы, шеф, как никто, знаете, что атлетические упражнения – это моя ахиллесова пятка – я вылез из пробуравленного «малюткой» отверстия и успел запечатлеть встроенным в глаз сканографом, удаляющихся дедушку с внучкой. Вычислив их дом на самом краю небольшой деревни под странным названием «Харло-во», я моментально бросился ещё раз штудировать всю информацию о человечестве в целом

и русских в частности, что успел собрать бортовой компьютер за неполные сутки полёта над планетой, включая культуру, языки, наречия и прочие важные мелочи. Впитав, как губка, в свой тренированный специальными программами мозг все достижения землян в максимально короткое время, не переводя дыхания и не тратя времени на подзарядку, тут же начал определяться с внешним видом. Задача, сами понимаете, всякий раз архиважная в особенности при первой личной встрече с аборигенами. Сколько трагических историй было, пока мы не научились аннигилироваться в физические формыvizavi стоящего на нижней по отношению к нам ступени развития?! Это просто ужас какой-то! Вспомните хотя бы великого контактёра Авосиуса, который, понадеявшись на свой потрясающий интеллект, и уникальные способности к диалогу со всем и вся, был буквально разорван на молекулы, представ пред Дродами в своём естественном, столь радикально отличным от их физиологическом виде.

Так что, мне собственно и деваться некуда было, как только принять облик средних лет, максимально неприметного, русского человека мужского пола в соответствии со скрупулезно проведённым анализом полученной информации и строго следуя инструкции BBC, как бы она мне, как творческой личности не претила. Опять, блин, занесло... извините.

Вы представляете, как всякий раз тяжело принимать чужие формы, если учесть нашу шарообразную, почти идеально и идейно близкую к вселенной форму тела. Ну да чего теперь скульить – сам работу выбирал. Но, не мене сложно, оказалось, сочинить легенду: кто ты, откуда и прочее... На сколько я сумел на тот момент разобраться в отсканированных компьютером данных: русские в целом народ простой, доверчивый и в некоторой степени даже наивный: в сказки верят, в справедливость, в непременную победу добра над злом, тогда как почти все остальные племена землян в этом разочаровались что ли. Но в этом одновременно их сила и слабость. Поэтому, пришлось изрядно поломать мозг, прежде чем вечером этого же дня я предстал перед избой деда в облике инженера-конструктора из Москвы примерно 35-ти лет с характерной небритой внешностью. Не забывайте, что помимо миссии я был должен каким-то образом ещё и реанимировать аппарат, иначе как бы я вернулся на орбитальную станцию - рация то накрылась медным тазом при жёсткой посадке. А в соответствии с запасным планом спасения, место первого контакта с вами ровно через месяц в условном месте, до которого я ещё должен был как-то добраться. Но о ремонте «малютки», я тогда малодушно даже не помышлял, ибо понятия не имел с какого бока подкатится к решению этой неразрешимой, как мне тогда казалось, задачи. Однако, выход из интеллектуального тутика, как всегда, нашёлся сам собою...

Но, всё по порядку.

III

- Открыто... – услышал я уже до дрожи знакомый, хлипающий и свистящий низкий тембр утреннего дедушки после минутной паузы в ответ на моё неуверенное постукивание в дверь избы. «Не запирают» - отметил я про себя, смачно приложившись непривычным лбом в низкий проём, сделав первый шаг в небольшое крыльцо дома хозяина для первого контакта с землянами.

- Только пригнувшись маленько, – кашлянул дед, когда дубовый звон от моего неожиданного контакта с отесанным бревном немного рассеялся в барабанных перепонках.

- Спасибо, что... предупредили, - максимально вежливо поблагодарил я деда, почёсывая тут же вздувшуюся опухоль на лбу именуемую русскими шишкой.

- Значит...приложился? – уловил мой сдержанnyй сарказм и раздражение дедушки.

- Да, ерунда, до свадьбы заживёт, – хорохорился я, пытаясь тут же разрядить обстановку почёсывая неприятно торчащую на голове выпуклость.

- Не скажи, - нравоучительно захрипел дед, - в позапрошлом году, Витька, сосед, так с похмелья приложился об этот косяк, что почитай неделю болял, а медичка наша, Валька, болтала: если бы чуть выше темечком задел, то мог бы и дураком стать...

- Повезло...- машинально ответил я.

- Кому? – искренне удивился дед.

- Витьке...- растерялся я неожиданному вопросу, «ну и мне, наверное» подумал про себя, не решившись сказать о предположении вслух.

- Да какой там...ему хоть кол на голове теша – всё бес толку: в том году утоп, горемычный...не хватило, ну, и попёрся по весеннему льду в город.

- А чего, извиняюсь, ему не хватило-то? - спросил я, позже глубоко сожалея об этом, ибо лучше бы я этого вопроса не задавал.

- А ты ж кто такой будешь: пришлый? – насторожился дедушка, со скрипом приподнимаясь с железной, пружинистой кровати в тёмном углу крыльца.

- Ваша, правда,уважаемый,...из центра я, командировочный...Фёдор Фомич Флудов, вот документы...

Дед, наконец, полностью вышел из тени и предо мной лицом к лицу предстал крепкий, коренастый седой старик с окладистой бородой и колкими изумрудными глазами лет примерно 80-ти или даже больше. Он неспешно взял мои бумаги и пристально вчитался в каждую букву, затем, тщательно осмотрев меня с ног до головы, хитро прищутившись, уже доверительным голосом рёк:

- А я уж было, грешным делом, подумал, что ты, мил человек, с другой планеты, коли до рыжих усов дожил, а не знаешь, что значит «не хватило», ну или на худой конец - иностранец какой.

- Да уж...это точно вы, дедушка подметили на счёт инопланетянина, смешно – попытался я неуклюже отшутиться, чувствуя, как по спине побежали крупные капли пота. «Неужели расколол?! Но как?!» - внутренне я напрягался фразе деда, «быть этого не может – обычновенный старик» – тут же пытался я себя успокаивать, находясь, таким образом, в растерянности и изо всех сил пытаясь не показывать своего волнения.

- Ладно...не тушуйся. Пошутил я. Ну, а зовут меня, Иваном Кузьмичом, фамилия – Харлов, егерь я местный, лет тридцать при должности, родился в этих местах, тут меня каждая собака и всякий хорёк в лицо знает. В общем, садись, Фёдор, гостем будешь, потолкуем чего и как.

- Спасибо, Иван Кузьмич, а то сутки на ногах, голова кругом идёт... вот и несу всякую ерунду, – поблагодарил я хозяина, и чуть расслабившись, присел к столу на ближайшую табуретку.

- Значит, инженер-конструктор...уважаю, - продолжил было разговор егеря...как, вдруг, под столом, кто-то хихикнул и с воплем - «инженер!!!» вцепился в мою ногу. От неожиданности, я чуть не потерял над собой контроль и едва вновь не превратился в себя, то есть в сферу. «Вот это был бы провал», - успел я тогда подумать, «дед то, похоже, не из робкого десятка – мог бы, с горяча, меня чем-нибудь и окрестить или даже...», - впрочем, неимоверным усилием воли, проявив невероятную сдержанность, смог удержать плоть в рамках человеческого облика.

- Маша! - укоризненно забасил дед, - ну как тебе не стыдно, у нас гость, а ты на людей, как кошка дикая, бросаешься, а ну вылезай живо, не то в угол поставлю!

- Мяу! – раздалось тут же в из под стола: и в этом необыкновенно высоком и нежном звуке смешались искренние радость и сожаление, своенравный характер и беспредельная любовь к деду. А через мгновение передо мной предстало чудесное, маленькое существо с огромными, сияющими бирюзой глазами и алыми бантами, вплетённым в золотистые косички.

- Ну, егоза, наигралась?! А теперь извинись перед Федором Фомичём, он из-за тебя чуть с табуретки не упал, вон до сих пор, как поганка, бледный весь, - строго сказал дедушка Машеньке, еле заметно улыбнувшись ей при этом добрыми с хитринкой глазами.

- Простите, меня, дядя Федя, пожалуйста, – произнесла она таким ангельским голоском, наклонив головку и пряча глазки в огромных ресницах, что я снова растерялся и даже, ка-

жется, зардел, но уже от чувства сострадания и искренней радости причастия к этому необыкновенно красивому, открытому и нежному существу.

- Да что ты, Машенька, не стоит... - чуть не всплакнул я в ответ на детскую непосредственность и чистоту, - вовсе ты меня не напугала, дедушка опять шутит, наверное...

- Нисколько, за свои проступки надо отвечать...иначе дай им волю - на голову сядут, - нравоучительно ответил Иван Кузьмич, - с детства к порядку не приучишь, потом по шапке получишь.

- Да? - надулась внучка, - а ты мне сам говорил - «озоруй, Маша, пока малая, потом начнёт жизнь иная».

- Ишь ты! - удивился дед и немного горделиво подмигнул мне, - запомнила, колючка... наш характер, Харловский, ладно, уговорила - ничья. - А пока, будь добра, внученька, бабушку позови - небось на огороде она, скажи гость у нас - надо на стол накрыть.

- Ага! - обрадовалась Машенька и едва не вылетела с крыльца на крыльях счастливого детства искать не менее любимую ею бабушку.

- Ну, а пока, суть да дело, давай что ли, как водится, по маленькой, за знакомство: у меня свой на еловых шишках настоящий самогон - чисто огонь праведный, всё хвори бесовские на год вперёд выжигает, а пьётся что вода колодезная, живая. Одним словом - харловка, она и есть харловка, её чудесный рецепт мне отец передал, ну, а ему в свою очередь - мой дед и так далее, чуть ли не до Варягов сказывают, - не без гордости рассказывал Кузьмич, неспешно доставая початую литровую бутыль с мутно-белой жидкостью, солидно и таинственно покашливая.

- Это можно, - старался я максимально точно подстроиться под своеобразный говор егерь, что бы случайно не насторожить его как ранее с проклятым «не хватило», придав лицу выражения типичного инженера, который в пятницу вечером с коллегами по работе, вот-вот начнёт отмечать день рождения, удачное выполнение плана и окончание трудовой недели.

Но то, что моему искусственно воплощённому в иную форму, организму предстояло вынести, я не мог предположить в самом кошмарном сне. Даже в адской атмосфере Зулы, когда невыносимые перегрузки, стужа и пекло, едва не превратили меня в пыль нейтринную, было намного «комфортнее» чем после этой легендарной харловки. Хочу особо подчеркнуть что, в данном случае я не рисковал жизнью, маневрируя кораблём на сверхсветовой скорости, когда, как всегда, неожиданно обрушивается несчётная армада астероидов, как давеча при пересечении границ Млечного Пути. А напротив: добровольно, по собственной воле и даже, как чуть позже, оказалось, не безудовольствия употребил внутрь собственной плоти, сей парадоксальный напиток, вызывающий столь противоречивые ощущения.

Образно это отдаленно похоже на чувство, которое вы испытываете после, вдруг, не-весь откуда рухнувшей острой и нестерпимой боли, которая в свою очередь медленно, но неумолимо исчезает, после чего – наступает блаженный момент её полного исчезновения с одновременным приливом свежих сил, внутренней энергии и обострением умственной деятельности на непродолжительный период времени. И если уж совсем на чистоту, то не могу не отметить, что сам процесс разговора «за жизнь» под высоким градусом это нечто совершенно ни на что не похожее состояние во Вселенной. Во всяком случае, только на Земле, и только в России, я впервые прочувствовал это в полной мере на самом себе. А, если говорить по большому счёту, как бы мне физически не было тогда время от времени плохо, в особенности на следующее утро, я, нисколько не жалею об этом приобретённом опыте. И, в конечном счете, я даже благодарен судьбе, ибо откровение, искренность, открытость души с одновременными глубиной мысли и рассуждениями о смысле бытия Кузьмича с лихвой перекрывают вышеупомянутые относительные физиологические недостатки.

Я до сих пор под впечатлением той нашей с ним ночной беседы и морально испытал истинное удовлетворение от этого одновременно тяжёлого и лёгкого процесса общения. И даже начал склоняться к мысли о том, что проще вот таким образом поговорить по душам с представителем той или иной цивилизации, нежели тратить огромные ресурсы на исследования в соответствии с казёнными инструкциями, что бы с более или менее высокой достоверностью составить представление о нравственном и прочим состояния общества. Вспомните, Командор, сколько мы потратили средств, сил и времени, когда исследовали Хмурев на Плебсе – это же уму непостижимо, а толку чуть – замкнулись в себе, как пескари, - простого, искреннего слова клещами не вытащишь. И при этом, собаки, ой...простите – вырвалось – еще и всю дорогу улыбались: мол, смотрите какие мы все якобы открытые, белые да пушистые, а сами по сути скряги поганые каких во Вселенной ещё поискать надо. Впрочем, всё по порядку, а то меня снова унесёт в бесконечных рассуждениях о смыслах, черт знает в какой конец света.

Егерь, тем временем, неспешно, по-хозяйски уверенно разлил по пузатым стопочкам са-могон и достал из стеклянной банки несколько солёных пупырчатых огурцов.

- Ну, Фёдор Фомич, давай за знакомство, давненько я с городским инженером по душам не толковал, – и чинно, в один глоток опрокинув в себя харловку и тут же закусив, удовлетворённо и гулко крякнул, утирая рукавом, невольно прыснувшие из глаз слёзы. - Крепка за-раза, - еле выдохнул он через минуту.

- За знакомство! – подхватил я тост и сделал то же что и хозяин. - Не буду повторяться о нахлынувших, как цунами на головастика, и фактически не переносимых нормальным жи-

вым организмом ощущениях описанных чуть выше. Дополню лишь в качестве ремарки, что когда минут через пять, наверное, мои клетки, чудным образом начали вновь воссоединяться в плоть, а нейроны мозга таки нашли друг друга, то первое, что я решил, вернее - уверовал для себя тогда: «Бог или Нечто по-иному называемое однозначно есть, было и будет».

- Ну, как, Федя, живой?! Это тебе не казённая водка, а чистый мёд, – как ребёнок, не скрывая чувств, улыбаясь, хвастался Кузьмич. - Не дрейфь, наука, сейчас отпустит, ещё спасибо скажешь, - уже как бывалый врач – реаниматолог резюмировал он, сворачивая из обрезка местной газеты «Тверские будни» козью ногу и набивая её душистым, но крайне едким самосадом.

- Вроде... - наконец, выдавил я из себя первый членораздельный звук, вынырнув, как мне тогда казалось, из самого дна преисподней, постепенно наполняясь удивительно мощной энергией возрождения к жизни.

- Вроде в огороде, а у меня всё строго, как в десантном взводе - вон уж и зарумянился, куришь аль нет: табачок знатный, нынче такого не сыщешь? – приди в благостное состояние, оживившись спросил егерь.

- Нет, спасибо, лет десять как бросил, - постарался, как можно убедительней сорвать я, так как для себя твёрдо решил, что на сегодня экспериментов над собой хватит – вторую харловку мне не перенести.

- А вот я всё никак не сподоблюсь, но теперь уж поздно, не много уж небо коптить осталось... - задумчиво откашлялся дымом Кузьмич. - Ну, тогда рассказывай, Фёдор Фомич, каким тебя ветром в мою избу надуло.

- Да ракета наша экспериментальная где-то в ваших краях упала, а я инженер-конструктор, вот и послали нас, предварительно разбив предполагаемую область аварии на квадраты, её искать. Изделие уникальное, секретное, да и дорогое, там одних драгметаллов – на многие миллионы. Ну, а мне ваш участок достался. А поскольку вы егерь, и места эти как свои пять пальцев знаете, то собственно к вам в первую очередь и обратился за помощью.

- Эвано что... - заёрзal на табуретке стариk, как гончая в преддверии утренней охоты, - ясное дело помогу. - Сейчас уж поздно, скоро смеркаться будет, а завтра, на зорьке поищем твоё изделие; ну, а ты тогда, Федя, у меня в горнице заночуешь – продолжал он, почти командным голосом, и видимо, уже составляя в голове примерный план действий.

- Спасибо, вам Иван Кузьмич, за понимание и гостеприимство: дело серьёзное, государственной важности, - добавил я официоза и строгости в наш диалог.

- Да брось ты выкать, чай не на собрании, зови меня просто – Кузьмич: и тебе сподручней и мне привычней, а на счёт ответственности – не сумлевайся, я как-никак – капитан запаса,

боевой офицер. – И если на моём участке ваша ракета грохнулась, то обязательно отыщем: не иголка, в конце-то концов.

- Вот и отлично, - также взбодрился я, - а ты сам-то, Кузьмич, в последнее время ничего необычного не замечал? - Ну, не знаю: падение метеоритов, вспышек каких-то, разговоров на деревне, в общем, нечто странное в последнее время было?

- Да у нас, Федь, почитай каждую неделю что-то эдакое, непонятное приключается, мы уж и привыкли: чего только с неба не падает, слава Богу, всё в леса да в болота сыплется, а то ведь ненароком и пришибить может.

- Ну, а в последние день – два? – пытался я мысленно подвести Кузьмича к месту падения малютке, где он ранним утром с внучкой видел поваленный лес вокруг воронки, что бы завтра, не теряя времени, направится именно туда и придумать, как её выволочь на поверхность для, скорее всего, необходимого ремонта.

- Постой, постой... сегодня говоришь, а ведь точно!... у Ташнилова болота, на полянке... дырка появилась и гарью... - начал было описывать, по моей наводке, егерь место аварийной посадки «малютки», как дверь за спиной скрипнула, и уверенный высокий голос с безуспешной претензией на строгость оборвал его:

- Опять за своё!!! Не можешь уже без своей чёртовой харловки! Хоть бы людей постыдился! Пьяница...

Я невольно обернулся на звук и увидел, плотно стоявшую в дверях полную женщину лет, наверное, семидесяти, с ведром полным свежих овощей: судя по всему, это была супруга Кузьмича.

- Ты бы, милая моя, прежде чем рот открывать сначала с гостем поздоровалась, - совсем что ли со своим огородом одичала! – сдержанно осадил жену Егерь.

- Вечер добрый... - нарочито подчёркнуто поздоровалась она со мной, впрочем, абсолютно беззлобно; на что я, в свою очередь, представился по полной программе для придания себе в её глазах большего веса и также пожелал здоровья, наитончайшим образом выразив радость новому знакомству и безусловное почтение.

- Вот смотри, леший старый, сразу видно культурного человека, а от тебя только и слышишь: «дура» да «корова», - слегка обиженно и гораздо тише попрекала хозяйка мужа, видимо, сообразив, что в тысячный раз выяснить отношения при столь высоком в её понимании госте не стоит.

- Ладно, Агрофена Петровна, не ворчи, лучше угощай Фёдора Фомича, а то уж смеркается, да и Машке спать пора, – ласково, но интонацией, которая не обсуждается, поставил точку в словесной дуэли Кузьмич, вернее – многоточие, уже совершенно не обращая внимания

ния на привычные причитания супруги, с предвкушением не скрываемого удовольствия разливая харловку по стопкам.

- Без тебя знаю, ирод... - совсем уж тихо и скорее по инерции буркнула хозяйка, начиная накрывать на стол.

- Ну, что, инженер-конструктор, вторую - за здоровье – закон! - продолжил Егерь, прерванный разговор и, покрякивая от спорного наслаждения, ловко опрокинул в себя сто грамм убивающей почти все болезни на земле жидкости, правда, на сей раз, предварительно еле заметно перекрестившись.

И что мне было делать, Командор? Отказаться - значит мало того, что ещё раз вызвать подозрение Кузьмича, но и, возможно, испортить ему настроение, что с учётом характера Егера не способствовало бы налаживанию полноценного контакта цивилизаций. Конспирация есть конспирация. Как у них говорят, назывался груздем - полезай в кузов. Вот я и вляпался по самое не могу, вторично махнув, зажмурившись стопку харловки. Но к моему величайшему удивлению всё прошло много лучше. Нет, конечно, я также как и в первый раз, едва не выпрыгнул из собственной, да ещё и переформатированной в человеческие контуры шкуры. Как и тогда, я минуты три фактически находился на грани жизни и смерти, отчаянно и безуспешно пытаясь руками загрести воздух. И, тем не менее, не смотря на все эти адовые муки, все прошло относительно «великолепно». Более того, вновь обретя свою себя, я, неожиданно, ощутил такой прилив умственных и физических сил, что готов был контактировать с визави, хоть до-утра, будучи, как мне тогда казалось, на сто процентов уверенным, что ни разу не съబью и тем самым не выдам себя и свои намерения. «Возможно, оказывается ускоренная адаптация и акклиматизация моего организма, выработанные бесчисленными, изнуряющими тренировками на специализированных базах BBC» – мелькнуло тогда в моей ещё относительно светлой голове: вы же шеф, как никто знает, сколько было пролито пота и изведено нервов на стрессовых тренажёрах и психологических тестах.

Но, увы, я жестоко ошибался, самонадеянно, как сопливый первокурсник, уверовав, в свои, якобы, умопомрачительные способности, ибо не знал скрытого коварства харловки. И, только рассеянное внимание Кузьмича, вызванное возрастом и тем же, одновременно проклятым и великолепным влиянием самогоном едва не провалили пусть и спонтанно спланированную мной операцию по установлению контакта с землянами в чрезвычайных условиях экстренного падения «малютки» в верховьях Волги.

А тем временем, Аграфена Петровна, совершенно незаметно накрыла стол горячими блюдами и холодными закусками, отведав которые, я откровенно почти засоловел. Ах, Командор, если бы вы, знали, что такое, например, русские борщ, холодец и соленья один нату-

ральный запах которых, заставляют желудочный сок и, простите, слону, выделятся так же обильно и мощно, как энергия при взрыве сверх новой звезды. Все наши тюбики и таблетки с имитаторами, якобы полезными добавками и прочей химией – это ничто, и если хотите – из-девательство над организмом, самообман, иллюзия в сравнении с обычновенной земной едой. А ведь каких-то десять веков назад наши предки, делая первые шаги в космос, также как эти люди, ещё вкушали подобную настоящую пищу.

Конечно, как мудро ими же замечено: «не хлебом единым жив человек». Но, чёрт меня задери совсем, Мудриус. Когда мы создали ВВС, став такими внешне могучими, рациональными, «покорившими» почти половину видимой части вселенной и, как, извините, маньяки, жаждем подмять под себя вторую её половину, то за этой бесконечной гонкой по освоению пространств мы неумолимо лишаем себя маленьких радостей, без которых наша жизнь стала какой-то механической, штампованный, серой. Мы сделались некими биологическими роботами. Иногда, мне кажется, что чем выше мы поднимаемся по ступеням научного прогресса, то всё более теряем связь с первородными корнями, которые щедро и безвозмездно питали нас самобытностью, традициями, культурой, что, в конечном счете, и предавало нам импульс развития и созидания на всём пути нашей цивилизации. Но, всё более отдаляясь от наших истоков, подменяя их искусственными, пусть даже и положительными ценностями, однажды, мы, точнее уже наши потомки, видимо, переродятся в нечто иное, возможно ещё более развитое качество. Но это будем уже не мы... Хорошо это или плохо – вопрос, определённо бессмысленный, ибо глупо и наивно полагать о том, что, двигаясь вверх или вниз, мы так или иначе не отвергаем предыдущий свой путь или хотя бы его часть. Такова, увы, плата за осознанный выбор положительной, а быть может – условно положительной, в нашем случае стези развития. Обретая новое, мы неизбежно и, увы, навсегда теряем старое и, возможно, более дорогое и близкое нам, нежели все сомнительные блага мира и знания о нём. Извините, шеф, опять меня понесло чёрти куда - проклятые сомнения не дают покоя ни уму, ни сердцу...

Ну, так вот...обретя благостные состояния души и тела, меня и Кузьмича, одновременно, наконец, потянуло на тот самый, настоящий разговор за жизнь.

IV

Должен, сразу оговорится, что пересказ нашего последующего диалога изобилует некоторой корявостью и непоследовательностью, чему есть объективные причины в виде влияния алкоголя: провалы памяти, которые становилась чаще по мере углубления беседы, но

впоследствии были частично восполнены, диктофонной записью, которую я предусмотрительно успел тайно включить на мочке уха до потери сознания.

Начали мы, как водится в России, разговором о погоде и футболе. В первом случае, особо не споря, после очевидных тезисов сошлись на том, что климат в целом нестабильный и то, что будет завтра - никому не известно. Во втором, несмотря на то, что как выяснилось, мы не были даже любителями этой популярной среди землян игры: Кузьмич последний раз был на стадионе лет двадцать назад, да и то по случаю в связи со слётом егерей в Твери, где в честь юбилейного съезда безлико гоняли мяч местные «Зверолов» и «Тральщик», ну, а я - по определению ноль, ибо вовсе залётный: также не пришли к единому мнению. И, тем не менее, мы дружно и основательно перемыли косточки сборной России: каким-то Аршавину, Березуцким и Хидингу. Затем плавно и незаметно для меня перешли к семье и детям, где я, что бы случайно не запутаться в родственных связях и тем самым не насторожить Егера, ляпнул, что, мол, ещё холостой, чем собственно вызвал трёхминутную, нравоучительную речь, закончившуюся тостом:

- А теперь, Федь, давай... что б тебе, Господь, жену красавицу, да хозяйку добрую послал, ну и детишек побольше: сам знаешь, за детей не выпить - грех... - это святое! И не затягивай с этим... пока молодой...

Мне, реально не женатому, бездетному, по сути, совершенно одинокому пришельцу, даже если бы я отбросил конспирацию и стал вновь самим собой - и возразить-то не чего было простым, очевидным и от того железобетонно убедительным тезисам авторитетного и умудрённого богатым жизненным опытом егера. Более того, к тому времени, под умиротворяющим влиянием великолепных харловки и снеди, я уже внутренне не сопротивлялся никаким тостам и даже как будто сам живо потянулся к стопке и осушил оную раньше Кузьмича. При этом процесс восстановления организма сократился уже до одной минуты, что меня, безусловно, успокоило и даже взбодрило: я наивно полагал, что процесс адаптации к новым условиям бытия набирает живительную силу. О, как я жестоко ошибался...

- Вот скажи мне, Федь: чего в эту Москву все, как мухи на говно, слетаются...? - продолжал, меняя темы как генератор случайных чисел, витиеватый разговор егеря. - Вон и Надька моя, дочурка непутевая - уж лет семь как туда подалась счастья искать, а я ей каждый месяц с пенсии отсылаю? Спрашивается: и на кой было икру метать...? Одна нам старикам радость - хоть внучку нагуляла и сюда на лето привозит.

- Ну, так там жизнь дорогая... на то она и столица, - многозначительно заключил я, - и для убедительности добавил, - зато и возможностей больше чем на п...периферии. - Возьми хоть меня для примера. Окончил я среднюю школу в этом... как его...Мценске... вот память-

то. Причём так себе учился – ничего выдающегося – с тройку на чётвёрку, лишь два предмета по душе были – физика и литература. Затем, как полагается, отслужил три года в галак...тьфу ты чёрт - в тихоокеанском флоте. Возвращаюсь домой - молодой, здоровый, - амбиций – пруд пруди. Ну, погулял, чуток, огляделся. На какое ж, думаю, поприще свои стопы направить...городок-то у нас маленький, в ф...фотонный телескоп не сразу разглядишь, одна войлочная фабрика и огороды: валенки валяем, овощи – поедаем. А до ближайшего райцентра, как до луны, да и там – три завода, два – банкроты, один институт коммунального хозяйства – вот и ищи, как хочешь, счастья. Эк, Кузьмич, меня, воспоминания т..торкнули - аж в рифму бросило. Давай, может по..- не осмелился я, продолжить фразу, не мало удивившись, тем не менее, своей, как мне тогда показалось естественности поведения и правдивости сочиняемой на ходу легенде собственной биографии, которая, как вы, шеф, надеюсь, заметили весьма схожа с реальной, если отбросить условности.

- Не вопрос, Федя, - сочувственно отреагировал Егерь, моментально разлив по стопкам харловку с горочкой.

Многозначительно выпили. С минуту выразительно помолчали. Удивительно, но в этот раз мой организм фактически никак болезненно не отреагировал на влитое в него произведение народного и, если хотите, кулинарного искусства, а напротив – испытал всё более уверенный подъём физических сил и лишь слегка заплетающийся язык начинал немного мешать диалогу. Впрочем, если бы мы по этой причине потеряли бы дар речи, то легко объяснились бы жестами или как-нибудь иначе – до такой степени с каждой рюмкой мы становились ближе и понятней друг другу.

- Ну, в общем, решив для себя, что мне нечего терять кроме...как это у вас... говорят, то есть, блин, у нас... «собственных цепей» – двинул в центр Всел...да что ж сегодня такое... – в Москву я имел ввиду. В Литературном институте, куда меня потянуло в первую очередь, наглоухо задвинули, говоря что, мол, нет ни способностей, ни тем более - таланта, бегло прочитав всего пару строк из моей поэмы «Бытие и Бесконечность». Ладно, думаю, Латунские, мать вашу так – ещё пересечемся – жизнь штука извилистая – поглядим, кто есть ху. Здорово они, г..гады, тогда ранили моё самолюбие, едва не смертельно. Одним словом, хлопнул я им дверью на прощание так, что выпроваживали меня с милицией. Такая у меня, Кузьмич, понимаешь, злость на весь мир и на себя обуяла, что хоть камни грызи. Мол, что ж это я совсем круглый дурак – быть того не может: вон их сколько кругом шастает - хоть штабелями складывай и ничего мир не сошёл пока с ума. И двинул я наперекор всем поганым ветрам судьбы в физико-технологический университет, сдал на одном дыхании с отличием экзамены, до сих пор удивляюсь как; и поступил на факультет р...ракетостроения и н...навигации.

- Молодца, Фёдор! - с характером значится, – уважаю, - одобрительно откашлялся Кузьмич, огромными затяжками вновь раскуривая въедливый, как нашатырь, самосад.

- Да какой там...характер, повезло, наверное, да и справедливости ради нужно отметить, что в группу был недобор – в перестройку, сам знаешь, профессия инженера стала не престижной, и в неё шли только одержимые идеей, мечтой, люди творческие коих и в лучшие времена было не много.

- Не скажи, б...брат, везёт тому, кто везёт, – как всегда мудро и лаконично резюмировал Кузьмич.

- Это да... И всё же, как говорится, нет худа без добра: я реально втянулся и по настоящему загорелся темой и вот уже лет двадцать занимаюсь ракетами, космосом и в итоге благодарен судьбе, которая меня вывела, что называется, в люди, предварительно приложив окаянным лбом о вразумительные стены провидения дабы не слишком задавался. Ну, в общем, так или иначе, но, именно в М...Москве я реализовал свой шанс. Хотя, конечно, кто его знает, что было бы останься я в районном центре... валенки валять, глядишь, если бы не спился, то и писателем бы каким-нибудь сносным заделался...

- Так то оно так...столица, всё такое... Да только, Федь, от судьбы не уйдёшь – будь ты в Москве или на Колыме. Вон дочурка моя, не путёвая, Надька-то, как подалось туда, так и мается всю дорогу. Уже два раза угораздило развестись, снимает крохотную комнатку на окраине, работы постоянной нет. То продавщица, то почтальонша, то уборщица, прости Господи... А ведь с медалью школу и текстильный техникум закончила, что блин...за с..учье время такое настало...а, Федя? - взгляд Кузьмича потускнел и рассеялся в нескрываемой печали, а рука машинально потянулась к бутылке.

- Перемены, они, они Кузьмич, с..собаки такие – кусаются, - попытался я хоть как-то утешить старика. - Вон к..китайцы так прямо и говорят, мол, не дай вам...нам значится Бог жить в эпоху перемен...

- А когда жить-то раскудрить их так и эдак: то войны, то революции, то перестройки – только кое-как приладишься - бац опять беда на народ сваливается, вернее, сваливают – ну, что ты будешь делать. Всё терпим и терпим...сколько ж, Федь, можно: терпелка-то не бесконечная, а лопнет – снова бардак лет на двадцать... парадокс... Давай что ли...по м...маленькой...что б им, иродам верхним, в ад гореть не перегореть...

- Давай! – твёрдо подхватил я протестный настрой Кузьмича, решительно опрокинув очередную стопку.

Удивительно, но до сих пор отчётливо помню, блистательную и рекордную по времени, пусть и локальную - а кто ж тогда знал... победу своего организма над очередной атакой всё исцеляющего зелья.

- Я, Федь, на этом с...свете ничего уже не боюсь, а вот в последние годы тревожусь что ли... Ладно я, калач тёртый, где только за почти девяносто лет не бывал, одних войн пять штук на брюхе отползal, - наше поколение вообще ничем уже не прошибёшь, да и небо коптить немного осталось... А вот что с д...дочкой, а особливо с внучкой будет...и вообще со страной – сердце загодя болит, как думать об этом начинаешь...

- С...согласен....п...полная жжж ...не определённость...то есть - с трудом вставил я фразу не найдясь сразу ответить что-либо более внятное и весомое соответствующее остроте поднятого егерем вопроса.

Возмущённо минут пять помолчали. Кузьмич снова закурил. Я же, привыкнув к ядрёному самосаду, едва в чувствах не сорвался и чуть не составил ему компанию. Тем временем в окошко начала бесцеремонно заглядывать, как мне тогда показалась, нагловатая Луна, словно прожектор, пронзая крыльцо и тем самым бессовестно вмешиваясь в наш тяжёлый разговор о не простых насущных проблемах.

- Ладно, Федя, не бери в голову: Бог не выдаст – с...свинья не съест, авось, всё и обойдётся - это я так... по-стариковски...причитаю... - оборвал разом, повисшую незримой ницью гнетущую паузу хозяин, резко встряхнув седой головой. - Сколько уж Россию хоронили, уж прах её могильщиков сгнил давно, а она Матушка...всё себе живёт нам на радость - несмотря ни на что! Еще повоюем, не дай Господь, в случае чего - чай не в первой! Давай за землицу, кормилицу нашу, Фёдор Фомич! Сей тост, сам знаешь, - Святой на Руси во все времена и во всех смыслах, какие б кощei на её красоту и богатства неописуемые не зарились!

- Д...давай!!! – абсолютно осознанно поддержал я искренний порыв облагороженного Верой, Надеждой и Любовью к Родине Ивана Кузьмича Харлова, который, как оказалось позже – являлся Гвардейцем и действующим полным кавалером Ордена Воинской Славы своей, а теперь по воле рока ... почти моей страны. Мы синхронно «съели» очередные ёмкости харловки внешне даже не поморщившись, показывая друг другу солидарность в поднятом вопросе и одновременно кукиш с кулаком невидимой, но как бы присутствующей вокруг нас заочно любой злой сile - мол, нас так просто без хрена не сожрёшь.

Как вы,уважаемый, Мудриус, понимаете – вашему покорному слуге, т.е. простите, – подчинённому дабы не ударить лицом в грязь перед благородной готовностью Кузьмича в очередной раз пожертвовать собой ради чистого и светлого будущего детей и планеты в це-

лом - пришлось бросить на амбразуру последние остатки сил. После чего я, собственно, реально загустев, начал потихонечку, но определённо «плыть» всячески сопротивляясь неумолимому процессу опьянения. В конце концов, - успел я себя поймать на почти забытом патриотическом чувстве, - вся наша нынешняя, кажущаяся незыблемыми прогрессивность и цивилизованность, были также достигнуты не без малой толики подвига пращуров, осознанно пожертвовавшие собой в кровавую эпоху слома мракобесия первых Водолеев.

- Вот ты, Федь, учёный...скажи, неужели и в космосе всё так же? Ну, там марсиане всякие или ещё кто? Мы что ж на Земле одни такие, не путёвые, в этой ...как её ... В...Вселенной? – отчаянно пытаясь сфокусировать рассеянный взгляд на нарочито яркую Луну, как то философски холодно спросил уже изрядно хмельной хозяин.

- Да к...как тебе сказать, К..Кузьмич... - лихорадочно и в итоге безуспешно пытался я выстроить витиеватый ответ, застигнутый врасплох, казалось простым для меня вопросом. – В...вообще, по теории в...вероятности, но с...строго между нами...вы..., то есть...мы, хотел я сказать, прям беда какая - целый день п...путаюсь... земляне - не одиноки...но ...это государственная т...тайна, тебе только как другу говорю...

- Ишь ты... – значит, существуют всё-таки чертишки эдакие, – неожиданно для меня спокойно отреагировал Кузьмич, на, казалось бы, сенсационное откровение из уст учёного в его глазах человека. - А я ведь, Федь, особо и не сомневался...как мол так: бывало прикидывал умишком - эвано звездиш скока Господь наворотил – ужас просто, пропасть сущая, ни в жизнь не счасть...и что б где-нибудь ... не было каких-нибудь гуманойдиков завалящих...круглых или ещё какой иной, ч...чудной формы...- быть того не может. Ну, а далёко...они...от нас?

- Эх...дружище...- с нестерпимой тяжестью в душе от того, что не могу раскрыться перед этим чудесным и искренним человеком, выдохнул я, - ты даже п...представить себе не м...можешь как они близко...- и рука моя впервые сама потянулась разливать хардовку.

Выпили. Кое-как закусили. Помолчали, пытаясь каждый по-своему взбодрить неумолимо угасающий мозг. Кузьмич, традиционно закурил, с трудом раскочегарив козью ногу с третьего или четвёртого раза, сопровождая процесс, всё более тихим и затухающим кашлем. Я же отчего то, вдруг, начал лепить из мякиша хлеба...свой автопортрет, вернее объёмную копию, ну что-то типа скульптуры: в итоге получилось нечто среднее между яйцом и колобком. Но недосказанность поднятого вопроса инопланетной жизни давила, как никогда за сегодняшний вечер, не смотря на то, что, откровенно говоря, мы уже с трудом понимали, о чём вообще идёт речь, а языки наши, как связующее средство общения еле ворочались и грозили с минуту на минуту объявить полное не повинование.

- Вот ты с...спрашивал...л...легко ли ...нам...вам...нам, а чёрт... живётся там - с трудом я кивнул на Луну, как некий символ отличной от Земли части Вселенной населённой разумными существами. - С...скажу п...просто – если б...брать по бо...большому с...счёту – хрен редьки не слаше...вон возьми хоть опять меня:...з...знашь...сколько у меня парсеко–лет на лёта...и ш..что? - всё в лл...лейтенантах ошиваюсь...а всякие б...бездари...но в бытовом плане...всё ж...п..лучше чем... у вас...нас...да ..что б... меня...дайка - затянусь...что ли...а то совсем м...мозги скисли...

- З...значится и там...почти также...как т..тут...- мрачно подытожил, Кузьмич, передо-вая мне уже ставший ароматный окурок...- нда...может не надо, Федя, ты жж...вроде, б...бросил...ну её к дьяволу...эту привычку.

- Не...Кузьмич, из п...принципа, надо, д...дорогой...- повело меня в конец.

Последнее, Командор, что я туманно помню без диктофона, после того как в первый и, надеюсь, в последний раз в этой жизни затянулся самосадом, реально почувствовав как вме-сте с лёгкими выкашиваю из собственноручно бичуемой плоти сознание и клятву данную BBC, было нижеследующее, как минимум служебное преступление:

- А...я, вв..Кузь...з...мич, ин... но..планетянин..., п...прости...ш..что...- прокашли-вался я всеми возможными щелями измученного организма так что уже почти и не слышал самого себя...

- Б...быв...аа...ет...- зевая и ничуть не смущившись, ответил засыпающий на глазах Егерь и, видимо, привычно, укладывая, тяжёлую голову на собственную бороду как на по-душку. - М...меня пон..аа...чалу этот са..моо..ссад тожжж....

Теперь – то, неделю спустя, шеф, я наверняка знаю, что Кузьмич, не рассыпал моих признательных слов кто я и откуда, но вы, тем не менее, вправе наказать меня по всей строгости закона за проявленную минутную слабость. Но тогда, когда моё подорванное алкоголем и единственной убийственной затяжкой самосада сознание уже падало в пропасть временного не бытия, я инстинктивно проклинал свой болтливый язык и уповал на чудо, что сильно выпивший егерь даже если и услышал моё не членораздельное признание, то, скорее всего, – ничего не поймёт. Таким образом, по собственной глупости я сам себя подвесил в состояние нервной не определенности вплоть до удачного завершения командировки, когда невероятными усилиями отремонтированная «малютка» не пристыкововалась к нашему звез-долёту.

Воистину правы философы, когда отождествляют каждый новый рассвет, весну с возрождением жизни, ибо на смену мрака и безвременя смерти рано, или поздно, но обязательно является чудо Воскрешения всего живого. Применительно же ко мне данная аллегория реализовалась в том, что когда за полночь после разговора за жизнь с Кузьмичом, был постыдно низвергнут во тьму тараканью, то уже с восходом Солнца того же дня был чудесным образом реанимирован к новой жизни. Егеръ, как бывалый знахарь, фактически насилино влил в мою пылающую плоть рюмку харловки и не менее литра огуречного рассола, после чего я в пять минут буквально ожил и встал на ноги. Не буду утомлять вас описанием состояния утреннего похмелья предшествующее вышеупомянутому «воздржению». Ибо, во-первых, самоё воспоминание об этом у меня даже сейчас вызывает тошноту и рвоту, а во-вторых – это и описать-то по моему скромному разумению не представляется возможным в связи с подавляющим преобладанием мрачных и негативных красок, неподвластных моему хоть и тонкому, но весьма ранимому перу.

- Ну, как самочувствие...инопланетянин? - с хитрецой, но по-доброму, подмигнул Кузьмич, разворачивая передо мной карту Харловки с окрестностями, - латиняне говорят, мол, подобное лечи подобным, а по-нашему – клин клином вышибают.

- Да... вроде полегчало, - глупо я улыбнулся, чувствуя, что краснею, словно девица на выданье, с ужасом вспоминая обрывки моего финального откровения, но интуитивно надеясь, что Кузьмич, всё-таки по обыкновению шутит, а не раскусил меня, учтивая его жизненный, и в том числе богатый военный опыт, как пассатики гнилой орех.

- То-то...со мной, Федя, не пропадёшь, ну давай, прикинем план поиска твоей «малютки», - как ни в чём не бывало, деловито раскладывая на столе карту, кашлянул егеръ, - Гм...это ж надо так казённую ракету обозвать...чудно...ей Богу.

«Тысяча бесконечных чертей!» - возмутился я тогда про себя, - «неужели и про «малютку» проболтался, что, блин, за гадский язык – вырвать мало..., но с другой стороны», - как всегда цеплялся я за любую ниточку надежды - «быть того не может – хоть лопни: ни грамма не помню что б даже заикнулся вчера об этом». Вся внутренняя, с невыносимым трудом скрываемая от Кузьмича борьба, вновь сопровождалась обильным выделением пота под спудного страха перед нарастающей возможностью быть так глупо и постыдно разоблачённым.

- Вот уж и хмель из тебя выходить начал, так что не дрейфь, конструктор, – у меня всё по плану, через пол часаика по лесу как заяц бегать будешь.

- Даже не сомневаюсь! - попытался я ответить максимально бодро, скрывая от Кузьмича внутренние терзания при этом, действительно чувствуя, как в организме неумолимо капитулирует похмелье.

- Вот и ладно: хорошему человеку харловка зла не причинит – веками проверено, - с нескрываемой гордостью, философски рёк егерь и вновь хитро, но по добromу, подмигнул мне.

- Ну, а теперь за дело, Фёдор Фомич: я, пока ты тут спал, охал да ахал, прикинул маршрут поиска ракеты. Сначала, значится, пойдём на Ташнилово болото, где я давеча свежую дырку видел, а дальше по секторам по ходу Солнца, думаю, что максимум за месяц всю мою вотчину обследуем - сам понимаешь сто квадратных вёрст это по территории как Люксембург какой - не меньше.

- Что ж, план толковый, сразу видно военного человека. Ну, тогда двинулись на болото – время не ждёт! – продолжал я всячески хорохорится, с ужасом представляя, чего же ещё смог разболтать в похмельном угаре Кузьмичу, «охая» да «ахая» ночью, будучи к тому же напрочь обезоруженным беспросветным Морфеем.

Наскоро попив чайку и, снарядившись соответственно поставленной задаче, мы отправились к Ташнилову болоту; было что-то около 6 утра по местному времени. Нежные лучи Солнца не привычно радужно переливались в еле заметной паутинке тумана, божественным хрусталём разливались трели каких-то не видимых для меня птичек, а свежесть воздуха была настолько явственна, что мои лёгкие, мгновенно очистившись от остатков вчерашних испытаний, как воздушные шары, наполнились упругой невесомостью, и едва не понесли меня над тропинкой.

О, Святая Бесконечность, какая же, дорогой Мудриус, красотища неописуемая, окружала меня. Накануне мне было, сами понимаете, недосуг любоваться местной природой. Но сегодня кое-как направив дела в нужное русло, оглядевшись, я был реально восхищён окружающим меня миром. Честно признаюсь, что при всём уважении к удивительным горам вавшей Леи и даже невообразимой мощи океана моей родной Аквы – оные с красотами Земли русской в верховьях Волги рядом не стояли. Да чего там: помните нашу удивительную командировку на Флору в так называемый заповедник BBC, где собраны лучшие образцы растений Вселенной и интегрированы в местный и без того колоритный ландшафт. Так вот даже это отчасти рукотворное чудо заметно уступает местным красотам. К слову сказать, шеф, я почти уверен, что влияние природы на характер, образ мыслей, поведение, душу, что в конечном итоге формирует мировоззрение любого разумного существа также существенно как и воздействия социума, в котором он существует. И чем природа, окружающая его с рожде-

ния более разнообразна и чудесна, тем более индивид предрасположен для духовного и интеллектуального развития, при прочих равных условиях, разумеется.

- Что, Федя, рот открыл, - красиво? – по хозяйски, словно рачительный садовник, спросил Кузьмич, с восхищением оглядывая пробуждающийся малахитовый лес, бирюзовую Волгу и золотистое как купала церквой небо.

- Не то слово, Кузьмич, аж голова закружилась.

- То-то, - это тебе не в каменном городском мешке пыль глотать, тут у нас всё живое, настоящее, Господь, похоже, лично постарался – даже ангелам своим не доверил. От того-то, у нас Русских и душа нараспашку от эдакой красоты и широты – вновь насторожил меня, Кузьмич, своей прозорливостью, как будто прочитал ход моих мыслей.

- А то! – продолжал я как мальчишка, искренне восхищаться волшебной природой богатого во всех смыслах края.

А между тем за душевным и интересным разговором о невиданных красотах, о возможных причинах их появлении тут и их влиянии на характер человека минуло часа полтора, и мы вплотную приблизились к болоту. Должен отметить, что даже в этом весьма угрюмом месте, я отметил своеобразную уединённую, таинственную прелесть восприятия.

- Кажись, здесь где-то... - откашлялся Кузьмич, - вон и осины кругом повалены, как от взрыва: значит, в эпицентре давешняя дырка от ракеты должна быть.

И уже минут через пять мы уже стояли, склонившись над отверстием в безуспешной попытке выяснить фонариком корпус моей «малютки».

- Не видать ни чёрта... - сокрушался Кузьмич, - а по размеру то дыра похожа?

- На глаз, аккурат по диаметру - надо лезть, – максимально серьёзно ответил я, обвязываясь верёвкой и готовясь к спуску. – Ну, с Богом что ли...

- Давай, Федор Фомич, что не так крикни али дёрни за бечеву - я тебя вмиг выдерну, си-лушка ещё не перевелась, сдюжу, не переживай зря.

- Добро, Иван Кузьмич, - по-военному увесисто ответил я и, как нечто среднее между альпинистом и трубочистом, начал спускаться к своей драгоценной малютке.

- Ну что?! Нашёл? – переживая, каждую минуту, как на охоте, азартно кричал Кузьмич.

- Да, не видать что-то, - отвечал я, для убедительности выдерживая паузу согласно гениальному учению Станиславского, сидя на крышке люка аппарата и прикидывая каким же невозможнообразимым образом его можно выволочить наверх, ибо даже, положим, зацепиться тросом было почти не за что.

По перекликавшись таким Макаром минут десять, собравшись с духом и призвав на помощь вдохновение, я, наконец, убедительно сказал правду:

- Есть! Нашлась родимая!

Верите ли, Мудриус, мне до сих пор очень стыдно... Вы, как никто, знаете, как я болезненно переношу сознательное искажение действительности, и как это порой отрицательно оказывается на собственной карьере, хотя последнее меня по большому счёту мало волнует. Нет, я, конечно, всё понимаю: долг, служба, присяга. Но, иногда, пусть и крайне редко, когда встречаешь гуманоидов подобных Кузьмичу, с открытой душой, чистым сердцем и ясным разумом всякий раз всё более склоняешься к очевидной мысли, что им можно и должно довериться, положившись на их понимание, совесть и честь. Ведь в любом обществе, какого бы уровня развития оно не достигло всегда найдётся некий процент, как откровенных негодяев, так и напротив – крайне порядочных индивидуумов. И мы, отгородившись от низших цивилизаций строгими законами и инструкциями, ради безопасности, а по сути – конформизма считаем себя высшей?! Неужели для такого рода гуманоидов, как Кузьмич, мы не можем пойти на разумное исключение при контактах? Опять-таки, повторюсь: сколько бы мы сэкономили времени ресурсов и нервов при чрезвычайных ситуациях как, например, в моём случае. Я уж умалчиваю о нашей пресловутой гуманности коеи мы так любим кичится по поводу и без... теша тем самым собственное самомнение... Эх... и куда катимся... эдак можно и само выродится. Налейте, пожалуйста, ещё рюмочку, Командор, вашей замечательной лейвики, а то что-то у меня... от этой прискорбной мысли комок к горлу подкатил.... Спасибо, вы настоящий друг.

- Ну, полдела сделано! – бодро я отрапортовал егерю, выбравшись из воронки, - осталось как-нибудь вытащить аппарат и дело можно сказать в шляпе.

- Ерунда, Федь, вытащим...на фронте и не такое на руках таскали: один раз взводом танк из болота выволокли, так что упрёмся как следует – сама, как блоха из бани, выскочит.

- Не всё так просто, Кузьмич: глубина метров семь, диаметр – полтора, вес - пару тонн, - со всей серьёзностью охладил я бравурную уверенность старика, ибо со всей очевидностью осознал, что без помощи третьих лиц нам малютку не вытащить, а это, как вы понимаете шеф, дополнительные риски межцивилизационного контакта.

- Ну и что! - напирал дед, - окапаем воронку, да и выкатим как-нибудь, она у тебя какой формы?

- Круглая, как бильярдный шар.

- Вот! Значит, и катить споручней будет, - не унимался Кузьмич, - правда вдвоем всё равно не управимся: я хоть ещё при силе, да и ты, гляжу, парень жилистый, а без помощи не обойтись – сам сказал две тонны – это если мешками мерить и то 40 штук выходит.

- Иван Кузьмич, а у тебя надёжные люди в деревне есть, сам понимаешь - дело секретное, государственное, - как можно серьёзнее спросил я.

- Как не быть - мужички найдутся... Мы, Фёдор Фомич, не из последних: в том году, к примеру, учения рядом проводили - так прям смех и грех: у них два генерала заблудились, так мы всей деревней вышли и за сутки нашли горемычных – перебрали малость... бывает. Зато потом они нам в благодарность солдатиков подрядили и теперь скотный двор как новый, ну и само собой – проставились на всю деревню - хорошие мужики оказались - весёлые, совестливые...

- Вот и отлично...

- Слушай, Федь, - обрадовался сизошедшей на него простой и очевидной мысли егеря, - а что б тебе своим не позвонить - начальство, поди, в раз на помочь людей бы отрядило, а?

- Да пронимаешь, Кузьмич, тут ёщё вон какое дело... строго между нами...

- Могила, Федь...

- Я главный инженер-конструктор «малютки», ну и сам понимаешь, в том, что она грохнулась не там где надо и моя вина, в том числе, наверное, есть. Хотя, клянусь, все расчёты по сто раз лично проверил. У нас ведь, сам знаешь как: бракованную деталь поставят, или соберут чего не так - и ладно, авось прокатит, а что случись – конструктор виноват, крайнего ведь всегда найдут. Начальство же всегда право, ему по статусу ошибаться не положено. Пишешь им, пишешь докладные мол, проверьте то, замените это – толку чуть...хоть кол им на голове тешись... без приказа сверху задницы от кресла не оторвут... а ты крутись как белка в колесе...бюрократы мать их так...

- Да уж... эдакого дерма у нас скопилось - за век не разгrestи, - нахмурился егерь.

- Ну, и если я её первым найду, да ёщё и лично починю, то может и не уволят... Да и если бы уволили – не беда – голова с руками есть – не пропаду, главное, – проект жалко, модель перспективная, по секрету скажу – на земле она в единственном экземпляре... ну и если работы из-за аварии начальство зарубит, то всё - хана программе, а ей равных в мире нет - это я тебе как специалист говорю. А если ракету поставим в серию, то вообще проблем с обороной страны не будет лет триста минимум, не говоря уже о полётах в дальний космос... Так что тебе решать,уважаемый, Иван Кузьмич, – как скажешь так и будет, мне одному всё одно не справится...

- Ясно, Фёдор Фомич, раз такое дело - поможем! Не сомневайся... или мы не русские - достанем твою ракету - ни одна собака знать не будет. И в ремонте, если надо, поможем - знаешь у нас какой кузнец – второй Кулибин не меньше: так что пускай себе летает во славу и для безопасности Родины.

- Спасибо, Кузьмич, иного ответа...друг...и не ждал, - едва сдерживал я наворачивающиеся слёзы умиления и благодарности за оказанное доверие со стороны честного, благородного и мудрого человека.

- Да ладно...чего уж там...- засмущался егерь, видимо, почувствовав мои волнения, - давай лучше, Федь, ветками дыру прикроем да и пойдем в деревню народ собирать.

VI

Всю дорогу из леса мы обсуждали, каким образом лучше выкопать «малютку». Прикидывали, что делать, если она потребует серьёзного ремонта: ибо, во-первых: надо было сначала как-то вывезти её из леса, а во-вторых – куда? Егерь настаивал, что лучше сразу в кузницу доставить, что б местному умельцу Петру, в случае чего, было сподручней мне помочь, я же пока воздерживался – и в свою очередь предлагал временно спрятать ракету в сарае Кузьмича. Публично я мотивировал это тем, что лишняя осторожность не помешает, хотя был уверен, что раз старик назвал кузнеца надёжным человеком, то так оно и есть. И, тем не менее, я всячески делал вид, что предприятие настолько секретное и важное, что малейшая утечка информации может повредить общему делу - ведь в кузницу постоянно приходят люди, а это лишние глаза и уши.

Но, реально меня тогда тревожили еще два обстоятельства из неведомого будущего: что делать, если, вдруг, потребуется материал, которого физически нет, не только у Пети-кузнеца или в ближайшей округе, но и вообще на планете Земля: в конце концов – моя цивилизация как минимум на три ступени по шкале ВВС выше тутойней; и то, что, не понаплышике зная о природной любопытности гуманоидов со складом ума типа Кулибина, опасался за целостность «малютки» в моё отсутствие. Помните, Командор, когда, в экспедиции на Сион в погоне за неуловимыми и коварными Кварками мы, точнее, извиняюсь, вы, в порыве отчаянной злобы сорвали фотонный акселератор и доверили его ремонт местному, блин, гениальному «мастеру» после чего целый месяц прозябали там от бездеятельной скуки, дожидаясь настоящей помощи из центра.

Посему, прежде чем согласится с очевидно более разумным предложением Кузьмича, вначале я должен был, во избежание казусов лично познакомится с местным кудесником и кузнецом Петром Петровичем Ломакиным, дабы понять, кто он и что из себя представляет. И признаюсь откровенно: по итогам знакомства я был буквально ошарашен проницательному уму, природной смекалке и золотым рукам с виду простого деревенского умельца, место

которому и ему подобных в ведущих академиях или исследовательских институтах страны, а не в глухих, забытых властью России регионах. Впрочем, всё по порядку.

Так вот часа через два, Кузьмич, одному ему известными тропами вывел меня из леса нос к носу к кузне, которая была расположена на небольшой опушке, примерно, в полу версты от края деревни. То, что предстало моим в раз округлившимся очам, резко отличалось от традиционного представления о сельской кузнице, почерпнутого из сканированной информации о цивилизации землян.

На чудесной полянке, окружённой густым и высоким лесом, расположился комплекс перемешанных друг с другом по большей части деревянных строений соединёнными между собой проводами, трубами, проходами и чёрт ещё знает чем. Посреди всего этого монументального с претензией на авангардный стиль архитектурного нагромождения внушительно возвышалась стальная труба, из которой с интервалом в минуту вываливался густой, сизый дым, как из небольшого но, крайне плодовитого вулкана. Более того, подойдя ближе, я, заметил, что на всех крышах строений находятся что-то вроде уловителей солнечной энергии на подобии наших межзвёздных фотоэлементных аккумулирующих батарей. И наконец, метровая параболическая антенна, корпус которой был сделан, по-видимому, из обыкновенной спрессованной фольги окончательно повергла меня в состояние легкого очаровательного шока.

- Ну, что... впечатляет? - как всегда с гордостью за всё лучшее в родных краях спросил Кузьмич, присев на пенёк, чтоб, закурив самосаду, отдыщаться после перехода.

- Не то слово - прямо фантастика какая-то – глазам не верю...

- Это что - вот когда внутрь зайдёшь, оглядишься, с Петром познакомишься – тогда по-настоящему онемеешь от удивления, – с иронией продолжал в том же, восхваляющем духе егерь.

Минут через пять после того, как Кузьмич, специальной приспособленной для этого железякой постучал в сплошные кованые ворота кузницы, оные, не смотря на внушительность, бесшумно разъехались в стороны и перед нами предстал небольшого роста средних лет муничок с непропорционально мощно развитым предплечьем и взъерошенными, чёрными, как угли волосами на голове. Но больше всего меня поразили глаза, которые, словно ненасытный огонь искали любую соломинку, былинку нового, интересного, непознанного для своего существования и развития.

- Ну, здорово, Петр! Как дела?! – с уважением, основательно пожимая крепкую ладонь Петра, спросил Кузьмич.

- Как сажа бела...- грустно отшатился кузнец, – видишь, будто чёрт из преисподней, третий день от наковальни не отхожу...вздрызг умотался...

- А что так? - проникнулся егерь, - опять чего-нибудь эдакое задумал?

- Если бы...Ты ж знаешь, Кузьмич, когда что-то творишь по уму и сердцу, то и душа радуется и работа спорится, а тут чистая каторга – председатель наш на голову ушибленный - Боренька - забодай его комар, таки подрядил меня забор ковать для правления.

- От ведь выжига, - удивился Кузьмич, - там же акромя битого калькулятора китайского да печати, которую он всегда с собой носит одни голые стены с пожелтевшими плакатами.

- Так и я ему о том же, а он - мол, документы украдут, дескать, компьютер вот-вот купим, время лихое - в общем, как обычно, ахинею нёс наше ходячее недоразумение. Да чёрт с ним: хоть и жалко времени, но с другой стороны денежката тоже не помешают, сам знаешь, сколько приходится на эксперименты тратить...

- Это да...- согласился егерь, - копейка завсегда пригодится, что б её пусто было. А мы ведь, Петь, к тебе по важному делу пришли, знакомься...Фёдор Фомич Флу...

- Спасибо, Кузьмич, дальше я сам, – едва не генеральским тоном, неожиданно для себя, но очень, как мне показалось, убедительно оборвал я его и максимально чётко изложил кузнецу известную проблему, предполагаемые пути её решения, а также выразил надежду на понимание и оказание посильной помощи в интересах государства.

Видимо мои высокие регалии, напущенная секретность и прямая связь с передовым краем ракетостроительной науки и космоса произвели на Ломакина неизгладимое впечатление, отчего его глаза буквально вспыхнули от неумолимой жажды приложить всего себя столь важному и чрезвычайно необычному делу, соответствующее при этом его практическим интересам в этой области знаний.

- Так, где говорите, ракета упала, схему нарисовать можете?! – загорелся кузнец, приглашая нас в один из блоков своей сюрреалистической творческой мастерской, сочетающий в себе функции регионального филиала политехнического музея, лаборатории, библиотеки, приёмной и кухни.

Я быстро набросал схему места, глубину, примерную скорость и угол падения «малютки» с параметрами её габаритов и, передав Петру, стал с неподдельным интересом рассматривать всё, что сотворил его гений, при этом, чем дольше я всматривался в произведения искусства технической мысли, тем более под тяжестью восхищения отвисала моя небритая челюсть. Сам же кудесник, тут же с азартом начал что-то чертить и вычислять, параллельно предложив чаю, и, не дождавшись нашего согласия, нажал какую-то кнопку на столе и через

минуту, словно паровоз со свистом и под парами на колёсиках к нам подкатился кипящий самовар с заваренным чайником наверху.

- Видал... - подмигнул мне Кузьмич, - знай наших...

- Да уж... - не успел я закончить очередную фразу восхищения, как кузнец, подобно молнии, сгустком энергии вклинился между нами:

- Предлагаю следующий план, Фёдор Фомич, - и он быстро разложил перед нами на столе наспех сделанные чертёж и расчёты. – Первое, как вы, верно, предполагали - сначала лопатами окопаем воронку – на это с учётом тяжёлого грунта уйдёт до двух часов при условии наличия как минимум пяти крепких человек. Второе – транспорт - тут сложнее. Две тонны ни на руках не отнесёшь и не перекатишь, ибо дороги никакой нет – одни тропинки не-пролазные да и повредить аппарат можно. Поэтому предлагаю воздушный путь.

- Как это?! – спросили мы одновременно с Кузьмичом, синхронно присев на табуретки и впившись, открыв рты, квадратными глазами в чудо-мастера.

- Элементарно, - тут же успокоил нас Ломакин, - предлагаю на выбор: дирижабль, воздушный шар и вертолёт - у каждого варианта есть свои плюсы и минусы, но это уже детали, которые обсуждаются, главное – концепция, подход.

- Петя, я, что-то ни сном, ни духом... ты вертолёт смастерили...?! – изумился егерь, - я ж всего месяц назад к тебе заходил: разве ж можно одному так быстро собрать, впрочем, чего это я удивляюсь... - по-видимому, немного обиделся на друга Кузьмич, за то, что тот не посвятил его в свой новый грандиозный проект.

- Можно, Кузьмич, всё можно, когда с умом и с душой к делу подходишь, а не говорил от того что сглазить боялся, хотя ты знаешь, я не суеверный... осталось ерунда - неделя край и можно взлетать, - уверенно отвечал Ломакин, с претензией на безусловное покорение воздушного пространства всматриваясь в небесную высь.

- Погодите, погодите... - так он ещё не собран и не испытан? – заволновался я одновременно абсолютно неожиданному для меня предложению по транспортировке «малютки»: «кузнец пусть и гений, но всё же – самоучка, - одно дело всякие чудеса придумывать, а совсем другое – серьёзный воздушный агрегат в кузнице из ничего собрать».

- Зря сомневаетесь, Фёдор Фомич, всё строго по чертежам и формулам – полетит, как миленьевский, куда он денется – сами увидите, скажи Кузьмич, - почувствовал Петя мои внутренние терзания. – Там всего-то осталось движок от жигулей форсировать, да лопасти навесить... - Ну, на худой конец можно посредством воздушного шара или дирижабля задачу решить – первый дня за два можно соорудить, второй - дней за пять, но зато управляемость лучше....

«Час от часу не легче» - тихо взвыл я про себя – «это у него, оказывается, только идея, а мне – реальность нужна».

- Это да, Федь, сколь себя помню, если уж Петро сказал – значит так и будет – вот тебе крест, – осенил себя крёстным знамением в подтверждение набожный егерь.

- Да я верю вам...просто неожиданно всё как-то...вертолёт, дирижабль...шар, - в тайне хоть и слабо, но, всё же надеясь, что «малютка» при аварии не понесла серьёзных разрушений и требует только косметического ремонта, с коим я и один вполне справляюсь, сейчас главное – вытащить её на поверхность, а там видно будет.

- Вот и ладно, - подытожил Ломакин, тогда я предлагаю вертолёт по следующим причинам: принципиальные плюсы – расчётная грузоподъёмность до 3-х тонн, оригинальная конструкция позволяет с запасом сесть на полянке рядом с объектом у Ташнилова болота, скорость на два порядка выше, полная не зависимость от ветра и погоды в целом, минус - шумит малость. - С дирижаблем и шаром – все ровно наоборот.

- А ещё реальные варианты есть? – спросил я, для того, что бы исключив заведомо не проходимые сценарии, и эмитировав некое подобие мозгового штурма, в итоге общего обсуждения остановится на вертолёте.

- Как не быть, есть, конечно, – заметно потускнев, саркастически ответил Пётр, - прорубить просеку и на тракторе вывезти аппарат, за месяц думаю, управимся, или марсиан попросить - они ребята шустрые - вмиг прилетят на помощь.

«Да что же это за напасть такая!» - взвыл я в сердцах, так как возмущённый непониманием происходящего разум, вновь заклинило, - «оны что, все сплошь телепаты или «марсиане» коих, к слову сказать, никогда и не было в природе, к ним всё-таки неведомым образом и неизвестно откуда периодически проникали?»

- Как это просеку вырубить?! Тебе кто позволит: ты, дружок, часом не забыл, что пред тобой егерь сидит и по должности за неразрешённую рубку леса я головой отвечаю... И потом...даже если я и пойду ради государственного дела на преступление, то народ тут же пронюхает: топорами махать да пилами визжать – это тебе не ручкой формулы писать – за раз услышит.

- Ну, раз иных действенных вариантов нет, то решено – останавливаемся на вертолёте, поставил я жирную точку в дискуссии, после чего кузнец, вновь засиял как блин и стал излучать из глаз неудержимый свет созидания. – Далее... так: сколько тебе, Петь, говоришь времени надо, что б довести вертолёт до ума?

- За четыре дня управлюсь! – радостно восхликал он.

- Ну, а если меня в подручные возьмёшь? – подзадоривал я его.

- Ежели отлынивать не будете, - весело подмигнул мне Ломакин, - то в трое суток точно уложимся.

«Нда...» - подумал я тогда про себя, задетый за самолюбие - «не высоко меня – отличника высшей академии ВВС - ценит местный умелец – всего сутки скинул, ну ничего придётся показать «мастер-класс» по механике, что б феномен особо не задавался» - хотя, справедливости ради должен признать, что он никоим образом ни выказывал тщеславия.

- Так... с этим вопросом решили, - продолжал я поддерживать высокий темп принятия решений, - сегодня же и приступим к сборке. Только вначале надо забор для вашего председателя доковать – что б он лишний раз сюда нос не совал...от греха.

- Упрусь, но к вечеру, доделаю, Фёдор Фомич, не сомневайтесь.

- Добро. Теперь о крепких помощниках, дабы не терять драгоценного времени, когда будем откапывать ракету: есть надёжные кандидатуры?

- Близнецов надо звать, - опять начал кашлять Кузьмич, - ребята надёжные, отслужили и здоровья немерено.

- Точно, лучше их не найти, - поддержал егеря кузнец, - ни пьют, ни курят, работающие: одним словом – староверы, хотя немного и странные.

- Как это ...? – насторожился я.

- Да ничего страшного, Федь, - вступил Кузьмич за братьев, - просто нелюдимые немноги. А по мне - оно и верно: лучше дело делать, чем лясы точить, как почитай пол деревни. Зато хозяева - дай Бог каждому - ни дом, а хоромы отгрохали, крепость – всё своими руками.

- То, что ребята неразговорчивы для нашего дела это даже лучше, но, прежде чем вводить их в суть вопроса, мне бы хотелось познакомится с ними – это не потому, что я не доверяю вашему мнению, а просто личный контакт сразу снимает сотни вопросов, это я вам как руководитель и психолог говорю.

- Да ясно... чего там...надо так надо: дело-то серьёзное, – совершенно спокойно ответил Кузьмич.

- Вот и отлично! – никаких недомолвок и недопонимания меж нами быть не должно, - всё больше входил я в вынужденную роль, - доверие и слаженность действий – вот реальный залог успеха предстоящей секретной операции.

- Ну, тогда по чайку и за дело! - предложил Ломакин, подхватив мой завод, который в свете предстоящих событий у него и так хлестал через край.

- Разливай, Петь, а то мы с рассветом на ногах - притомились...да я за Алёшкой и Тимошкой схожу: если дома, то по любому приведу, они меня, сорванцы, ещё с пелёнок жутко уважают, так что с этой стороны проблем не будет.

- Сей момент, друзья, - засуетился кузнец, - чаек знатный, липовый, вода родниковая, на еловых шишках самоваром тульским кипячёная – силы в раз восстановит – сколько лет уж пью...благодать. - Ну, и пирожками не брезгуйте – супруга пекла, с клюковой – пальчики оближешь.

- Спасибо, Пётр, за хлеб соль, у вас тут в деревне вообще всё что ни возьми – в музей заносить надо ибо, по сути, есть уникальные произведения народного творчества, - нарочито подчёркнуто обратился я к Кузьмичу.

- Гм...- хитро улыбнулся Ломакин, быстр сообразивший, в чём дело - значит, отведали харловку?

- Да имел вчера честь...отведать чудо-напиток, но, после того... как едва выжил - нисколько не жалею, а напротив, - до конца дней своих помнить буду, - как-то коряво сложил я фразу, в бездарной попытке подшутить над Кузьмичом и его шедевральным «детищем».

- Началось... - неловко улыбнувшись и слегка смущившись, ответил Кузьмич, - небось, если сейчас поднести по стопке – не откажитесь, а?

Мы с Ломакиным, одновременно отведя глаза, стыдливо замялись, закряхтели, всем своим видом показывая, что случись подобное – возражать, конечно, не станем.

- Ладно, так уж и быть, - снисходительно успокоил наши чувства Кузьмич – дело закончим – угощу, как следует – будете век благодарны.

VII

После изумительного чая с необыкновенно вкусными пирожками Кузьмич, как и было договорено, пошёл искать близнецов, а мы с энтузиазмом принялись доковывать забор для председателя. Должен признаться, Мудриус, что работа кузнеца требует мало того, что невероятного природного здоровья и силы, но и огромного внимания и терпенья, помимо самого разумеющихся умения, смекалки и навыка. Поначалу я всячески старался, поддерживать заданный Ломакиным темп работы, мотаясь, как угорелый челнок, от печи до наковальни с тяжеленными заготовками и даже, по наивности, пытался неуклюже шутить и подзадоривать напарника: мол, давай мастер покажи свою удачу. Но уже спустя два часа, я понял, что в очередной раз, нагло попал впросак, глупо, понадеявшись на возможности собственного организма, тренированного в лучшей академии BBC: ни три «перекура», ни ведро ледяной колодезной воды,литое в самое себя, не восстанавливали неумолимо покидающие меня силы и не оставляли пылающую плоть.

В конце концов, на третьем часу воистину каторжных для меня работ, ваш покорный слуга, т.е. простите – коллега, - не люблю подчинённость даже в условно устоявшихся фразеологических формах, но иногда, к сожалению, проскакивает – буквально сел на бетонный пол и медленно, как раздавленная катком улитка пополз прочь из ада на свежий воздух. Я понимал, что со стороны выгляжу как побитая камнями собака, ещё минуту назад пусть и скрытно, но самодовольно гордящаяся мощью клыков и породой. Мне стало невыносимо стыдно за то, что я – представитель цивилизации, которая на три ступени высшей по развитию, профессиональный контактёр со стажем и высшим дипломом ВВС оказался физически и морально слабее пусть и необыкновенного по таланту, но всё же рядового, в смысле трудё姆ости, кузнеца землян. Причём, опять-таки, винить в этом фiasco кроме самого себя мне было совершенно некого, отчего собственно на душе становилось ещё гаже.

- Что нехорошо, Фёдор Фомич?! – тут же подбежал ко мне встревоженный Ломакин, как пушинку, отбросив пудовый молот.

- Ничего, Петь, маленько сил не рассчитал, – стыдливо отводил я глаза, - засиделся за чертежами в НИИ - вот и результат...

- Я же говорил, вам - отдохните, сам управлюсь: работа не из лёгких – привычка нужна, а вы, как стахановец, упёрлись... да ещё после вчерашнего...

- Это точно: решил сдуру дать стране угля, - в тему отшутился я, еле вставая с колен, опираясь на стальные плечи Ломакина.

И уже через минуту крепкие Петины руки мягко и заботливо, как спящего ребёнка, опустили меня на лежак в тени двора кузницы, рядом с которым на маленьком столике неведомым для меня образом уже стояла 3-х литровая банка с прохладным хлебным квасом. Отхлебнув за раз не менее литра, я едва не трупом блаженно откинулся назад в объятия весьма жёсткого деревянного настила, где и был намертво схвачен морфеем. И хоть в мои планы дневной сон не входил, чего, к слову сказать, со мной прежде никогда и не случалось, тем не менее, пришлось позорно капитулировать в силу известных обстоятельств.

Приспал я без задних ног и рук, видимо часа два, никаких снов не помня, и очнулся исключительно от вибрации, амплитуда которой была весьма ощущимой даже для моего доведённого до глухой бесчувственности ударным трудом тела. Оглядевшись и не заметив воочию источника колебаний, я вновь зашёл в кузнечный блок, где Петя, подобно Гераклу схватившему быка за рога, по пояс голый, остервенело загонял в огромную пасть пресса поочерёдно пролёты забора и тут же выдёргивал их из ненасытного чрева, складывая пачками у входа. А я словно пацан, который впервые увидел нечто фееричное, открывши рот, стоял и восхищался работой, силой и удалью настоящего профессионала своего дела.

- Ну как, полегчало?! – заметив меня краем глаза, но не прерывая штамповать забор, весело окликнул Ломакин.

- Да! Спасибо, Петя, даже чутка вздрогнул с непривычки! – пытался я прорваться своими хлипкими децибелами сквозь раскатистый звон кузнечного пресса.

- Ага! – кричал он, уже не оборачиваясь, - ещё пол часа и баста! Вы пока в соседний блок зайдите - там не заперто – вертолёт гляньте!

- Добро! – проорал я в сторону кузнеца и уже начал выходить, как в дверях плотно столкнулся с неизвестным лысым человеком маленького роста и щуплого телосложения с чрезвычайно подвижным лицом и неспокойным взглядом.

- Извините... не заметил, - слегка растерявшись неожиданному физическому контакту, уважительно и спокойно сказал я, сверху вниз глядя на юркого человека, возмущённо сидящего на земле, физиономия которого начинала медленно, но уверенно багроветь.

- Гм...под ноги смотреть надо! – противным, как визг зажатой в дереве пилы, голосом огрызнулся незнакомец, - ходят тут всякие, а потом заборы пропадают... - уже гораздотише он буркнул, с пристрастием рассматривая скованные кузнецом пролёты.

- Что значит «всякие»?! - возмутился я, задетый за живое безапелляционным подозрением наглого коротышки.

- Ась? – не оборачиваясь и совершенно не обращая на меня внимания, брезгливо фыркнул подвижный человек.

- Вежливее надо, уважаемый, тем более с незнакомыми людьми! – повысил я голос, оскорблённый полным невниманием и безразличием к собственной персоне.

Лысый резко обернулся и смерил меня взглядом, которым бывалый и только что едва не отправленный таракан смотрит на флакон с дихлофосом и писклявым голосом заверещал:

- А ты кто такой, что б пред тобой извинялся?! Сам меня чуть не раздавил и ещё в обиде дуэтся, дылда! – вновь наливался алой краской неизвестный.

- Я, между прочим, инженер из Москвы! – специально акцентировал я ударение на последнем слове, - и требую к себе нормального, уважительного отношения, а не провинциального бескультурья!

- Аах! Знаем...это тот якобы инженер, что у Кузьмича вчера надрался в зюзю?! Много вас тут таких залётных шляется, а мне, блин, отвечай потом: почём мне знать кто ты: шпион засланный или, к примеру, гуманоид – на лбу-то не написано! – распалялся лампой накаливания коротышка.

Признаюсь, Мудриус, в тот момент у меня едва вновь не подкосились ноги. «Ну откуда этот мерзкий, противный человечишко знает такие подробности моей встречи с Кузьмичом:

и что именно я – инженер; да ещё про то, что я - инопланетянин толсто намекает!» - буквально взвыл я про себя от наползающей безысходности в связи с не пониманием происходящего.

- Да вы кто собственно такой и что себе позволяете, хам трамвайный!? – с трудом совладав с чувствами, взял я себя в руки, ограничившись устным и вполне скромным по местным меркам ругательством.

- Я кто?! – передразнил он меня и для пущей важности, надувшись, встал в начальственную позу и даже, как будто, подтянулся на цыпочках. - Я местный председатель - Борис Семёнович Никакой! – и по должности отвечаю в Харловке за порядок. Так что, гражданин, московский культурный инженер, - он особенно омерзительно-слащаво произнёс «культурный», - будьте так любезны: извольте показать документы, ибо в противном случае я буду вынуждён немедленно вызвать милицию для выяснения личности.

Сказано всё было нарочито вежливо, но с такой интонацией, что если бы сей гнусный тип обложил меня местным трёхэтажным матом, то, клянусь Бесконечностью, это бы не было так мерзко, противно и оскорбительно. Но ради выполнения возложенной на меня BBC миссии я был вынужден стерпеть эту гадость. Смерив в свою очередь Никакого подчёркнуто ледяным взглядом, я подал ему документы, специально добавив к тем что показывал накануне Кузьмичу еще один, по прочтении которого не приятная физиономия хама моментально, как у хамелеона, начала менять цвет от багрово-чёрного до бледно-жёлтого с одновременным съёживанием всей его и без того маленькой плоти.

«Предъявителю сего документа, Флудову Фёдору Фомичу, беспрекословно оказывать всяческие содействия, сохраняя оные в строжайшей государственной тайне. За неисполнение... Председатель ФСБ РФ Плахов Х.Х.» - абсолютно убитым, едва слышимым, голоском причитал страшную в понимании председателя и ему подобных надпись, трясущимся руками возвращая мне все бумаги.

- Ну, - ещё вопросы есть? - победоносно, но без мстительности и издёвки спросил я напрочь павшего духом ещё минуту назад кичившегося своей пусты мизерной, но всё же властью над людьми и от того, видимо, заочно презирающего всех и вся председателя.

- Н...никак нет, чего изволите? – заикаясь и изогнувшись в подобострастный вопросительный знак, покорно ответил он.

- Да мне собственно от вас изначально ничего не нужно было, а вот вы, судя по всему, что-то искали тут? – продолжал я слегка отчитывать за вопиющее хамство Никакого.

- Да я, Фёдор Фомич, только насчёт забора разузнать, а то правление наше совсем нараспашку...случись что... с меня ж потом не слезут, – едва не слёзно оправдывался он!

- Ясно, - начал успокаивать я жалкую и ничтожную, с позволения сказать, личность, - вы уж особенно не переживайте, Пётр Петрович вот-вот закончит работу, и можете забирать ограбду.

- Спасибо вам, - начал расшаркиваясь в поклонах Борис, как в дверях появился кузнец; красный, как варёный рак, вдрызг измотанный, но со сверкающим взглядом, излучающим очередную победу над препятствием отделяющего его от тайной и вожделенной мечты:

- О! Боря, ты чего так рано пришёл и скрюченный какой-то: печать проглотил, али мухоморов переел? – добродушно пошутил кузнец.

- Да так...ерунда, вот хотел забор поглядеть да с Фёдором Фомичём разговорились, – лукаво-заискивающе, улыбаясь, непривычно ласковым голосом заверещал Никакой.

- Уже познакомились, значит? – удивился Петя, не понялышке зная отвратительный характер председателя.

- Да уж...весьма приятное было...общение - подтвердил я, многозначительно подмигнув Борису, от чего взгляд последнего буквально провалился под пол.

- Вот и хорошо, а забор, Семёныч, хоть сейчас вывози - готов, а то у меня дел невпроворот, - задумчиво разгладил растопыренную бороду Ломакин подозрительно глядя на осунувшегося председателя.

- Понял, Петенька, я сейчас, мигом: и машину пригоню и денежки привезу – чрезвычайно уважительно и покорно ответил он; и, кланяясь, пятясь задом, быстро покинул кузнеца.

- Чего это с ним, Фёдор Фомич? Странный какой-то - первый раз его таким вижу, – ещё больше удивился Пётр.

- А это, друг мой, рано или поздно со всяким случается, даже с таким как ваш никакой председатель, когда он и ему подобные представляют себя чем-то большим, нежели они в действительности есть. Об этом в своё время великолепно сказал Великий русский князь Александр Невский: «Не слыти, а быти».

- Это точно...Мне дед всегда говорил, Царствие ему Небесное, а ему в свою очередь его дед, что раньше соврать там или обмануть кого, слово не сдержать - великий грех был, и презирали тех нелюдей всем миром. А сейчас...

- Не бери в голову, Петя, верь - всё образуется – надоено только жить по совести, с умом, да дела делать как ты, например, и всё восстановится как встарь, только эволюционным витком по спирали прогресса выше.

- Да я верю, Фёдор Фомич, нам, русским без неё, без Веры, то есть - совсем беда: живьём сожрёт тоска зелёная, будь она трижды не ладна.

- Согласен, Пётр, вон и твой тёзка апостол, что в переводе с греческого - камень, скала в своё время благодаря Вере истинной стал одним из избранных Господа, обретя Бессмертие в Царствие Небесном. - Так что ты, мастер, передохни, а я к твоему почти собранному вертолёту пойду, а то ваш горе-председатель так и не дал мне посмотреть на твоё творение и моё будущее спасение.

Кстати, этот местный председатель, в котором, как на заброшенной помойке, растлевавшейся массой скопилось все самые худшие и не нужные человеческие качества: от хамства до «чего изволите» - жгучей занозой засел в моём подсознании. И в дальнейшем, всякий раз, когда упоминалось его имя, душевная боль моя обострялась и угнетала неразрешимой мыслью: «Ну, вот откуда берутся подобные типчики, которые от предъявления корочки вышестоящего начальства мгновенно превращаются в раба, бездумно готового на всё, когда только мгновением раньше, не зная о более высоком статусе предъявившего документ человека, он презрительно относился к нему как барин к холопу? Отчего так происходит? Откуда берут силу корни этого отвратительного явления, когда человек, подобного хамелеону, мгновенно перевоплощается от властного, не воспитанного грубияна до трусливого ничтожества и обратно? Ну, не с луны же он свалился? Нет. Он вырос рядом с Кузьмичом, Петром, Близнецами: так откуда такая пропасть, буквально бездна в духовных качествах этих людей, проживших на глазах друг друга всю жизнь? Ведь гуманоидов подобных Никакому я встречал и в относительно более культурно продвинутых цивилизациях. Помните, Мудриус, нашу незабываемую экспедицию на Спин, когда местное начальство, настолько изолгалось пред подданными, и стало, как флюгер, податливым сиюминутным и противоречивым желаниям влиятельных деловых кругов, что нам пришлось устроить бескровный переворот и привести на высшие руководящие должности действительно достойных граждан этой, ещё подающей надежды на прогресс планеты. Да чего там греха таить, даже у нас, не смотря на всю высочайшую развитость культуры, которой пока нет равной в видимой части треть Вселенной до сих пор встречаются отдельные персонажи, от встречи с которыми начинаешь со стыда краснеть».

Простите, шеф, просто накипело. Но, похоже, таков хитрый алгоритм развития, заложенный самой природой в сущность разумного существа: не видя и не испытав на собственной шкуре плохого, не осознаешь и не построишь хорошего.

Полагаете, что ещё по 50 грамм не помешает? Абсолютно с вами согласен, наидобрейший Мудриус, - никаких сил не хватит осознавать и терпеть эдакую необъяснимую и трагическую разбалансировку природы без относительно безвредных внешних успокаивающих средств употребляемых вовнутрь собственной измученной души и плоти.

Наконец, попав в заветный ангар кузницы, я был буквально под корень скошен увиденным, как беспрепятственно разрастающаяся и от того возомнившая себя неприкасаемой трава флегматичной газонокосилкой. Представьте себе, Командор, хотя для вас это в принципе не возможно, нечто среднее между вдрызг изношенным не менее чем семью пятилетками ударного труда трактором «Беларусь» и останками, с позволения сказать, автомобиля «Запорожец» намотавшим по местным колдобинам, традиционно называемыми дорогами порядка десятка экваторов Земли.

Так вот, то, что вы, себе там нафантазировали, выбросьте побыстрее и как можно дальше из головы, ибо самое больное или даже напротив - богатое воображение - не в состоянии, по моему скромному разумению, смоделировать что-то похожее на реальный прототип, с творённый Ломакиным. Сей, непонятно каким образом соединённый гибрид бывшего трактора и авто, был увенчан приваренным к крыше конструкции двигателем внутреннего сгорания неопределенной мощности от которого, как нечёсаные лианы, свисали разноцветные провода и шланги. Объединённый невесть чем корпус новоявленного детища гения ко всему прочему был раскрашен не в строгие или маскировочные цвета, а как нарочно -зывающе яркие, как детские карусели или подгузники.

Каюсь, что в первую секунду, я беспросветно пал духом, так как понял, что вариант спасения «малютки» при помощи так называемого «вертолёта» - суть мёртворожденная утопия в мозгу местного самородка, в таланте которого я тут же засомневался. Таким образом, зародившаяся было всего три часа назад надежда на удачное продолжение миссии BBC, сменилась тревожной и тупой безнадёжностью. Видимо, почувствовав мои внутренние терзания, Пётр вновь уверенно оборвал затянувшуюся паузу неувядающим оптимизмом:

- Зря сомневаетесь, Фёдор Фомич, вот лопасти закрепим, контакты разведём, всё отладим и взлетит! Сами знаете... не всё золото, что блестит.

- Так-то оно так, Петь, ну уж больно твой аппарат с виду неказист, извини, без обид, – осторожничал я, не зная толком как повести дальше дело, – вот я чуть-чуть, с точки зрения аэродинамики некоторым образом эстетики, и засомневался.

- А с чего вертолёту красивым-то быть, - всё-таки обиделся кузнец, - я понимаю: у вас там, в Москве, в НИИ и материалы, и инструменты, да и специалисты самые лучшие, а у нас - что на земле найдешь, из того и соберешь.

- Да погоди ты дуться, это я так... по привычке критикую, по должности... ты сам же говорил, что все расчёты и чертежи сто раз перепроверял – вот давай в сто первый - последний

раз, но уже вместе проверим, я всё-таки какой-никакой, а инженер-конструктор... ну, идёт? – подбодрил я Петра, собравшись, наконец, с мыслями.

«Деваться мне всё равно особенно некуда» - рассудил я, - «новый план тоже отсутствует, а полчаса, которых за глаза хватит, что б разобраться в «вертолёте» всё равно ничего не решают, да и Петру будет приятно – без его помохи мне, судя по всему, так или иначе «малютку» из-под земли не достать».

- Идёт! - как ребёнок, которому разрешили мороженое, обрадовался он.

И я принялся не спешено вникать в суть конструкции летательного аппарата, проверяя чертежи и расчёты. Ломакин же, яки пчела вокруг нектара, буквально летал вокруг меня, с азартом поясняя каждую циферку и штришок. Постепенно было улетучившаяся надежда, вновь возвращаясь в мою успокаивающую душу, ибо, чем тщательнее я разбирался в документах, тем более осознавал всю простоту и гениальность конструкции вертолёта, надежность и удивительные лётные характеристики которого уже не вызывали у меня никаких сомнений.

«Клянусь бесконечностью», - всё более восхищался я таланту кузнеца – «если такие самородки, фактически без фундаментального образования – самоучки, исключительно по природной смекалке, из подручных средств созидают такое, то, что ж будет, когда таким уникальным людям создадут соответствующие условия – это же уму непостижимо – эдак земляне за век, другой и нас технически догонят».

- Бог в помощь! – вдруг, словно синхронный залп двух местных 70-ти дюймовых гаубиц грянул за спиной, в дребезги подорвав мои размышления о влиянии гения на положительное развитие цивилизации.

Я инстинктивно обернулся и увидел, еле умевшихся в просвете ворот ангара двух молдцев, совершенно одинаковых с лицами.

- Спасибо, братцы, и вам того же, – улыбнувшись ответил им Пётр. - Вот, Фёдор Фомич, полюбуйтесь - близнецы, о которых мы говорили – Алексей и Тимофей Удальцовы!

- Ишь ты, прям богатыри былинные! – искренне восхитился я красоте, силе и стати, которыми природа щедро наградила розовощёких, кровь с молоком, парней, чей уверенный, спокойный взгляд и степенное не многословие заранее внушали симпатии и уважение.

- А то! Не оскудела земля Русская, ещё рожает, милая, себе на славу деточек, - едва втиснулся меж близнецами Кузьмич, безуспешно пытаясь по-отцовски обхватить их огромные плечи.

Братья, видимо, привыкшие к подобным на свой счёт оценкам, нисколько не смущались лишь слегка, как два орловских жеребца, в предчувствие скачки потоптались на месте, всем видом показывая, что мол, пора бы и делом заняться.

- Я, Фёдр Фомич, пока шли, в общих чертах уже обрисовал ребятам цель и задачи предстоящей операции - так что осталось уточнить детали и можно хоть сегодня за дело, - продолжал егерь, снизу вверх, поочередно с не скрываемой гордостью заглядывая в открытые и невозмутимые лица братьев, покровительственно и дружелюбно подмигивая им.

- Вот и отлично, - придал я голосу соответствующие обстановке твёрдость и таинственность, обратившись непосредственно к братьям, - ваша главная задача, молодцы, подготовить необходимый шанцевый инструмент и находится на постоянной связи со мной через Ивана Кузьмича или Петра Петровича ни отлучаясь куда-либо с этого момента из деревни как минимум в течение трёх суток. За это время, я надеюсь, мы подготовим средство доставки секретного объекта и все необходимые для этого вспомогательные материалы, - вопросительно посмотрел я в сторону Ломакина.

- К гадалке не ходи – в три, а то и за два дня уложимся, - подтвердил кузнец, вновь загораясь изнутри деятельным пламенем творчества.

- Ну, соколы, всё понятно или вопросы есть? – вновь обратился я к близнецам.

- Ясно! – убедительным дуплетом пальнули близнецы, и чуть поклонившись на прощание, чинно двинулись вовсюяси.

- С такими хоть на Бургукук, - невольно прошептал я, будучи совершенно очарованным коротким знакомством с братьями-близнецами.

- Куда, куда? – прищурив седые брови, полюбопытствовал неслыханному ранее слову, как всегда, чуткий Кузьмич.

- А? – спохватился я, - так... абраcadabra: да хоть к чёрту на рога – хотел я сказать - с эдакими-то парнями можно...

- Факт, – подтвердил Кузьмич, к счастью не зная, что Бургукук – это самое страшное и загадочное место видимой части трети Вселенной, откуда, не вернулась ни одна, из почти сотни экспедиций тщательно организованных BBC.

- Ладно, теперь за дело, друзья, – постарался я максимально быстрее переменить неожиданно выскочившую по моей врождённой беспечности тему.

И мы с накопившимся энтузиазмом и усердием принялись за работу. Я и Петр продолжали налаживать и походу совершенствовать конструкцию вертолёта, а Кузьмич, глядя на невесть откуда появившийся чертеж, начал из стального троса плести нечто вроде сети, в которую, как в авоську, в дальнейшем предполагалось поместить и транспортировать по возду-

ху открытую с помощью братьев Удальцовых «малютку». Часа через два непрерывного, без перекуров труда, первым не выдержал напряжение закатывающегося за горизонт истории мироздания дня егеря:

- Всё, хорош, мужики, у меня уже в глазах рябит от ячеек, по домам пора...смэркается.

- А, может ещё часик? – не оборачиваясь, продолжая отчаянно зачищать контакты, спросил кузнец.

- Петь, итить колотить, - возмутился уставший Кузьмы, - мы с Фёдром Фомичём, не такие железные, как ты, - с пяти утра на ногах: роздых нужен и по уму и по совести; а ты, коль такой упругий, продолжай, но только помни, что быстро не значит хорошо – всему своё время.

- Да я так... к слову...за компанию завсегда веселей, - отвечал, как ни в чём не бывало, продолжая работать Ломакин.

- Ладно, Петь, ты как говорится, сам себе хозяин: свои силы знаешь - хочешь работай, а хочешь - отдохай, а мы, пожалуй, действительно пойдём – надо выспаться да и с мыслями собраться что де и как, - подытожил я, - ну, а завтра часикам к семи утра меня жди – продолжим.

- Добро, - попрощался Пётр, продолжая прилаживать провода к контактам, а мы неспешно, терпеливо неся тяжесть усталости на своих очень далеко не геркулесовых плечах, вышли из кузницы.

VIII

Минут пять, не смотря на обилие неожиданно нахлынувших на нас событий, мы шли молча. Звенящая тишина психологически давила не меньше усталости и первым не выдержал я.

- Слушай, Кузьмич, а откуда ваш председатель мог узнать, что мало того я инженер, так ёщё у тебя заночевал и выпивал?

- Ты, Федь, опять, как с Луны свалился, – это ж деревня: на одном конце чихнут, на другом – сопли вытирают.

- Да это-то понятно, просто всякий раз удивляюсь...кто, как, когда? – пытался я кровь из носу, но узнать, как произошла про меня утечка информации в деревню.

- А чего удивляться, сам знаешь, – мы, русские, народ любопытный – всё нам понимаешь интересно узнать да на собственной шкуре испробовать: то революцию аль перестройку, будь они неладны, замутим, а то, напротив – вон как ты - в космос свой нос сүём.

- Эк тебя, в какую философию понесло, - удивился я неожиданному ответу. - Но к счастью или, к сожалению, ты, Кузьмич, прав: видимо для того Создатель, неистребимую страсть к неизвестному в наше племя неспокойное сверх меры вложил, что б от тоски и безделья мы облика человеческого не теряли.

- К счастью, Федь, к счастью...только у нашего брата русака у счастья всегда горький привкус...

- Согласен, и всё же, Кузьмич, - не унимался я, опасаясь, что разговор уйдёт от интересующей меня конкретики в трясину рассуждений о смысле бытия и там, как всегда, завязнет,

- сам-то что думаешь, как ваш, этот проныра председатель, всё про меня разнюхал, утоли любопытство?

- А чего тут думать: Груния моя, наверное, по своей бабьей натуре у магазина или ещё где растрепала, аль внученька по-детски чего ляпнула – сам же слышал, как она вчера «инджи-нер» из под стола, проказница эдакая, мяукала, - улыбнулся дед, - ну и понеслось из уст в уста, из окон в ворота.

- Гм...вроде, логично, но уж больно быстро у вас новости расходятся, - ответил я нарочито буднично и как будто что бы только поддержать пустяшный разговор.

- Обыкновенно расходятся, как и везде в деревнях - со средней скоростью перемещения старух, а тебя, походу, наш Бориска очумелый до печёнок пронял; да и он, как в воду опущенный мне встретился – ни разу его таким не видел: небось, полаялись в кузнеце? – вопросительно прокашлял егерь, как обычно хитро прищурившись.

- От тебя, Кузьмич, как от хорошего психолога, ничего не скрыть: насквозь видишь: был грех – поцапались, всё настроение мне ваш хам испортил.

- Да уж, скользкий тип: он и раньше-то был ни то ни сё, а как, лет пять тому назад, в председатели пролез - совсем совесть вместе с головой потерял: ты бы, Федь, держался бы этого чёрта подальше - от таких вот гнилых людишек любой пакости можно ожидать...

- Не боись, дядя Ваня, и не таких на место ставил: где залезет там и слезет, - неожиданно для самого себя жёстко и даже зло, что со мной вообще редко случается, - ответил я.

- Ну и хорошо коли так – моё старииковское дело предупредить, а то в своё время этот прыщ всё к Надьке kleился, так насилиу отбились: прилип, как, понимаешь, банный лист к заднице, пока она в Москву не уехала... Если б не этот козёл, может дочка и с нами жить осталась. Уж десять лет прошло, а он до сих пор в её строну, гад, не ровно дышит, так и ходит на четвёртом десятке холостой.

- Любит, наверное, раз ещё не женат? – без задней мысли спросил я.

- А хоть бы и так! – возбудился Кузьмич, - но только, Федь, без взаимности, какая к лешему любовь – шиш ему без масла, сморчку такому, а не Надьку - вот домой придём я тебе её фотку покажу - сам всё поймёшь; она, хоть и не путёвая и характер колючий, но красавица, каких ещё поискать надо. Пусть Бориска и неказист и мелок с виду – мужику наружность, как говорится, особенно и не к чему, - слюбится, стерпится – лишь бы человеком был, если уж на то пошло. Так ведь и тут – беда: душонка-то крысиная – за копейку мать, прости Господи, удавит. Мало того: всем, сволочь, исподтишка гадит: в открытую боится, гнида: у нас народ простой - в лоб сразу окрестят. В общем, порядочная дрянь, а не человек.

«Прям Шекспировские страсти тут у вас», - хотел я уже сказать, как вдруг на нас из калитки - мы тем временем уже подошли к дому Кузьмича - выскочила Машенька с надувными шариками, и бросилась на шею к деду, радостно прервав вечернюю тишину высокой, как соловушка, трелью своего озорного голоска:

- Машенька приехала, маменька приехала!

- О как! Помяни блоху – она тут как тут наскоку, когда ж это мама твоя приехала? – спросил внученьку дедушка.

- После спокойной ночи малыши: пойдём скорее, я тебе мишку косолапого покажу! – изо всех сил тянула Машенька деда к дому.

- Да тише ты, егоза, руку оторвешь - идём уже... вот сейчас, Фёдор Фомич, ты сам увидишь Наденьку мою непутёвую воочию - никаких фотографий ненужно.

Мы вошли на крылечко, где за самоваром рядом с Аграфеной Петровной сидела необыкновенной красоты молодая женщина. Хотите - верьте, а хотите - нет, Командор, но я был до самого последнего нейрона отвечающего за высокие чувства, потрясен увиденным совершенством черт её лица, бездонной глубиной и неописуемой чистоте изумрудно зелёных глаз, дивными кружевами золотых локонов её волос и вообще той удивительной гармонией, которая она олицетворяла собой. Знаете, у землян есть такое понятие как любовь с первого взгляда, так вот я, - вы уж простите меня в очередной раз, - в нарушении всех инструкций BBC втюрился в Надежду, что называется, по уши. Вы должны меня понять ведь сердцу не прикажешь. Помните как на вашем 80-летнем юбилее, когда официальные лица уже расползлись кто куда, с избытком перебрав вашей несравненной леивки, вы поведали узкому кругу своих оставшихся друзей, к коим по счастью был причислен и я, трогательную историю первой любви.

Так вот: о любви... В тот роковой момент я не смел себе в этом признаться, ну, а главное – даже и не надеялся на страстно алкаемую мною взаимность. Я с ужасом всей своей сутью безнадёжно осознал, что в её бескрайне искренних, доверчивых глазах, отражаюсь не я,

Флудий Аквинский, а некий фантомный Фёдор Фомич Флудов, которого и в природе-то не существует. Таким образом, если даже, Великая Бесконечность, каким-то невероятным чудом подарит мне счастье быть, хотя бы на сотую часть желанным с её стороны, как в свою очередь это испытываю я, то – о горе мне! – я не в праве буду чистосердечно открыться ей.

То есть, нечаянно вспыхнувшая любовь, с тайной надеждой на взаимность в лице остатков разума моего получила ожесточённый отпор: «куда, мол, ты, шарик залётный, сущься не в свои сани – уймись пока бока не намяли». Поток упрямого сознания и неукротимых чувств настолько переплелись друг с другом, что я растерялся, и, не зная, куда себя деть, нервно перетаптываясь, глупо уставился на лампочку, вокруг которой одиноко бился, постоянно обжигаясь, мотылек, ощущая, что медленно начинаю краснеть. Но к величайшему счастью во Вселенной, любовь, как одно из самых искренних и светлых чувств не подвластна рассудку иначе бы жизнь была серой, нудной и скучной, если вообще возможна. Но всё по порядку, а, то меня опять в беспролазную философию затянет.

- Ну, здравствуй дочка, чего это ты вдруг, без телеграммы? – иронически, но с всё же с некоторым упрёком покашлял Кузьмич, - мы бы тебя с оркестром всей деревней встретили - это ж какая честь для нас, прям праздник какой-то.

- Здравствуй папа, всё шутишь? За Машенькой приехала, середина августа уже – в школу надо собираться, - немного обиделась Наденька.

- А мне, доченька, только и остается, что шутки шутить – слез то уже нет давно – всё с матерью выплакали, пока ты, не путёвая, в городе из угла в угол мыкаешься.

- Пап – не начинай, сколько можно, люди кругом, - впервые робко и, как мне показалось, с любопытством взглянула на меня Надя, заволакивающими горькой влагой глазами, отчего у меня тут же сочувственно съёжилось и без того колотящееся сверх меры сердце.

- И, вправду, дед, чего ты опять заводишься, - вступилась за дочь Аграфена Петровна, - садитесь-ка лучше за стол – вон, глянь, Надюшка чего из Москвы навезла.

- Ладно, после потолкуем, - согласился он тоном, из которого неумолимо следовало, что продолжения разговора в более узком, семейном кругу всё равно не избежать.

- Мам, а бенгальские огни будем искрить? – спросила Машенька, разделавшись, наконец, с большой конфетой.

- Обязательно будем, доченька, - наконец выдохнув напряжение, с облегчением очарованно улыбнулась ей и невольно всем нам Наденька.

- Урра!!! – рассыпался хрустальным голос, абсолютно счастливого в эту секунду ребёнка во всей Вселенной...

- Вот ведь, свирристелка – аж уши заложило! Ладно, давай, Надежда, поцелуемся что ли, а то и вправду не по-людски как-то, - начал понемногу оттаивать от привычной строгости в данном вопросе Кузьмич, поочерёдно глядя, то на дочь, то на накрытый стол, где посреди мурённой городской снеди, вызывающе возвышалась фирменная бутылка Московской особы водки, то на радостную Машеньку, - погостишь хоть?

- Дня три – четыре, наверное, надо успеть форму и учебники купить, - тоже успокаивалась она.

- Ну и на том спасибо, - окончательно «остыл» Кузьмич, трижды, как ребёнка, нежно поцеловав дочь в лоб и щёки.

- Вот и, слава Богу, - перекрестилась Аграфена Петровна, - давайте уже за стол садитесь, а то картошка стынет, небось, весь день толком неемши: как с утра ушли, так и пропали: всю деревню с Машенькой впустую обошли.

- Ну, я же тебе говорил, какие сороки на хвостах разнесли склоки, - подмигнул мне Кузьмич, - вот знакомясь, Наденька, рекомендую тебе Фёдора Фомича Флудова, инже..

- Знаю, знаю, – прервав отца, лукаво улыбнувшись, продолжила она, - инженер-конструктор по ракетам из Москвы.

- Вот что вы бабы, за народ, ничего вам сказать нельзя - всё растреплете! - безнадёжно и с укоризной взглянул егерь в сторону супруги, – разболтала?!

- Больно надо, - обиделась Аграфена Петровна, - ничего я ей не говорила, Надька вообще только час назад приехала.

- О как! Ну и откуда же ты доченька про гостя нашего дорогого знаешь? - искренне удивился Кузьмич.

Я напрягся, как мышь перед мышеловкой.

- Начальник пристани нашей, Степан Егорович рассказал, - победоносно приподняв чудесную головку, таким образом вступаясь за мать, ответила Наденька.

- А этот-то, дырявый поплавок, откуда узнал, - на секунду задумался Кузьмич, вновь укоризненно взглянув на жену, - а впрочем, и так всё ясно: природу не исправишь, - махнул он на неё рукой, сев, наконец, за стол.

- Ворчи, ворчи...старый хрыч, – тихо прошипела хозяйка на мужа, - а, вы, Фёдор Фомич, - громко и нарочито уважительно обратилась она ко мне, - ближе к Наденьке садитесь, вот так... пусть поухаживает за кавалером.

Я робко втиснулся между Кузьмичом и Надеждой, всячески стараясь не смотреть и даже не дышать в её сторону. Сердце моё начало ещё неистовой биться от неожиданной близости к вожделенному плоду только что вспыхнувшей любви, душа безответно пылала, а разум

под давлением нахлынувших чувств начинал предательски стопорится, обрывая нити логики и взламывая замки предосторожности.

- Ну, что... - как всегда по-хозяйски уверенно поднял рюмку Кузьмич, - не каждый день и не всякий раз, а исключительно по поводу...

- У тебя, Ванечка, завсегда повод найдётся... - укоризненно, но едва слышно проворчала Аграфена Петровна.

- Цыц, женщина, когда мужчина говорит! - услышал всепроникающий Кузьмич, - без повода только алкаши пьют, а мы люди работающие, научные...ну, стало быть - за приезд и знакомство! - кивнул он сначала Наденьке, а затем мне.

Я машинально выпил за компанию, так как почти не контролировал себя по вышеупомянутой причине и уже по выработанной на земле привычке начал предвкушать худшее. Но удивительным образом горькая чаша пусть и временно, но минула меня. Видимо, моему организму после вчерашнего «крещения» харловкой с этого фланга бытия уже ничего более не угрожало до конца дней, ну или захлестнувшее чувство любви каким-то чудом сделало мою плоть непробиваемой высоко градусными раздражителями. Так или иначе, Командор, но по факту - московская особая водка была употреблена как обыкновенная вода в один глоток и без заметных сиюминутных последствий для меня.

Между тем разговор по мере уменьшения содержимого тульского самовара и столичной казённой бутылки потихонечку разгорался, как долгожданный, зажжённый на привале костерок. Опуская дежурные банальности о погоде и здоровье, обязательные в начале подобных посиделок за рюмкой чая, в итоге, насколько помню, от безобидных искр всё-таки разгорелось остроязычное пламя дискуссии о горькой судьбе Наденьки и что с этим делать. Я же находясь под перекрёстным огнём достаточно бурного семейного спора скорее похожего на небольшую домашнюю ссору, тупо улыбаясь и мало что понимая, как китайский болванчик, кивал опухшей головой поочерёдно обеим сторонам, искренне желая любым способом прервать этот бессмысленный артобстрел так как сердце моё всякий раз буквально останавливалось от жалости и любви к Наденьке, когда мой воспалённый и уже слегка мутноватый взгляд пересекался с её влажными изумрудными усталыми от постоянных пересудов глазами.

Но, увы, мой миротворческий нейтралитет никак не охлаждал возрастающий пыл сторон, где особенно нравоучительно наседал Кузьмич отчего я, и без того потерянный, был в полном отчаяния. И тут...чёрт ли меня дёрнул или напротив - ангел подсказал, но меня словно перезагрузили и я, хлопнув последнюю стопку водки, резко прервал не стихающую перепалку, объявив, что сейчас покажу фокус, который никто никогда не видел и вряд ли

увидит в будущем. Публика, в особенности Машенька, которая, не смотря на шум, уже едва не зевала, замерла как кролик перед удавом, впившись в меня ошарашенным взглядом.

Не мешкая ни секунды, я положил на ладонь яблоко и медленно приподнял его над столом так, что оно было равноудалено от всех. Затем я резко убрал ладонь, а... яблоко осталось висеть в воздухе, как ни в чём не бывало, под моим, сами понимаете, шеф, скрытым от доверчивых глаз землян телепатическим воздействием.

Минуту, а то и две - в доме была воистину космическая тишина, пока Машенька не прервала её своим очаровательным хрустальным голоском: «...оно на ниточке?» Но дедушка, пошарив руками вокруг застывшего над столом фрукта и ничего там не обнаружив, разочарованно выпив остатки водки, начал нервно сворачивать козью ногу, буравя меня немым, но многозначительным, вопросительным взором, как, впрочем, и все остальные. Еще, наверное, около минуты я таинственно улыбался и тянул актёрскую паузу для пущего эффекта, согласно, уже упомянутому мной в начале рассказа учению великого Станиславского, внутренне напрягаясь из последних сил, но оные... меня внезапно, предательски покинули...

Первым всё же упало яблоко, разбив, как потом оказалось, любимую чашку Аграфены Петровны, а секундой позже рухнул и я, бесформенно и постыдно, как потом мне поведал Кузьмич, распластавшись под столом... Не зря говорят, что любовь требует жертв... В общем, занавес: finita la commedia, alles caput, а по-русски – полный звездец...

Вы не представляете, наимудрейший Мудриус - простите за невольную игру слов – как мне было стыдно за тот вечер, когда ближе к полуночи следующего дня Кузьмич напомнил его заключительные подробности, которые моя зависшая память не смогла зафиксировать в момент полной потери контроля над собой ввиду полного истощения сил приведших меня под стол. Мало того, что в очередной раз я нарушил инструкции контактёра, показав наивным аборигенам элементарный для нас, но невероятный для них пример телепатии, завуалировав его фокусом, но что более всего ужасно - я публично пал ниц перед субъектом моей любви – Наденькой, показав ей свою физическую слабость и немощность. Как всегда, я не рассчитал, свою энергию, необходимую для показательного эксперимента с яблоком, наивно положившись на спасительный русский авось, который к тому же был замешан на московской казённой водке. У меня началось даже складываться устойчивое суждение, что под влиянием бескрайней местной природы, богатой культуры, во многом философского общения с гуманоидами я начал более чем нужно перенимать и их повадки, привычки и традиции.

Одним словом я с горечью осознал, что этот казус не мог не подорвать мои шансы на взаимность в её критической женской оценке. И посему надо мной, как топор над плахой,

неотвратимо завис извечный русский вопрос: «что делать?» для того что бы хотя бы восстановить свой упавший статус в исходное состояние в глазах Наденьки, а заодно и её семья. Но ответа, на тот момент, увы, я не находил, отчего уныние, как ненасытный червь переспелый плод, грызло меня изнутри. Впрочем, человек предполагает, а судьба располагает, и слава Великой Бесконечности, что во Вселенной именно так и происходит! Но, не отвлекаясь на рассуждения общего характера, продолжим...

Очнулся я от того, что по щеке назойливо и бесцеремонно, что-то ползало и еле слышно хихикало. «Муха наверное...вот зараза» - сокрушился я, не в силах смахнуть её рукой ибо после неудачной имитации подвига Стаханова в кузнецे мышцы мои и без того весьма рыхлые вдруг налились неподъёмной свинцововой тяжестью и всякая попытка пошевелить перегруженными накануне членами плоти отзывалась нудной и глухой болью. «Стоп. А ведь муhi не смеются...они же не люди...» - продолжал оживать мой мозг, воскресший из небытия и, к слову сказать, третью ночь к ряду не генерировавший абсолютно никаких сновидений. «А почему собственно муhi не могут смеяться? Кто это доказал?» - отчего-то усомнился я и пошевелив усами надеялся прогнать насекомое.

Но не тут-то было: муха лишь вновь хихикнула, даже не соизволив перебазироваться куда-либо прочь. Я начинал медленно и верно раздражаться неописуемой наглости этой лентяющей бестии, которая, пардон, шляется с утра до ночи по помойкам и отхожим местам, а затем едва ли не в рот норовит залететь. Мой нервная система в ответ на брошенный вызов со стороны фауны, напряглась, и я в отчаянии, наконец, резко раскрыл слипнувшиеся за ночь веки. Но муhi ещё не полностью сфокусировавшиеся зрачки мои не обнаружили, как собственно и лицевые нервы не ощущали щекотливое топтанье её грязных лапок на коже. «Свинтила чертовка...как, блин, успела?» - даже обиделся я, так и не увидев своего вредного «бу-дильника», втайной надежде раздавить её за вопиющее хамство, не смотря на все свои гуманистические убеждения. Но, вдруг, за головой я опять услышал, как неуловимая муха прыснула едва сдерживаемым смехом.

- М...машенька? – искренне удивился я, обернувшись.

- Дядя Федя, а ты на этой верёвочке яблочко вешал? – как ни в чём не бывало, спросила она и показала белую нитку, которой это небесное создание, по-видимому, и водило по моему лицу, и которую я нечаянно принял за назойливую и не воспитанную муху.

- Наверное, - невнятно буркнул я себе под нос, растерявшись неожиданному детскому вопросу.

Машенька, радостно вскочила со стоявшей у изголовья кровати табуретки и, размахивая над головой нитью, как игрушечной сабелькой, выскочила из горницы, крича на весь дом: «Мама, Мама, ляля Федя - фокусник, проснулся...!»

Я же, окончательно прозрев, одолевая боль в мышцах и ощущая уже ставшую привычной похмельную сухость во рту потерянно сел на край постели. И, о реанимационное чудо! - передо мной, как и вчерашним ранним утром, на маленьком столике стояли гранёная стопочка харловки и литровая банка волшебного рассола. «А емкость сосудов Кузьмич – дай Бог ему здоровья - день ото дня уменьшает», - заметил я себе, между прочим, - «интересно: я действительно привыкаю к местным традициям или уже безнадёжно втянулся?» и жадно опрокинул в себя поочерёдно вышеупомянутые жидкости. И живительная влага прервала мои нестройные попытки системного анализа происходящего, вдохнув в поникшую плоть столь и нестройный разум необходимые им импульсы жизни, отчего я, покрывшись испариной пота, облегчённо вдохнув свежего воздуха надежды. Но, не успел я, в полной мере, насладится нарастающей упругостью тела, как в дверь постучали.

- Да...да... входите, – тем не менее, ловко предал я голосу утраченную ночью строгость и деловитость в соответствии с выбранным для легенды статусом главного инженера-конструктора секретного предприятия.

- Проснулись уже, а я вам рубашку с брюками принесла, - держите, - ангельским голосом сказала появившаяся как свежий весенний ветерок в дверном проёме Наденька.

От неожиданности я едва не поперхнулся воздухом и начал, как всегда, от стыда и тайной любви багроветь. Ну, представьте себе, Командор, всю неловкость моего положения: перед молодой, красивой женщиной в огромных, равнобедренных, семейных трусах и ещё более нелепой выцветшей майке, на взъерошенной кровати сидел плохо бритый, едва похмелившийся, фактически незнакомый ей мужчина, с трудом соображающий о чём идёт речь, а почему не смеющий посмотреть в её чистые, как после прошедшей грозы небо, глаза.

- Да не волнуйтесь вы так – малиновое варенье почти отстиралось – еле видно, - продолжала она, - вот посмотрите...

- Спасибо вам Наденька, - наконец, дрогнувшим голосом, вымолвил я, бесполково взглядаваясь в чисто отстиранную и отутюженную одежду, так и не смея поднять головы.

- Не за что... папа велел, как встанете, чаем вас напоить и проводить до Кузницы, так что приводите себя в порядок, а я буду ждать на крыльце...

- Наденька, вы...уж извините меня, если я вчера набедокурил чего или, не дай Бог, обидел вас, - повинно молвил я, робко взглянув в её наполненные заведомым прощением ставшие для меня бесценными глаза.

- Что вы ...напротив, это вам спасибо, за чудо...Машенька просто в восторге... и вообще, - продолжила она, чуть смутившись, голосом, нежный тембр которого меня буквально наэлектризовал долгожданным чувством надежды на взаимность, - мне кажется, что вы очень интересный человек и такой таинственный, словно ... из другого мира...

Завершив абсолютно неожиданным для меня образом столь драгоценную фразу, она еще раз обнадёжила изумрудным взглядом мою начинающуюся переполняться чувствами и энергией, было отчаявшуюся персону, тут же исчезнув, как мимолётное видение за дверью горницы. В этом взгляде, я впервые заметил тот еле уловимый огонёк, ради которого во все времена и в любых цивилизациях мужскими особами большей частью совершаются безумные в своём безрассудстве, а иногда даже и великие поступки, память о которых навсегда остаются в истории Вселенной как образчики искреннего чувства благородной любви.

Сказать, что я был обескуражен, шокирован - значит полностью девальвировать самое понятие этих слов, а другого, более ёмкого, если исключить местные нецензурные выражения, я до сих пор не подобрал, что бы наиболее точно передать то новое для меня состояние души. Сущность моя едва не возопила в голос от, вдруг, пролившегося на неё, дождя счастливой надежды ответной любви, которая, как пустыня истомилась в тайне алкая хотя бы каплю влаги.

Кое-как переварив нахлынувшие чувства, я оделся и, посмотрев на часы, с ужасом осознал, что проспал в небытие до полудня и тем самым подвёл своих товарищёй, которые сейчас в поте лица своего трудятся для моего же спасения, но без моего обещанного участия. «Всё! Баста! Больше местного алкоголя не пью – так и до греха не долго» - поклялся я в очередной раз. Наскоро умывшись, оставив брит्यё на потом, я перекусил свежевыпеченной ватрушкой с чаем и мы с Наденькой вышли из дома, весьма поспешно направляясь к кузнице.

С одной стороны вперёд меня гнал священный долг перед BBC и моими новыми товарищами, а с другой – я хотел как можно дольше находиться вблизи с любимым человеком и попытаться, если хватит духа, каким-то невероятным способом признаться Наденьке в своём чувстве. Плюс ко всему, в голове забитым огромным ржавым гвоздём торчала оставленная без ответа её странная фраза, мол, я «...словно из другого мира...». «Интересно это у них семейное: предполагать в почти идеально законспирированном под человека гуманоиде присельца или опять невозможное с точки зрения здравого смысла совпадение?» - продолжал я бесперспективно гадать, как на кофейной гуще.

Но, только мы вышли со двора дома, как вдруг навстречу нам из-за угла забора, словно чёрт из табакерки, на большой скорости выскочил велосипедист и едва не сбил нас. Лишь в самый последний момент, руль дёрнулся в сторону, и обладатель оного вместе со средством передвижения по умопомрачительной дуге спикировали в кустарник, где вперемешку друг с другом обильно произрастали крапива, репейник и дикий шиповник.

- ...вашу мать! – спустя секунду из гущи колючей и обжигающей плоть человеческую растительности раздался писклявый голос, в котором угадывались столь противные для меня интонации местного председателя.

- Вы не ушиблись, вам помочь?! – крикнула Наденька изменившимся от волнения голосом, подбежав к аварийному месту приземления незадачливого велосипедиста безуспешно глядываясь в непролазные заросли.

- Я т...тебе, к...курва, покажу п...помощь.... - век помнить будешь..., - завывая и всхлипывая, но тем не менее угрожающе раздалось из зашевелившихся кустов.

- Хам! – резко, как серпом по лопухам, отрезала уже своим восстановившимся до прежнего уверенного тембра голосом Наденька и, развернувшись, пошла ко мне.

- Надя, ты что ли?! – ошаращено удивился я, как мне показалось, обрадовался, показавшийся по грудь из агрессивной растительности, судорожно почёсывая свою раненную плоть прошепелявил Никакой.

- Я, Пашенька, ...я...вот как ты был лаптем некультурным, таким и остался – прощай.

- Погоди, погоди...не уходи, я ж...не знал, что это ты...вон глянь, чем пожертвовать пришлось, что б только тебя не поранить, - и он в доказательство к уже известному факту исцарапанной и обожженной средой плоти вытащил разбитый в хлам велосипед и сплюнул на землю выбитый верхний передний зуб.

- Если бы вы, аккуратней ездили, то и не надо было, как вы изволили, выразится «жертвовать» собою, тем более, сдаётся мне, что от вашего неминуемого наезда на Наденьку её спасла вот эта выбоина на дороге.

- А ...это вы, Фёдор Фомич, извините, не заметил, - смутившись и тут же существенно съёжившись, как-то особенно неприязненно ответил он мне, зло, взглянув на дорожную ямку.

- Ничего, до свадьбы всё заживёт, правда Пашенька, - нарочито ласково, видимо в отместку за все годы его назойливых притязаний презрительно хитро улыбнулась ему Наденька, - пойдёмте, Федор Фомич, а то и так много времени потеряли, - и нежно взял меня под руку, повела к кузнице.

Я был просто потрясён, Командор, её переменой ко мне. И словно телёнок, увязавшийся за выменем матери, послушно и счастливо, боясь даже на секунду потерять её руку, едва дыша, с трепетом от неожиданной близости к объекту моей вожделенной любви, я шёл, вернее, почти летел, в будущее, исполненный надеждой на воплощение моей тайной мечты в реальность. Единственное, не смотря на бурный фонтан наполняющих через край душу положительных чувств, что меня омрачало и подспудно настораживало, было то, что я буквально ощущал на своей спине как озлобленный до невозможности председатель, насквозь буравит меня уничтожающим взглядом. Но по мере удаления от Никакого, щедро извергающей им ненависть, как всепроникающая, но не видимая и не осязаемая смертельная радиация ослабевала своё губительное воздействие на меня, а после того как мы свернули за угол, я и вовсе позабыл об этом будучи целиком и полностью поглощённым с новой силой разгорающейся любовью.

- А вы, Фёдор Фомич, пользуйтесь авторитетом, хотя всего второй день в деревне... и потом... этот вчерашний невероятный фокус с яблоком, - как вам это удаётся? – спросила Наденька с такой интригующей интонацией, от которой у меня по телу, словно орды ошпаренных кипятком вошек, проскакали мурашки вдруг пробуждённой гордости и, возможно, за высшенной самооценки.

- Да как вам сказать..., - уже по привычке и с большой для себя пользой, взял я театральную паузу, застигнутый неожиданно приятным вопросом врасплох, - просто - усердие и труд.

- Вы к тому же и скромны – весьма похвально, сейчас это большая редкость, - грустно вздохнула она, - но внутренний голос мне подсказывает, что усердие в труде есть необходимое, но не достаточное условие для проявления нечеловеческих талантов.

«А в логике её не откажешь» - мелькнуло у меня в левом полушарии головного мозга, тогда как правое, - параллельно проворачивало в памяти весь массив информации на тему техники знакомства с женщиной и признаний ей в любви в соответствии с местными традициями, отсканированный бортовым компьютером «малютки».

- Наденька, может, перейдём на ты, если вы, конечно, не против? - наконец робко выдавил я из себя столь необходимую в подобных обстоятельствах фразу.

- Я... против?! Что вы...ой... - ты...Федя..., - согласилась она и одарила меня таким взглядом, что я едва полностью не потерял контроль над собой.

«О, Святая Бесконечность, «Федей» назвала она меня...какое, оказывается, это чудесное русское имя; из уст любимой оно приобрело совершенно новый звук и смысл, и отдаленно напоминало моё собственное, истинное – Флудий.

- Может, Наденька, тогда встретимся вечером где-нибудь, погуляем, - неожиданно для себя напирал я, пока мощный дух любви наполнял смелостью мои не самые прочные паруса характера.

- Я право...не знаю, как-то всё быстро и сумбурно, что люди скажут, - ответила она, опуская огромные, черней ночи ресницы на переполненные чёрт знает какой красоты изумрудные глаза.

- Но...но мы ведь свободные люди...и... потом...я ...я...- так и не нашёл в себе самой малой толики духа, что бы окончить фразу долгожданным признанием в любви.

- Хорошо, хорошо... - видимо, откликнулись взаимностью в Наденьке мои так и не материализовавшиеся в словах чувства, - жди меня у мостков за пристанью после 11 вечера – раньше мне Машеньку не уложить, только стараясь лишний раз не попадаться кому-либо на глаза.

- Да...да ...конечно..., - задыхаясь от волнения, будто молодой жеребец перед юной кобылицей кивал я головой и едва не вздувал от нетерпения ноздри, готовый слепо исполнить любое её условие и прихоть ради ещё одной встречи с любимой наедине.

- Ну, вот и кузница, - мы остановились перед воротами и Наденька чуть взволнованным голосом, продолжила, - и всё-таки ты очень странный, правильно папа говорит, что ты словно с другой планеты и... очень милый...- тут она оглянулась по сторонам...и, вы не поверите Мудриус, быстро чмокнув меня в щеку, смеясь, побежала к дому.

В мановение ока я был вознесён на седьмое небо от свалившегося оттуда счастья, и, не шелохнувшись, как забетонированный столб, минут пять стоял и заворожено смотрел Наденьке в след, пока её точенная лучшим «скульптором» природы фигурка не скрылась за углом забора дальнего дома Харловки. В тот благодатный миг я даже пропустил мимо расслабленного сознания очередное «откровение» о своём внеземном происхождении уже их сахарных уст Наденьки. «Похоже, в этой семье дар проницательности действительно наследственный» - утешал я себя впоследствии, не в состоянии объяснить этого с точки зрения здравого смысла и элементарной логики.

Бог весть, сколько бы я ещё простоял, расцветшим от нахлынувшего чувства очарованым пнём, тупо вглядываясь в точку горизонта, где исчезла моя Любовь, если бы ворота кузнецы не заскрипели за спиной и хриплый голос Кузьмича не вернул меня с небес на землю.

- Ба...! Ты уж тут, а я хотел до дому идти – не случилось ли что...

- А? Да...нет... спасибо...всё хорошо, - рассеяно улыбнулся я товарищу, - даже ...очень, - тихо добавил я, чувствуя, как меня всего буквально распирает от счастья.

- Гм... странный ты Федь какой-то сегодня, - как блин на масленицу сияешь, словно влюблённый какой, - как всегда в десятку угадал мои чувства мудрый егерь.

- Да что ты, Кузьмич, - уже не удивился я его фантастической проницательности, - просто настроение хорошее...выспался в первый раз по-человечески, а ты, кстати, чего, меня не разбудил-то...вон, сколько времени потерял? - попытался я увести в сторону от пикантной темы разговор.

- Извини, Федь, но после твоего вчерашнего фортелья с яблоком и падением под стол, - у меня как-то духу не хватило тебя с зорькой поднимать, да и Наденька говорит, что, мол, у тебя обыкновенный упадок сил и надо дать выспаться...

- Да уж...что-то я вчера силёнок не рассчитал, - веришь ли, Кузьмич, первый раз со мной такой конфуз, ты уж прости...друг...

- Да ладно... с кем не бывает - дело житейское – и не такое видывали....

- Спасибо, Кузьмич, ты – настоящий человек...

- Всё - проехали...вот только с фокусом твоим загвоздка вышла - сколько живу - ничего подобного не встречал: мы с Петькой всё утро головы ломали, как это ты яблоко без ниточек над столом подвесил - так толком и не додумались...он говорит что эдак не возможно, мол, сила притяжения не даст, а я думаю - может, гипноз какой...расскажешь, а? – уж больно любопытство нас распирает...

Таким образом, дорогой Мудриус, моё беспечное ребячество с яблоком пусть и спровоцированное высоким чувством любви в очередной раз вынудило лгать этим честным и верявшим мне на слово людям. Ох...если бы знали, как это всё меня достало... ну, не мог же я им вот так с бухты-бахромы раскрыть основы анти гравитационного закона перемещения масс ибо, во-первых - не поймут, а во-вторых - по инструкции, чёрт бы её задрал, не положено. В общем, пришлось ребятам такую лапшу на уши вешать, от которой мне самому тошно стало, но результат был достигнут – они, раскрыв рот отчаянно пытаясь вникнуть в суть вопроса, так ничего и не поняли. Более того, от напущенного псевдо научного тумана липовый авторитет мой ещё больше раздулся в их доверчивых глазах. Но ведь для нас, профессиональных контактёров, главное ведь результат, а уж каким способом мы его добились – дело десятое... не так ли, шеф? Грустно всё это...осознавать и делать, что-то у меня сердечко за кололо...

Можно ещё несколько капель вашей спасительной леивки? Спасибо...вы исключительно чуткий руководитель.

Весь день до позднего вечера, я, вдохновлённый поцелуем и в предвкушении свидания, неистово помогал словом и делом Ломакину довести до ума вертолёт надежды, пытаясь на-верстать упущенное утром время. Словно пчёлка вокруг цветка, кружил я над конструкцией, проникая внутрь, проверяя малейшую деталь, искря идеями и усовершенствованиями в таких количествах и такого высокого качества, что аппарат на глазах превращался в нечто большее, чем было изначально запланировано талантливым кузнецом. Даже природный гений Петра едва поспевал за мной, как дитя искренне радуясь созидающему на его восхищённых глазах техническому чуду. К концу дня я был почти на 100% уверен в том, что характеристики вертолёта позволят с большим запасом справиться с поставленной задачей. Кузьмич же, заразившись нашим энтузиазмом, также не отставал и успешно завершил плетение авоськи для «малютки» раньше намеченного им срока. Наконец, когда Солнце, согласно заложенному природой порядку, начало неохотно прижиматься к горизонту, мы в первый раз за день уставшие, но счастливые тем, что почти сотворили задуманное, закончив работу, вышли одновременно на перекур и заморить изголодавшегося червячка...

- Однако, ребятушки, давненько я так не усердствовал, - густо откашлявшись, блаженно закурил Кузьмич ядрёный самосад, - вон гляньте, аж мозоли на ладонях натёр, пока узлы на авоське затягивал.

- Ерунда, Иван Кузьмич, заживут - тебе не привыкать, лучше глянь на нашего красавца – ни вертолёт вышел, а песня! Фёдор Фомич такого напридумывал, что я так толком и не понял как такое возможно, - перебил, утешая егеря Петя, словно ювелир со всех сторон с восхищением осматривая уникальный бриллиант.

- Да ничего особенного...так кое-какие мысли, институтские наработки, - машинально соврал я, поймав себя на этой прискорбной мысли к которой, увы, начинал привыкать, хотя внешне старался изобразить из себя чуть ли не саму скромность.

- Вот и ладно, стало быть пригодились... лишь бы полетел, окаянный, – сомнительно прищурился Кузьмич на агрегат к которому в связи с ограниченностью пространства кузнецы ещё не были привёрнуты лопасти.

- Полетит! - твёрдо ответил я, - даже не сомневайся, дружище, - как птичка вспорхнет... так ведь Петь? – вопросительно кивнул я Ломакину и поглядел на часы, которые показывали половина десятого вечера.

- А то! – ещё тверже резюмировал тот, окончательно развеяв врождённые сомнения еgerя.

- Вам, ребятки, видней... наука штука точная, - философски согласился Кузьмич, по-хозяйски добавив, - ну, а коли так, то и перекусить можно: у меня уже живот как холодильник урчит - жрать троглодит просит, - и достал из-за пазухи узелок со снедью, - угощайтесь.

- И на пироги налетайте, - невесть откуда моментально достал еду Ломакин, - моя супружница сегодня, как знала, с мясом напекла.

Мы вышли во двор, и быстро разложив всё на столе, у которого под тенью нежно нависших веток берёзок, я вчера днём имел удовольствие случайно соснуть пару часиков, словно стая голодных волков набросились на необыкновенно аппетитную и здоровую деревенскую пищу, утолив в минут пять, накопившийся голод.

- Как же у вас хорошо, братцы: и пьётся и естся и спится и даже работается, словно у Христа за пазухой, - ни жизнь, а благодать, - бросило меня вдруг, разомлевшего от свалившегося со всех сторон счастья, в сентиментальности.

- Это да...нормальному человеку для радости в жизни вообще мало чего нужно: дом, семья, друзья, ну и достаток, что б за кусок хлеба сверх меры не гнутся, - как всегда лаконично и чётко сформулировал принцип человеческого бытия Кузьмич, солидно пыхнув цигаркой.

- И ещё что б творить никто не мешал, - добавил Петя, одновременно делая на клочке бумаги какие-то вычисления.

- Это само собой, - поддержал я талантливого кузнеца-самородка, в очередной раз, взглянув на часы, - без поиска нового знания, развития культуры любая цивилизация обречена на деградацию, это я как в некотором смысле футуролог утверждаю.

- Фу-ту... что? - присущился любопытный Кузьмич.

- Футурология... - это, вроде, наука о будущем... правильно, Фёдор Фомич? – робко спросил Ломакин.

- Молодец, Петя, именно так! - похвалил я его за кругозор.

- Как же это можно знать: вон и в библии сказано, что, дескать, никому окромя Господа нашего будущее не ведомо, а тут цельная наука, оказывается, есть: что-то мне, Федя, сомнительно как-то, - возразил егерь.

- Это, Кузьмич, не предвидение будущего – мы все вменяемые существа и прекрасно понимаем, что никто из нас, смертных, не может знать того, что случится даже через ничтожное мгновение со сто процентной вероятностью. Футурология зиждется в первую очередь на прошлом, ибо только через призму исторических процессов можно анализируя настоящее время, используя мощный современный научный арсенал, моделировать те, или иные сценарии развития цивилизаций в будущем с относительно удобоваримой степенью вероятностью. Эх... братцы, не могу я вам всего рассказать - хоть режьте, вы, надеюсь, понимаете почему... Может когда позже... Но поверьте на слово, что история Вселенной, к сожалению, буквально кишит трагическими примерами, когда вроде бы внешне благополучное и даже вполне прогрессивное общество без сколько-нибудь заметных причин буквально на глазах разлага-

ясь и деградируя скатывается на свалку истории, как когда-то сочный, а ныне изглоданный червями гордыни, самоуспокоения и самообмана плод. Следовательно, наблюдая и систематизируя общественные тенденции, преобладающие сегодня, и, опираясь на аналогии прошлого, можно и должно по возможности с максимальной достоверностью прогнозировать будущее развитие социума с тем, что бы предотвратить негативный сценарий в будущем или хотя бы минимизировать его отрицательные последствия. Да и у вас....в смысле у нас, хотел я сказать, на Земле были более чем убедительные примеры нравственного падения и упадка после культурного взлёта, такие как Древний Рим, Византия и, к великому моему сожалению, Советская Империя... В, общем, как-то так, Кузьмич, если на пальцах, - завершил я реплику, нервно посмотрев на часы, так как опять опрометчиво оговорился, увлёкшись повествованием.

- Ну, коли так – ладно, - согласился егерь.

- Извините, Фёдор Фомич, вы сказали, что и во Вселенной полно примеров упадка цивилизаций: то есть утверждаете, что разумная жизнь есть и вне Земли? – робко, но с приыханием, как от прикосновения к чему-то тайному и неведомому спросил Ломакин.

- А то, даже не сомневайся, Петя! – ловко опередил меня с ответом Кузьмич и так хитро и многозначительно подмигнул, словно он лично намотал по закоулкам Космоса не менее тысячи парсек и обладает знаниями члена верховного совета BBC, от чего мне стало не по себе.

Вот так, Мудриус, от неконтролируемых чувств, в очередной раз, взболтнув лишнего, я сам себя загнал в угол и вынужден был лукавить и изворачиваться, уводя глаза от доверчивых взглядов, ставшими столь дорогими для меня аборигенов.

- Как вам сказать...друзья...- задумчиво и максимально долго тянул я каждый звук, тщательно взвешивая про себя каждое слово, - то, что люди до сих пор лоб в лоб не встретились с инопланетянами, вовсе не означает, что их не существует. Это, так сказать, - элементарная логика с учётом вероятности данного события в масштабах бесконечности Мира. И наша официальная наука, которая оперирует исключительно фактами, по этому поводу утверждает определённо: «человек, мол, во Вселенной одинок, так как нет доказательств обратного». Но можно ли утверждать это наверняка, если реальность такова, что соотносить исследователя – землян, с объектом исследования, поиска – иной формы разумной жизни, должно, как, например, муравья с одной из бесчисленных галактик? Говоря упрощённо - это всё одно что ночью, на ощупь искать иголку в стогу сена. И потом, нужно понимать, что с очень высокой степенью вероятности «высшая» по развитию цивилизация никогда не даст себя специально обнаружить «низшей» исходя из негласных, устоявшихся этических норм сосуществования различных форм разумных обществ достигших определённого уровня культуры, ну разве что

только исключительно в виду форс-мажорных обстоятельствах. Да и не каждый человек, будь он хоть семи пядей во лбу, сможет поверить, а уж тем более осознать, наступив однажды и совершенно случайно, скажем, на ёжика, что это - изменивший для конспирации форму пришелец, а не обыкновенное млекопитающее. Истинные же, нарочито скрытые по вышеупомянутым причинам формы носителей внеземного разума могут иметь абсолютно невероятные варианты, в корне отличные от навязанных обывателям фантастами стереотипов и образов.

- Однако, ты и завернул, Фёдор Фомич, - вновь встрял возбуждённый Кузьмич, - я даже чуть сигарку не проглотил. - Это что ж выходит: значит всяких там залётных марсиан как грязи кругом что ли? – Чудно! А я, старый пень, кумекал, что может на какой-нибудь абракадабре тыфу ты чёрт...альфа центавре вроде и мыкаются типа нас гуманоиды горемычные, ну или ещё где-нибудь и шабаш...

- Ну, ни то что бы их во Вселенной как селёдок в бочке, но хватает, - с горем пополам, уклонялся я от конкретики, сокрушаясь о началом по собственной неосторожности разговоре.

- То-то в этом году ёжиков развелось, – сыронизировал егерь, вновь многозначительно подмигнув мне весело улыбаясь, - куда не ступишь - везде колючки торчат, все сапоги в дырках и...

- Хорош, Кузьмич, - не смешно! - резко оборвал хихикающего егеря Ломакин. - А от нас они далеко, вы их лично видели?! – отчаянно, как на штурм крепости, в которой скрыты все тайны мира, тут же бросился на меня Ломакин с пылающим от жажды хоть капельки новой информации взором.

- Петя, не пытай ты меня, я и так вам больше чем имел права рассказал – вон спроси лучше у Кузьмича, он их печёнкой, похоже, чует,- кое-как отшутился я, зацепившись за иронию Кузьмича, как за соломинку, с тем, что б закрыть скользкую тему.

- И вы шутите... – как ребёнок расстроился Петя, - а я серьёзно спрашиваю...

- Почему это шучу...я, Петя, много чего на веку повидал, может и встречал марсианских каких, да только не разгадал их – сам слыхал, как маскируются, ироды, - невольно подыграл мне Кузьмич, окончательно впавший в весёлое расположения духа.

- Ладно, Петр, давай так: сегодня уже поздно, - я опять поглядел на часы, - а вот когда операцию закончим, я, может, вам ещё кое-что расскажу. - Так и быть - возьму на себя грех – нарушу инструкцию, будь она не ладна, - обнадёживая, успокаивал я товарища, чья помощь мне была ещё столь необходима, хотя об этом в тот момент я думал в последнюю очередь. - Ну как, такой расклад устроит?

- Ещё бы! – засиял счастливой улыбкой Ломакин.

- Только, чур, как договорились: пока я ещё не решил наверняка, что смогу вам ещё открыть и вообще решусь ли на должностное преступление. Это, братцы, не потому что я вам не доверяю, напротив – я впервые в своей жизни вижу таких честных, добросовестных, трудолюбивых и талантливых людей, чей дружбой искренне дорожу. Тут целый комплекс проблем от психологической устойчивости восприятия информации до нарушения устоявшихся причинно-следственных связей со всеми вытекающими и тому подобное. И потом, не всякие знания приносят радость удовлетворения ими, более того они зачастую не безопасны для их обладателя тем более такого свойства, ибо сказано в книге Екклезиаста: «Во многой мудрости много печали». Одним словом, чтоб потом, - без обид... скажу я вам что-либо или нет.

- Да какие там обиды, Фёдя, нечто что мы не понимаем: сами служили, - видимо почувствовав моё волнение и колебания, как всегда, вовремя и точно подобрал нужные слова мудрый Кузьмич.

- Вот и ладно, спасибо за понимание, друзья, ни секунды не сомневался в вас, - чувственно поблагодарил я свою команду.

- Это вам спасибо, Фёдор Фомич, - то, что вы нам рассказали, и так в голове еле укладывается, просто, сами знаете, всегда хочется побольше узнать...

- Согласен, Петь, но, как говорится, всему своё время, - окончательно утешил я молодой и ненасытный до знаний талант.

- Ну, тогда по домам, ребятушки, сил набираться, - подытожил Кузьмич и мы, распрошавшись с Ломакиным, вышли за ворота кузницы, где во всю земную красоту благоухал чудесным вечером август - самый щедрый на сияние, столь дорогих мне, но временно не досягаемых звёзд месяц в России.

Я невольно обратился взглядом к темнеющему небу, где мириадами всею палитрой цветов спектра проступали огоньки божественных, светил от бесконечного и величественного масштаба которых захватывало дух, и стыла кровь.

- И не говори... - как-то обречённо вздохнул Кузьмич, откликнувшись на моё красноречивое молчание, также задрав голову в безуспешной попытке взглядом объять необъятное, - страсть сколько всего Господь наворотил...

- Факт, Иван Кузьмич, - вышел я из оцепенения бесконечной красоты и с волнением поглядел на часы, боясь опоздать к своей земной тайной мечте.

- Ну, пойдём, что ли к дому...на звёзды хоть всю жизнь смотри - один чёрт ничего не выглядишь в такой бездне, лучше по стопочке харловки с устатку тяпнем и то пользы больше, - по-отцовски, утешил меня практичный егерь.

- Нет, Кузьмич, извини, я - пас, а, то что-то привыкать начал, надо от греха паузу взять...да и кое-чего обдумать надо, у вас тут такая благодать, что новые идеи, как на дрожжах попёрли, - пытался я мягко и без особых подозрений увильнуть от ставшего уже традиционным маршрута: кузница – дом Кузьмича – ужин под рюмочку – пустой сон –похмелье – кузница.

- Хозяин-барин, - несколько расстроился егерь, - а то оставайся насовсем коли так хорошо у нас мысли рождаются: хочешь у меня живи, а нет – свой дом ставь – всем миром поможем.

- Спасибо, дружище, я обязательно подумаю, - неуверенно топтался я на месте, торопливо формулируя главный для себя вопрос.

- Думай, Фёдор Иванович, думай, не пожалеешь...

- Слушай, Кузьмич, - наконец решился я, - а как мне до пристани пройти? - как бы невзначай спросил я.

- Чего это ты, вдруг, да ёщё на ночь глядя, - удивился он.

- Я ж говорю: подумать надо, ну, и заодно места оглядеть, а то даже Волги не видел.

- Так не видать не рожна, на зорьке-то всяко лучше...

- Не скажи... глянь звезды как разгораются, да и Луна как прожектор светит – так даже скорреалистичней будет, - ляпнул я не к селу ни к городу.

- А..., - махнул он рукой, - вас городских не поймешь ...и вообще странный ты нынче, вон с часов глаз не сводишь - небось свидание..., а то сю..р..изм какой-то выдумал...и когда только успевают? - пробурчал по-стариковски егерь, по привычке хитро прищуриваясь.

- Да нет..., что ты...просто...природа...вода, всё такое... - невразумительно замямлил я, краснея, как школьник, которого учитель застукал со шпаргалкой, благо, что в наступающих сумерках изменяющийся цвет моего лица было не разглядеть.

- Ну-ну, - покровительно усмехнулся он, - ладно...не тушуйся - дело молодое, - и подробно рассказал, как дойти до вожделенной пристани.

Сердечно поблагодарив Кузьмича и простившись с ним, мы разошлись в противоположные стороны, как в море корабли. Я уже не стал мучить и угнетать себя безответным вопросом: откуда егерь всё насквозь видит и знает, так как любовь вновь наполняла мои паруса надежды, и я нёсся по упругим волнам настоящего в неведомое, но столь страстно алкаемое мною будущее.

- Федя! - вдруг, как шрапнель раздался прокуренный голос Кузьмича.

-Что?! - вздрогнул я и настороженно обернулся, предвкушая какую-нибудь неприятность.

- Нагулявшись, ключ от крыльца под половицей! – назидательно прокричал предусмотрительный егерь.

- Ладно! – с облегчением крикнул я ему в ответ и как мальчишка рванул по заволакивающей хрустальной росой тропинке к реке, в мгновение, исчезнув с его прищуренных, добрых глаз.

X

Не чуя под собой ног и, невзирая на сгустившиеся сумерки и не знакомую местность, я едва не летел над тропинкой, сквозь густой перелесок к Волге навстречу своей любви, и, как и следовало ожидать, в очередной раз поплатился за свою беспечность. На одном из поворотов я зацепился за какой-то предательски торчащий корешок, и, описав в воздухе что-то вроде мёртвой петли, точнёхонько спикировал в пенёк и, обняв оного, как случайно встреченного в тёмной подворотне друга пролежал, по-видимому, с минут пять, приходя в сознание. Очнувшись, я ошарашено взглянул на единственный видимые для меня в мироздании источники света – луну и звёзды и тотчас же ощутил, как мой левый глаз буквально заплывает сочной гематомой, границы которой грозили расплзтись на вторую половину лица.

Густо внутренне обматерив себя, что случилось со мной впервые, за приобретённую на Земле безалаберность, я привстал и как одноглазый пират, налетевший в ясную погоду судном на скалы со злостью на всё и вся внимательно осмотрелся. По счастью, если к этой не вынужденной травме зрака можно придать смысл этого слова, остальные члены моего бедного тела были целы, если не считать нудящую боль в правом колене, которое через разодранную над ним штанину отвечало как свежее надкусанное яблоко. Вопреки фундаментальным принципам уважения к окружающей природе свойственным культурному индивидууму и привитым мне цивилизацией с детства, я плонул с досады на пень и, стиснув зубы, один из которых безнадёжно шатался, похромал дальше, к пристани аккуратно ступая по извилистой тропинке. Покинув, наконец, оказавшийся для меня фактически прифронтовой полосой перелесок, я с облегчением восхищённо вздохнул, так как передо мной представилась вистину фантастически красавая картина, чувства наслаждения от которой во многом компенсировали мне физические уверья и моральные страдания, так глупо приобретённые с четверть часа назад.

Хоть это, на мой скромный взгляд и не передаваемо адекватно литературным словом, но попробуйте себе представить Мудриус нежеследующий пейзаж. Абсолютно чёрная ночь...такая, что аж глазам больно! – в моём случае это было буквально как минимум на одно око. И вот в этом бездонном мраке всеми цветами радуги искрятся бесчисленные звёзды, отражаются планеты и спутники, фейерверком сгорают в земной атмосфере кометы и про-

чие, как искусственные, так и естественные тела. А внизу, неспешно переливаясь, словно чистым серебром, еле слышно плескаясь о едва ли не малиновые берега, течёт молчаливая и величавая Волга, в которой это великолепие как в чудесном зеркале отражается. Где-то в камышах чуть шевелится какая-то невидимая живность, а невесть откуда хрусталём сыплется волшебная трель соловьёв. И всё это под невообразимым углом необыкновенно подсвечивается Луной, которая выступала что-то вроде софита во Вселенском театре гармонии смысла и бессмыслицы, красоты и уродства, света и тьмы, добра и зла, начала и конца, жизни и смерти. У берега же, на воде, как некий Ноев ковчег, – это по-местному приданию, что-то вроде нашего Неприкасаемого Куба Будущих Поколений – цепями прикованная к земле, словно символ разума в мироздании хаоса и порядка пришвартовалась пристань, у которой Наденькой мне было назначено долгожданное свидание...

В очередной раз клянусь Святой Бесконечностью, что даже неописуемые вечерние излучины Элиды - ничто по сравнению с увиденным мною! Хотя, как вы, надеюсь, помните, после установления официального цивилизационного контакта с местными гуманоидами, мы, пользуясь заслуженным отпуском после тяжелейшей командировки, взахлёб упившись тамошними красотами, посчитали их самыми совершенными в видимой части трети Вселенной. Ну, ладно, что было - то было, а то я опять кувырнулся в безвозвратный штопор рассуждений и сравнений, бессмысленных хотя бы с той точки зрения, что как говорят древние: «о вкусах не спорят», а между тем время, как асфальтовый каток, неотвратимо накатывалось к вожделенной мною цифре - 23 часам вечера. Очарованный столь удивительным видом природы, я несколько потерялся во времени и пространстве; и только пронзительное верещание будильника предусмотрительно заведённого на ручном атомном хронометре вырвали меня из этого чудесного «плена» миросозерцания, в котором будь моя воля, при прочих равных условиях можно было оставаться добровольным арестантом до конца дней своих.

Итак. Вернувшись в реальность, я взволнованно осмотрелся единственным функционировавшим глазом и, памятуя о глупых причинах такого неудобства, крайне аккуратно, словно по заминированному полю, опираясь на какой-то сук, как столетний дед с клюкой медленно побрёл от перелеска к пристани. Достигнув цели с очевидным антирекордом, я, тем не менее, отбросил палку, служившей мне дополнительной точкой опоры, как лишнюю улику собственной неуклюжести и беспечности в глазах Наденьки. Порванную брючину я кое-как скрепил репейником, который с трудом отыскал в береговой крапиве, ощутив на себе все прелести жгучей флора терапии. С вопиющим же по размерам фингалом дело обстояло куда как сложнее, ибо даже наши достижения в медицине бессильны перед естественностью живой материи, которой для восстановления необходимо время, которого мне катастрофически

не хватало. Сами понимаете, шеф, что предстать на первом же свидании в столь непрезентабельном виде значит было вызвать кучу ненужных вопросов и даже усмешек, хотя я ни на секунду не сомневался в добропорядочности Наденьки. И, тем не менее, мой закипающий от напряжения мозг лихорадочно, но безуспешно перебирал варианты минимизации видимой части гематомы, так как мыслительный процесс был прерван донёсшимися со стороны пролеска едва слышными звуками лёгкой поступи и шуршанием платья. Сердце моё раскочегаренное вновь нахлынувшим чувством любви, периодически прерываемое неожиданными несуразными обстоятельствами, неистово заколотилось, как всегда заглушая остатки рассудка.

- Это вы, Наденька ...? – робко спросил я ночь, безуспешно взглядываясь одним глазом в чарующую темноту, от волнения опять перейдя с оговорённого ранее «Вы», на «Ты».

- Я... - нежнейшим тембром ответила мне полночь, - извините что опоздала, также, по-видимому, от волнения сбившись на «Вы».

- Да что вы... ты, - спохватился я, - ерунда, подумаешь полчаса – разве это срок, я бы до рассвета тебя ждал...и даже до конца... - в страшном смущении замялся я, не подобрав, а скорее не решившись озвучить достойного поэтического продолжения великолепно начавшейся фразы.

- Как романтично, - вдохнула она полной молодой грудью свежий ночной воздух с такой силой и жаждой, что меня как пылинку перед пылесосом едва не засосало, как мне тогда показалось, в её пока ещё тщательно скрываемое, но искреннее желание быть рядом со мною. Но в тот момент, я гнал от себя эту вожделенную мысль, как невозможный сценарий и, тем не менее, в самых закоулках души, как заядлый любитель бесперспективных с точки зрения выигрыша лотерей, надеясь на его воплощение в реальность.

- Именно так, Наденька, - подхватил я её лирическое настроение, - у вас тут такая красотища кругом, что созерцая её, невольно становишься в душе художником...

- А ты, Федя, действительно редкий человек, - наконец, как звёздочка на небе, появилась она из тьмы подсвещенная золотом Луны, - никогда таких не встречала.

- Возможно... - смутился я, чуть было не вставив в ответе по причине моего вне земного происхождения - «разумеется», при этом старательно пряча от её пронзительного взгляда свой заплыvший гематомой несчастный левый глаз. - А я..., - мой голос вновь дрогнул, - никогда, нигде и никого в мире не видел прекраснее тебя, Наденька...

- Скажешь тоже... - скромно улыбнулась она, ослепительно сверкнув белоснежным жемчугом зубов и одарив меня взглядом такой нежности и, возможно, - о Небеса! - ответной Любви, что я, потеряв на мгновение контроль, не мог её в ответ не улыбнуться нахлынувшим

счастьем, тем самым полностью обнажив свой расписанный случайным треклятым лесным пнём портрет.

- Ой, что это!?- ужаснулась она суровому реализму «кисти» самой природы, столь мастерски отразившемуся на моей физиономии.

- Где? – глупо спросил я, рассеянно оборачиваясь по сторонам, словно она обращалась не ко мне.

- Синяк под глазом...это Бориска тебя так?! – страдальчески разглядывала она мою гематому.

- Какой ещё Бориска? - удивился я по-настоящему.

- Известно какой – председатель, который сегодня в кусты с велосипедом угодил, помнишь...

- Ну, помню, конечно, но какая связь? – продолжал я искренне не понимать женскую земную логику.

- Прямая, - очаровательно нахмурилась Наденька, - это я из-за него к тебе опоздала: только вышла из дома, а он, проклятый, тут как тут с букетом цветов дожидается...

- Зачем это? - насторожился я, чувствуя как внутри меня, начинают возбуждаться первые нейроны, отвечающие за слепое чувство ревности, которое мне было практически не знакомо.

- Да всё в женихи набивается, еле отбилась, вот я и подумала – может это он тебя так раскрасил или кого подослал из ревности, - сокрушилась моя любовь, жалостливо разглядывая моё заплывшее опухолью око.

- Да нет, Наденька, всё гораздо проще, ты, может быть, не поверишь, но, буквально с час назад я тут в лесочке по собственной неосторожности споткнулся и в темноте об пень приложился - черт бы его задрал: вон - ещё и брючина порвалась, - признался я ей, испытав при этом внутреннее, словно после исповеди, облегчение.

- Ну и, слава Богу... - обрадовалась она, - ой...то есть хорошо что не драка я имела ввиду, - всматриваясь в репейники, хаотично облепившие мою брючину, посредством которых я кое-как скрыл ушибленную голень.

- Да какая Надь к лешему драка, обыкновенная беспечность...расслабился на природе, вот и результат на лице, - как можно спокойней ответил я.

- Я верю тебе, Федя, верю, другому, может быть, не поверила бы, а тебе – сама не знаю отчего – верю, только надо срочно к доктору идти, - едва не простонала она, сочувственно всматриваясь, то в торчащее из под колючек разодранное колено, то в подбитый глаз, - бедненький...

«Бедненький» - произнесла она так тепло и жалостливо, что я едва сдержал слезы умиления и, несмотря на все свои нудящие увечья благодаря искренним чувствам человеческой сочувствия и, возможно, её Любви буквально всею плотью ощущал, что на мне, как на побитой, но ласкаемой заботливым хозяином собаке, неспешно, но неумолимо затягиваются раны.

- Ерунда, пройдёт – это я тебя как в некотором смысле практикующий врач говорю, - усекала я Наденьку, взбодрённый происходящим.

- Ну, пойдём тогда хотя бы к реке раны промоем, - не унималась она.

- А вот это можно и даже нужно, - согласился я и она, как больного ребёнка нежно обхватив меня, аккуратно повела к воде.

Промыв целительной водой верхней Волги искалеченные превратностью судьбы глаз и колено, наложив на них подорожники, мы неспешно пошли вдоль берега, восхищаясь окружающим нас волшебным миром. Поначалу мы робко и бессвязно говорили о всяких пустяках, но затем по мере нахождения общих для нас ценностных точек диалог перерос в нечто большее. Фонтан схожих мыслей и эмоций, в котором мы едва не захлебывались, стараясь наперебой донести друг другу то, что давно копилась в каждом из нас, но до поры сдерживался, вырвался наружу с невероятной энергией. Так неистово спорят между собой учёные, когда сквозь тернии бесчисленных размышлений и исследований вплотную приближаются к алкаемой ими истине, ровно также не могут наговориться и влюблённые всех времён и цивилизаций когда они вот-вот с головой готовы кинуться в объятия друг друга и там навечно слиться в единое целое.

Не скажу определенно, когда это произошло в ту ночь и с нами, ибо мы фактически рухнули в пропасть божественной неги Любви. Лишь крайне смутно помню, что за мгновение до этого сладостного, ни с чем несравнимого чуда проникновения друг в друга, мы подошли к невероятно душистому стогу сена, аромата которого окончательно развеял невидимые препятствия между нами и над которым ещё сиял всегда узнаваемый Сириус в уже тускнеющих лучах Луны.

Но одно, уважаемый Мудриус, скажу точно: после той ночи, я до последнего атома своей сути осознал, прочувствовал, если хотите, что, не смотря на относительно молодой возраст, жизнь уже прожил не зря, так как постиг одну из её можно сказать фундаментальных основ, заложенных сами Провидением.

Тогда, в силу того, что холодный и расчётливый разум всегда отступает перед великим и безрассудным чувством любви, я не мог отдавать тогда себя отчёту о возможных негативных последствиях сего действия, о которых вы несомненно догадываетесь, тем не менее - ни на

йоту не жалею об этом. Более того, я искренне благодарен Судьбе за то, что она забросила меня с вами на окраину Вселенной, где на маленькой планете со странным именем Земля, я, наконец, встретил свою половинку – Надежду и Счастье в одном изумительно красивом лице. Клянусь Святой Бесконечностью, что только ради одного этого стоило родиться, постоянно претерпевать трудности и невзгоды, которые по жизни так щедро сыплются мне на оканную голову...

Что-то я снова чрезмерно расчувствовался.... Капните, дружище, пожалуйста, ещё немнога лейки...Спасибо...что бы я без вас делал...

XI

Только перед самым рассветом обессиленные, но безмерно счастливые мы вернулись домой, при этом, стараясь быть никем незамеченными; и не от того, что мы опасались жальных пересудов, а скорее подсознательно, по давно заведённой традиции, смысл которой русский народ сформулировал следующим образом: «Не буди лиxo пока оно тихо» ...ну или что-то в этом роде.

В горнице, я счастливейший из смертных, как щука в нерест, нырнул под стёганое одеяло и впервые с момента посещения Земли забылся безмятежным сном, наконец-то увенчанным фантастическим сновидением, в котором вся Вселенная предстала в виде необыкновенной красоты сферы, пульсирующей, словно живое сердце, на наших с Наденькой ладонях. И не смотря на то, что спустя всего два часа Кузьмич, вежливо откашлявшись, разбудил меня, этого с лихвой хватило для полного восстановления истраченных ночью сил и эмоций и преподал мне такой импульс вдохновляющей энергии, что я, как легендарный герой, готов был горы свернуть ради любви и поставленной цели.

- Итиху...твою мать...это где ж ты, так Федь, погулял, – удивился егерь, с пристрастием разглядывая мой лилово-пурпурный, пугающий чудовищными размерами, бланш, - не иначе повздорил с кем?!

- Да, нет...что ты, - весело и не принужденно отвечал я, - хочешь - верь, а хочешь – нет, - об пенёк у речки приложился в перелеске, у вас там темень - хоть глаз выколи, одним словом по собственному недоразумению и невнимательности оконфузился.

- Ну-ну...- скептически покачал головой Кузьмич, традиционно прищуриваясь сквозь густые брови и ресницы, как сквозь щель прицела пулемёта, - ты, Фёдор Фомич, хоть замажь чем твоё недоразумение или как-нибудь очками прикрой, а то перед людьми неловко – всё же начальник, а не пацан какой безусый.

- Спасибо за совет, дружище, так и сделаю - только вот чем...замазать-то? - заёрзal я на кровати, как уж на сковородке, озираясь по сторонам в поисках чего-нибудь эдакого.

- Ладно, не бери в голову, сейчас у Надьки спрошу - у неё всяких кремов и мазей, что у дурака махорки, а ты покамест умойся по-тихому, и жди тут - не высовывайся, будем тебя в божеский вид приводить, - таинственно хихикнул дед, мгновенно растворившись за дверью, тихо буркнув в конце, - Дон Жуан залётный...

Но я уже не удивлялся необъяснимой с точки зрения здравого смысла, страшной проницательности Кузьмича, окончательно решив для себя, что это такой врождённый природный дар и, как мартовский кот, тихо ступая по скрипучим половицам, осматриваясь, но безмерно счастливый, пошел смывать с себя следы волшебной, но, увы, канувшей безвозвратно в прошлое ночи. Вернувшись без приключений в горницу, я всецело доверился опыту и мастерству Кузьмича, который как профессиональный врач-косметолог и гримёр в одном лице, всего лишь за четверть часа скрыл с бедной моей физиономии ужасные остатки вчерашней безалаберности, даже сумев придать физиономии некоторые элементы мужества и шарма.

- Ну что: ни дать, не взять - вылитый Джеймс Бонд – забодай его комар? – многозначительно подмигнул Наденьке Кузьмич, когда вывел меня из горницы и подвёл к зеркалу, на ходу нацепив на меня огромные солнцезащитные очки, видимо, также взятые у дочери.

- Похож, только лучше... - не стесняясь своих чувств, согласилась Наденька, улыбаясь и внимательно оглядывая меня с ног до головы, безуспешно пытаясь найти ещё какой-нибудь внешний изъян, что бы тут же его и устраниТЬ. Но после Кузьмича славно потрудившимся над моим внешним видом придраться было не к чему: и мы, позавтракав, пошли к кузнице творить неведомое нам будущее, оставив у калитки Надежду, чью нежность и любовь я вот уже как пять часов бережно хранил в своём сердце и также уносил в призрачный лабиринт грядущего. Я невольно обернулся, что бы ещё раз взглянуть в её чарующие глаза, но она как мимолётное виденье уже исчезла в густых яблонях палисадника. Кузьмич, как всегда, заметил мои волнительный взгляд и чрезмерное движение шеи вокруг своей оси, но толи из вежливости толи по иной не ведомой для меня причине не подал виду, лишь по обыкновению хитро прищурив брови и еле заметно, по-старчески нравоучительно, качая седой головой.

А тем временем мы подошли к кузнице, где нас уже ждал Ломакин, который, как знаменитый маятник Фуко, нервно ходил из стороны в сторону, отсчитывая большими шагами примерно равные промежутки пространства и времени.

- Ты чего это Петь, как заводной маешься - случилось чего? – попытался прервать Кузьмич, упругую поступь Ломакина простым, не навязчивым вопросом.

- Да нет, просто извёлся весь...у меня уже всё к испытаниям готово, а вас всё нет и нет: меня всего аж колотит от нетерпения! – продолжал обильно нервничать гениальный кузнец, тем не менее, остановившись.

- Петь, а ты на часы-то смотрел? - ещё даже восьми нет, а ты уже пыль поднимаешь, - продолжал егерь аргументировано охлаждать чрезмерный пыл Ломакина.

- Да?.. Хм...действительно: говорю же – распирает всего, даже на часы не посмотрел,- по-немногу успокаивался кузнец.

- Да не переживай ты так, Петь, всё будет в лучшем виде - это я тебе как инженер-конструктор со стажем говорю, без всякой ложной скромности – авторитетно, - наконец и я вставил свои пять копеек в импровизированный сеанс психотерапии по приведению возбуждённого лишними эмоциями гения в рабочее состояние.

- Я всё понял, Фёдор Фомич, извините – нервы и всё такое, понимаете ли, но можете за меня не беспокоиться, я полностью взял себя в руки и контролирую ситуацию, - подчёркнуто строго ответил Ломакин, наконец, остановившись.

- Ну, раз так - тогда вы тут летайте, голуби, а я лес проведаю - почитай двое суток не был, а заодно к вечеру братьев приведу, как условились, для уточнения плана.

- Лады, Иван Кузьмич, как управляешься, так и приходи с орлами, всё ещё раз обмозгуй, и Бог даст, завтра перекинем, наконец, «малютку» в кузницу на ремонт; ну, а мы с будущим профессором Ломакиным пойдём испытывать чудо техники, которое, несомненно, войдёт в анналы истории Земли, как яркий образчик несомненного таланта его создателя!

Последняя фраза, непроизвольно получившаяся несколько пафосной, вынудила моих друзей обменяться меж собой весьма красноречивыми взглядами, в которых явно читалась гордость за причастность к чему-то очень важному и крайне нужному, хотя по известным причинам реальную подоплёку инициированных мною свершений они не могли знать по определению.

И мы разошлись каждый по своим делам преисполненные вышеупомянутым чувством: Кузьмич – тут же исчез в утренней зелени леса, а я с Петром - в кузнице, где, несмотря на ранее оговоренные секретность операции, меня ожидал очередной «сюрприз», который впрочем, с учётом местных традиций, оказался пустяшным. Но поначалу, я признаюсь был крайне возмущён увиденным хоть и не показывал этого явно, что бы сгоряча не наломать дров и тем самым испортить отношения с Ломакиным, без помощи которого я бы в итоге не справился в столь сжатые сроки с поставленной задачей. Судите сами, Мудриус, вы как грамотный и опытный руководитель поймете меня, как, пожалуй, никто в радиусе сотни-другую парсек.

Итак, как говорят в Одессе: «картина маслом». Открыв ворота, я с ужасом узрел, что на большой лавке во дворе кузницы, напротив предполагаемого места испытательной площадки вертолёта, как в театре, предвкушая давно анонсируемую премьеру, плотно в ряд сидело ровно 12 человек словно, прости Господи, апостолы. Правда возраст и пол почитателей таланта Ломакина был крайне пёстр: если на глаз, то, примерно от 3-х до 15 лет у девчонок и мальчишек, и, наверное, от 70 и едва ли не до 100 – у седовласых бабушек и дедушек, причём средний возраст отсутствовал напрочь, видимо, по причине начинающегося рабочего дня. Публика, завидев нас, заметно оживилась и принялась ещё с большим рвением лузгать семечки, но, тем не менее, робя, как-либо иначе выразить своё искреннее к нам почтение. Петр, почувствовав, мой тёплый, дружеский, переходящий в испепеляющий и недоумённо-вопросительный взгляд на своей плоти, сконфуженно опустив глаза, отвёл меня в сторонку, где сбиваясь и краснея, тихо объяснил тайный смысл происходящего, который заключался в том, что, дескать, так издавна повелось – показывать самым родным и близким ему людям финальные плоды своего творчества; мало того – всякий раз, когда происходило завершающее испытание того или иного аппарата прилюдно оно со 100 % вероятностью завершалось успехом, убеждал меня мастер, который, накануне едва не клялся, что абсолютно несуверен.

И что мне оставалось в такой ситуации делать? Я, скорее для порядка, слегка пожурил Петю и представление, то есть, простите, испытания... начались...

Опуши,уважаемый Мудриус, прозаические подробности сего действия, ибо оно прошло вполне штатно, если не считать того, что при отработке взлёта-посадки мы с Ломакиным побратски разделили с десяток шишек, а после коллективного обеда - нечаянно срезали лопастями верхушку высоченного дуба, отчего юная часть публики пришла в полный восторг, а пожилая – укоризненно покачала белёсыми головами. Но это сущие пустяки, не правда ли? Испытание похожее на некий технический спектакль или шоу - удалось на славу: зрители довольны, а «актёры» - удовлетворены. Главное ведь результат, а он к вечеру был налицо (в том числе на лице и прочих частях наших измученных тел) – вертолёт был полностью оттестирован и готов к работе.

Взяв с поклонников нашего искусства пилотирования слово, что они неделю будут держать язык за зубами, Пётр, наконец, без особых проблем и лишних вопросов выпроводил их восвояси, поскольку все они были его детьми и роднёй и среди которых Ломакин пользовался заслуженным уважением. Хотя, памятуя, как и с какой скоростью по деревне распространяется информация, я признаюсь, не особенно надеялся на твердость характеров любознательных отпрысков гения, которых буквально распирало поведать миру об увиденном три-

умфе летающего винтокрылого аппарата, собранного исключительно из подручных средств, благодаря таланту их отца.

Лишь одно меня утешало в сложившейся ситуации: благодаря тому, что я, предусмотрительно, используя достижения нашей цивилизации, втайне от Ломакина значительно снизил шум лопастей и мотора вертолёта, ибо в противном случае вся операция провалилась бы в тартарары по причине массового «паломничества» народонаселения деревни к самодельному летающему чуду.

Только мы с многодетным отцом было собирались передохнуть от трудов праведных, спровадив за ворота разношёрстную группу возбуждённых свидетелей торжества разума, бурно обсуждающих меж собой перипетии произошедшего, как ворота кузницы вновь распахнулись и пред нами, как три тополя на Плющихе предстали Кузьмич и два чудо-богатыря - братья Удальцовы. Как и ранее, эстетически егерь явно выпадал из статного ряда, находясь между близнецами посередине, но держался как всегда, уверенно и снисходительно по отношению к ним, как строгий дед к любимым внукам и психологически картины не портил.

- Ну, всё ли гениальные инженеры-конструкторы в порядке, не случилось ли чего, а то на вас родимых смотреть больно: помятые какие-то, будто с похмелья! - по-армейски бодро спросил Кузьмич, хитро переглядываясь с братьями, как бы иронизируя, мол, глядите: выдохлась наука, слабовата супротив нас.

- Не боись, Кузьмич, всё в порядке - аппарат, как ступа с бабой Ягой летает - куда захочешь, ухайдохались только порядком: так что твоя харловка сейчас действительно не помешала бы, а Фёдор Фомич? - подмигнул мне Ломакин так, что бы все и в особенности егеря это обязательно увидели.

- Ишь чего ты Петь, захотел, а впрочем... - тут Кузьмич непроизвольно зачесал нос, - как начальство скажет, - и все восемь неравнодушных глаз впились в меня, словно стрелы в мишень.

Осмелюсь признаться, что, я оказался в весьма щекотливом положении: судите сами. Согласно местным традициям - обмыть успех того или иного успешного события, (как впрочем и - неудачного: так сказать - уже с горя) - дело без кавычек - святое, но с другой стороны завтра предстоял решающий день операции по спасению «малютки» и я не имел права рисковать всей миссией в связи с неминуемым похмельем. Скажу лишь, не без ложной скромности, что мне пришлось приложить немало интеллектуальных усилий, что бы в течении минут пяти аргументировано и без обид убедить товарищей перенести празднование ввода в эксплуатацию вертолёта на завтра и заодно совместить его с окончанием крайне важного госу-

дарственного задания - извлечением секретного аппарата из грунта Земли на свет Божий. Хотя...если уж говорить совсем на чистоту, то полагаю, что стоило бы в свою очередь кому-нибудь более или менее обоснованно мне возразить, то я бы не устоял – и согласился бы по-средством алкоголя снять накопившиеся за чрезвычайно бурные сутки усталость и эмоциональное перенапряжение, даже не смотря неминуемые негативные последствия. Но по счастью друзья, несмотря на трудно скрываемое разочарование, вежливо промолчали и мы, каждый по своему перекутив, приступили к уточнению завтрашних действий согласно ранее утвержденному плану.

Расписав поминутно: что, в какой последовательности и когда действует каждый из нас, на что ушло порядка часа, мы, наконец, пожелав друг другу покойной ночи и удачи, разошлись да утра. Время сбора для начала долгожданной операции было определено на 5-ть утра, а место - уже традиционно – у ворот кузницы.

Кузьмич был в явно хорошем расположении духа и всю дорогу до дома иронизировал по-поводу происхождения моего тщательно замаскированного бланша под глазом. Впрочем, из его уст это, как всегда, звучало по-доброму и, как мне казалось, без какой-либо задней мысли; также он допытывался, не пойду ли я снова осматривать местные красоты и достопримечательности, настойчиво предлагая на всякий случай взять фонарик или себя в гиды; и так далее и тому подобное. Я как мог, пытался то же отшучиваться, но по существу – не знал, что ответить, так как впопыхах утреннего расставания с Наденькой мы не договорились о планах на вечер интуитивно понимая, что она попросту не может не состояться после всего того что с нами произошло минувшей ночью.

Так, переливая из пустого в порожние шутки да прибаутки, мы почти дошли до дома егеря, как неожиданно, во всяком случае, для меня, дорогу нам перегодил председатель, подвижное лицо которого выражало плохо скрываемое волнение.

- Борь, ты что ли?! – прищурился в сгущающиеся августовские сумерки Кузьмич.

- Я, Иван Кузьмич...кто ж еще...- смутился председатель, стараясь не глядеть нам в глаза, виновато перетаптываясь на месте, чем изрядно удивил егера, видевшего его таким едва не первый раз с момента избрания на руководящую должность.

- А я думал чёрт какой из кустов вышел...тёмно уже, - по инерции продолжал шутить лесник, - ты так гуляешь или по делу пересёкся?

- Да мне вот с Федором Фомичем потолковать надо...- запнулся он, -...с глазу на глаз...

- Эвано что, - насторожился егерь, - с чего вдруг: ты ему кум, сват аль родной брат; один глаз уже отсвечивает, не твоя ли работа? - показал он сначала пальцем на мои чёрные очки, а потом, спрятав его в кулак, укоризненно и явно недружелюбно обратился к Борису.

- Кузьмич, ну что ты на него набросился: я ж тебе сказал, что на пенёк напоролся, а человеку может действительно что-то от меня важное надо, - сказал я машинально, что бы хоть как-то разрядить накаляющуюся по неизвестной для меня причине обстановку, слабо соображая, о чём собственно вообще идёт речь.

- Что ему надо я тебе, Федь, уже говорил, так что пущай лучше колесует от греха подальше. Я не погляжу что ты, Борис, в должности - окрещу вон скамейкой – мало не покажется, сам знаешь - за мной не заржавеет! – уже не на шутку заводился егерь.

- Зря ты так, Кузьмич: я-то тут причём? – обиделся председатель, брезгливо взглянув исподлобья на мою «шедевральную» гематому не помещающуюся за краями огромных чёрных очков. – И вообще - я сугубо по личному вопросу...

- Правда, Кузьмич, ну что ты, ей Богу, как Фома не верующий, - добавил я, продолжая тяжело втекать в сущность происходящего.

- А ну вас к лешему, пеньки малолетние, - делайте что хотите: вам, что кол на голове теши: всё едино по-своему сделаете! - и в сердцах сплюнув на землю, также, в свою очередь, обидевшись на выказанное недоверие со стороны издавна нелюбимого им председателя и моё пассивное отношение к этому, твёрдо направился к дому.

Всё произошло настолько быстро, что я несколько растерялся и стоял как вопросительный знак, ссутулившись неожиданно свалившимся невесть откуда непонятными пока обстоятельствами; но интуитивно я уже начал ощущать как от них уже веяло какой-то гнусностью и, как водится, предчувствие меня не обмануло.

Напряжение образовавшейся паузы нарастало, буквально насыщая отрицательно заряженными электронами пространство вокруг меня и председателя. И как только возмущённая плоть Кузьмича скрылась за калиткой, Борис вначале робко, а затем всё увереннее начал последовательно разряжать накопившуюся энергию и снова увеличивать её напряжение посредством сбивчивого монолога, прерываемого мною порой весьма эмоционально.

- Фёдор Фомич, вы меня из...извините, - председатель так и не смог унять волнения и слегка заикался, - что я вот так вот – неожиданно, вас отвлекаю, а вы, судя по документам человек занятой...

- Бросьте, давайте без церемоний, что у вас? - сделал я психологический шаг навстречу, не смотря на сложившуюся между нами за пару мимолётных встреч устойчивую антипатию.

- Спасибо... Я п...постараюсь кратко. Так вот, не смотря на то, что вы при таких должностях и п...полномочиях, а я всего лишь председатель забытой даже чёртом деревушки осмелиюсь предположить, что поскольку вы не местный, то рано или поздно улетите отсюда туда, откуда и прилетели...

- Ну, допустим, что из того? - перебил его я, не понимая к чему, он клонит, но при этом весьма насторожившись по поводу последней части его предложения: «Они что тут все такие ясновидцы – рентгенологи, что знают, кто я и откуда».

- Как что?! – удивился Борис, - вы же сами не отрицаете того, что улетите, а мы останемся здесь жить дальше...без вас... как и раньше...

- Да с чего вы решили, что я вообще должен куда-то улетать? – не выдержал я необъяснимой проницательности со стороны неприятного и, не по-детски начинаящего раздражать меня во всех отношениях типа.

- Во-первых, п...повторюсь, вы сами дали это понять только что, а во-вторых – ваша высокая должность и б...беспредельный по полномочиям особый мандат подразумевают по исполнению возложенной на вас миссии, как минимум личного отчёта перед вышестоящим начальством, - убедительно возразил он.

- Какой ещё миссии, что за ерунда! - начинал я про себя тихо сходить с ума, от не возможности уже в который раз внятно объяснить себе пугающую осведомлённость жителей харловки, отдавая, тем не менее, должное логике въедливого, как назойливая муха, председателя.

- Как какой? – также, похоже, недоумевал Борис в свою очередь моей несообразительности, - секретной, разумеется, - уже вся деревня знает, что вы с космосом связаны, а скоро и...

- Послушайте, уважаемый! - вновь оборвал я его удивительные откровения, всё более распалиясь, выделив последнее слово интонацией так, что б у оппонента не осталось и тени сомнений в противном смысле оного в отличие, от общепринятого у Землян исконного значения. - Даже если это и так, хотя это не совсем так, - инстинктивно слукавил я, - это абсолютно не ваше дело; более того – я, по известным причинам, настоятельно не советую совать в него ваш длинный нос! И кончим этот бессмысленный разговор, если у вас ко мне всё... - перешёл я к откровенным полуугрозам и начал всем своим видом показывать, что собираюсь к дому Кузьмича.

- Ещё одну м...минуту, Фёдор Фомич, - было очень заметно, как председатель весь напрягся и даже как-то съёжился, собираясь с духом, что бы сказать, наконец, главное, - ...оставьте Надежду – ничего у вас не выйдет...

На некоторое время я буквально «завис» как бортовой компьютер, переваривая сказанное, так как меня едва не расплющило, словно блоху кузнецким молотом от услышанного. Разумеется, что его необъяснимые пророчества о негативной судьбе миссии начали распалять во мне естественный закипающий интерес вперемешку с гневом, вызванный, как уже упомяну-

то выше, стойким не пониманием происходящего, не говоря уже о субъекте моей неистовой любви - Надежде. В замешательстве нахлынувших и перемешавшихся между собою чувств и мыслей, я даже не заметил, как соскочил с учитивого «вы», на строгое, в данном контексте – «ты», что со мной случается крайне редко. Таким образом, я медленно, но верно терял над собой контроль, с превеликим трудом удерживаясь в привитых с пелёнок кодексу поведения гражданина BBC.

- Не понял... что ты сказал, повтори?! - кое-как я собрался, полагая, что под «оставьте Надежду» треклятый председатель подразумевает провал, готовящийся в тайне с моими новыми местными друзьями-товарищами, операции по спасению «малютки», а не мою драгоценную Наденьку.

- Так я же и говорю, - продолжал председатель, добавив едва уловимые басовые нотки агрессии, - вы по любому, рано или поздно, улетите отсюда к себе домой или ещё куда-нибудь - к чертям собачьим, а Надежда Ивановна – останется, как всегда, у разбитого корыта. - Она и так, бедная, в жизни с всякими залётными да непутёвыми намаялась по своей бабской доверчивости, - ещё немного повысив голос, окончательно подтвердил он мои худшие ожидания в связи с однозначной трактовкой слова «Надежда».

- Слушай, как там тебя?! - выпалил я, окончательно осознав, что этот мерзкий хам, сам того не понимая или что ещё хуже - намеренно своими намёками оскорбляет Наденьку за которую я готов был любого порвать на парсеки.

- Борис... - как-то потерянно ответил он.

- Так вот! – добавил я стали голосу уязвлённый ещё и тем, что это гнусное, метр с кепкой недоразумение в моём лице до кучи оскорбило ещё и цивилизацию, контролирующую почти треть видимой части Вселенной, - последний раз предупреждаю – иди ты отсюда лесом от греха, а не то - я за себя не ручаюсь!

Вы, как никто знаете Мудриус, как мне претят оскорблении, брань и уж тем более – насилие, хотя мне ничего не стоило в секунду растворить эту зловредную особь в прах на нулевые нейтрино, а затем законсервировать её на молекулярном уровне до решения особого комитета BBC; даже столь ненавистная мной инструкция допускает эту крайность в случае чрезвычайной опасности миссионеру со стороны изучаемых объектов. Но ещё раз повторюсь как для вас, так и для неведомых мне читателей, которые возможно когда-нибудь проникнутся драматизмом описываемых событий, что я – Флудий Аквинский, как бы мне не было тяжко и телом и духом – никогда не использовал знания против личности, какой бы низкой и ущербной она не была.

- Ну, ведь вы же её поматрите и бросите, а я всю жизнь Наденьку люблю – отступитесь, не губите! - не унимался председатель, в котором, так же как и во мне со всей очевидностью разгоралось яростное пламя слепой, бессмысленной и безудержной ревности для меня нового, а потому и почти бесконтрольного чувства.

- Всё! Моё терпение лопнуло! мало того, что ты, никчёмный, низменный человек, влезаешь своим грязным языком в наши сугубо личные отношения, так ты ещё...

- Да чего вы... ты мне сделаешь?! инженер залётный...подумаешь...корочки у него...может они липовые, я твоему начальству напишу...и ещё куда следует! – в свою очередь грубо прервал меня, потерявший страх председатель.

- Ну, амёба плешивая – вешайся! – и я, начал сосредотачивать в себе энергию с тем, что бы, не причиняя разбушевавшемуся оппоненту физическогоувечья, для начала телепатически парализовать его чувства.

- Федя! Феденька! – вдруг раздался за взмокшей от напряжения, спиной, умоляющий голос Наденьки, - не трогай его, пойдём домой! Милый... уже гораздотише добавила она, подбежав и обняв меня, защищая своим тоненьким тельцем мою напрягшуюся плоть от чрезмерно возбуждённого председателя.

Если и есть Бог, а по нашему – Святая Бесконечность, то сегодня ко мне она явилась в образе Наденьки, которая упасла душу от греха, ибо техниканейтрализацииугрозы, хоть и «отточена» нами почти до совершенства всё же существовала не нулевая вероятность летального исхода, а этого я бы себе никогда не простили...

И мы, повинуясь некой неведомой силе вложенной в уста Наденьки и в самый её образ, мгновенно прекратили весь этот сыр-бор и разошлись в разные стороны, ни проронив более, ни слова между собой, и даже, ни разу не обернувшись и не взглянув друг другу в след. Конечно, удаляясь от места несостоявшегося «поединка», каждый из нас нёс в себе пусть и тлеющие, но ещё обжигающие сердца и нервы угли, но их жар был основательно и бесповоротно потушен Надеждой, её выбором...

- А может, пойдём, Наденька, как вчера погуляем? – сказал я, как ни в чём не бывало, подойдя к калитке, но по её глазам понял, что сморозил очередную глупость.

- Ты с ума, что ли сошёл? – строго возразила она интонацией, не требующей разъяснения: и так дескать ясно что после того что случилось нормальные люди по домам сидят.

- Сойдёшь тут...– особенно не возражал я, про себя добавив: «с вами, ребята, не соскучишься – мало того что всей деревней насквозь видите, так ещё и на «залётных» как дикие бросаетесь».

- А я тебя предупреждала - не связывайся с Борькой – дурной он, - опять словно отсканировала мой мозг, ответила Наденька, - если б не папа...

- А причём тут твой отец? - опять я начал удивляться, перебив Надежду до этого, твёрдо дав себе слово ничему уже более не удивляться.

- Так это он мне сказал, что вы драку затеваете: беги, говорит, доченька, спасай своего, а то завтра его распрекрасное лицо, возможно, никакие чёрные очки от фонарей не спрячут, а у вас, мол, дело какое-то важное на зорьке намечается, может тебя, олухи бестолковые и по-слушают.

- Стоп! А он то, каким боком узнал, что я с тобой... того? а впрочем, чего это я спрашиваю... - подловил я себя же на только что данном слове впредь ничему не удивляться, - и что ж теперь делать? – реально озабочился я сложившимся положением дел.

- Не знаю, пойдём в дом, а там видно будет, - лаконично отрезала она и, как ребёнка, за руку повела меня к крыльцу.

«Мудро» - заметил я для себя. – В самом деле, чего заранее паниковать и впадать в уныние, если нам неведома реакция Кузьмича; и потом: в конце концов – мы что мешок муки украли? – нет, напротив – признались друг другу в чистом и прекрасном чувстве – любви, а в ней не может быть криминала, ибо она изначально - свята».

Войдя на крыльцо, Наденька тут же пошла к Машеньке в дом; я же, проводив её растерянным взглядом, неожиданно для себя ещё раз поздоровался с егерем, который хмурым сидел за столом и о чём-то сосредоточенно думая, густо расточал аромат самосада.

- Виделись, - резонно заметил он, и начал основательно гасить недокуренную козью ногу об импровизированную пепельницу из-под консервированных бычков в томате, - ну, что скажешь...инженер-конструктор...

- А что сказать-то? – вновь бестолково впал я в ступор недопонимания текущей напряжённой атмосферы, сильно гнетущую душу Кузьмича.

- Ну, не про Бориску же убого я тебя, Федь, спрашиваю: мне на него наплевать, растереть и забыть... - весьма резко ответил егерь, пристально вглядываясь мне в глаза.

- Так вы...ты ...про Наденьку? – спохватился я, сбиваясь от нахлынувшего волнения.

- А то про кого же! мне, если честно, Фёдор Фомич, и твои эксперименты в сравнении с судьбой дочки – дело десятое, хотя и интересное.

- Так у нас с Наденькой, Надеждой Ивановной то есть - всё серьёзно, хоть у неё спросите...спроси, - так и не смог я подавить в себе волнение одновременной торжественности и ответственности момента.

- Побожись! – напирал егерь, требуя еще более весомых доказательств моему намерению.

- Вот тебе крест, - не задумываясь, озnamеновал я себя перстами, тем не менее, подсознательно отдавая себе отчёт, к чему этот традиционный и святой ритуал обязывает.

- Ну, коли так, - выдохнул Кузьмич полной грудью скопившуюся от напряжения переживания боль, - другое дело – я тебе Федь, как себе верю – даже не знаю почему - хочешь режь меня, а хочешь - полосуй.

И он в чувствах, еле сдерживая слёзы отцовской радости за дальнейшую судьбу дочери, крепко обнял меня и трижды, как заведено на Руси с испокон веков, расцеловав меня, позвал Надежду, которая как мотылек на свет выпорхнула к нам и без лишних расспросов сразу всё поняла.

- Эх...по-хорошему - обмыть бы такое событие, да жаль нельзя – завтра...на зорьке, да почитай что уже сегодня – работа важная, так что ли зятёк? - подмигнул он мне весело отчего мы с Наденькой зардели как маки.

- Так точно! – тем не менее, успел я взять себя в руки, подражая любимой воинской риторики Кузьмича.

- Ну, ладно! так и порешим значится: завтра помолвку отметим, ну и заодно, дай Бог, успех нашего общего, государственного дела, а теперь – спать, - поставил точку счастливый егерь в обсуждениях удивительных и пёстрых событий уходящего в историю дня.

Вот так всего в пять минут я де facto стал суженым Наденьки, доселе особенно не задумываясь: как мы будем жить, где, на что, а если Бог детишками наградит, то каковы они будут...и т.п. А ведь по-своему прав был зловредный председатель, и эта тяжёлая мысль очредной занозой застряла во мне, и ноет не проходящей болью до сих пор, но, об этом – позже: слишком серьёзная и больная для меня тема.

Может быть, еще по чуть-чуть Лейвики, Командор, а то что-то у меня под сердцем опять заныло? Спасибо...дружище – вы настоящий товарищ...

XII

Итак, наконец, наступил долгожданный для меня алый рассвет дня, от исхода которого зависел успех или провал операции по спасению «малютки» и как следствие – судьба возложенной на меня BBC миссии. Если мой летательный аппарат в результате экстренной жёсткой посадки под Тверью окажется без существенных повреждений, то, как иногда абсурдно говорят местные, можно с уверенностью констатировать, что дело - выгорело.

Ровно в 5 утра, как и было ранее оговорено, без опозданий и в полном составе мы стояли у ворот кузницы, во всеоружии, готовые приступить к исполнению тайного государственно-

го задания. Мои психологические тренинги с коллективов не прошли даром – лица товарищей были преисполнены осознанием важности, ответственности и даже – некоторой гордости от сопричастности к секретной операции в которой им было доверено мной участвовать.

Эх...если бы они знали кому в действительности помогают, то портреты моих дорогих друзей, полагаю, на порядок были бы ещё выразительней, хотя казалось бы куда уж больше, но не будем о грустном – продолжаю.

До места экстренного падения «малютки» было примерно 1,5 часа ходу лесом. И мы, за Кузьмичом, как за Моисеем: след в след, вереницей выдвинулись исполнить, каждый свой долг. Я - осознанно и в соответствии с заданием BBC, а мои друзья – фактически «вслепую», ведомые, впрочем, как и я, такими благородными чувствами как: помочь ближнему, любовь к Родине и служению высокой идеи. Ведь по большому счёту, как бы пафосно это не звучало: и по духу, да и, по сути, наша операция в итоге служила налаживанию межцивилизационного контакта с землянами в лице моих товарищей на первоначальном этапе сближения. Что бы потом интегрировать в BBC, если, конечно, их культурный уровень будет к тому времени соответствовать нашим минимальным этическим стандартам.

Между тем, Кузьмич, видимо, вдохновлённый вчерашней помолвкой, летел по лесу, меж деревьев, кустов, оврагов и всего что попадалось на его пути, как молодой лось весной на зов юной особи противоположного пола и мы – молодые и здоровые – едва поспевали за ним, что в итоге позволило сэкономить нам четверть часа.

- Кажись тута, - откашлялся, взмокший и тяжело дышавший егерь, горящими, как у охотника добравшегося, наконец, до вожделенной цели, глазами осматривая полянку у Ташнилова болота.

- Похоже, - подтвердил я, с трудом отыскав сквозь молоко медленно рассеивающегося тумана собственноручно оставленные лазерным тесаком зарубки на дубе, похожим на большой, мускулистый кукиш.

- Факт! – окончательно и бесповоротно, как главврач на консилиуме, отрезал Кузьмич, убирая набросанные им почти неделю назад ветки, - вот она, Фёдор Фомич, дыра твоя, дождалась родимая, снимай рюкзаки ребята, перекур пять минут.

И все как по команде, синхронно сняв с себя амуницию, невольно вытянули шеи, что бы заглянуть в зияющую мраком таинственности, отверзшую, как пасть затаившегося и готового к атаке хищника, углубление искусственного происхождения. Но даже первые лучи солнца уже обильно поглощающие собой уходящую в бытие ночь, не помогли нам разглядеть в чреве, хранящую надежду на успех нашего предприятия ямы, ничего кроме глухой, безразличной ко всему внешнему кромешной тьмы.

- Тёмно, хоть глаз коли, - резюмировал Пётр.

- Да уж, без фонаря не углядеть, - заключил Кузьмич, пыхнув сигаркой и расточив ядрёный аромат махорки в свежесть нежного, непорочного утра.

И вдруг, тут же, из непроглядной тьмы норы, послышался нарастающий грозный рык, и началось какое-то шевеление почвы под нашими ногами, которое было весьма ощутимо и вызвало неприятное ощущение подспудного, необъяснимого страха.

- Ч...что это? – спросил я, дрогнувшим голосом как бы всех и вся, и взволнованные взгляды Ломакина и братьев переметнулись в начале от ямы на меня, а затем на егеря, как наиболее бывалого из нас члена команды.

- А чёрт его знает, должно зверь какой или ещё кто, - со свойственной невозмутимостью и хладнокровием успокоил нас Кузьмич, основательно, по давно заведённой привычке, втаптывая окурок во влажный мох и снимая с плеча двустволку. – А ну, ребята, брысь на деревья от греха!

- Только мы, повинуясь мудрому совету егеря, начали, осторожно пятясь от зловещей норы, осматривать близлежащие деревья для спасения пропавших душ своих, как из подземелья с диким рёвом, выскочило бурое, лохматое существо округлой формы и в свою очередь, не оглядываясь, переваливаясь с боку на бок, сигануло прочь в сторону болота.

- Медведь, итиху его мать! – крикнул нам Кузьмич, и что бы окончательно устранить нечаянное препятствие на нашем пути к «малютке» по-молодецки свистнул ему в след, от чего, видимо, разбуженный нами зверь, толком не очнувшись, ещё больше прибавил со страха ходу. – Отбой тревоги, ребята! Слазь, с ёлок!

Оглядевшись, к своему великому стыду, я увидел, что был единственным из бесстрашной бригады, кто оказался на дереве: остальные хоть и отступили несколько шагов от временного медвежьего логова, но стояли на смерть, хоть и с застывшими лицами.

- Что, Федь, оробел малость?! - весело, и как всегда безобидно, подзадорил меня Кузьмич, - в столицах, поди, такого чуда лесного не встретишь.

- Это точно, Кузьмич, только в зоопарке дичь природная ещё и осталась, - и я нарочито ловко спрыгнул с ветки, как будто ничего и не случилось, ибо нужно было срочно реальными делами восстанавливать пошатнувшийся авторитет.

- Лишь бы, косолапый, аппарат не испортил, а то ко мне года три тому в кузню забрёл такой же – так, антенну чуть не ушатал, еле мёдом отвадил, - обеспокоился Пётр и начал доставать фонарик из рюкзака.

- Вряд ли, - задумался егеря, - он, наверное, из такого металла, сделан, что его и тротилом не возьмёшь, на край нагадит мишку по нужде природной так что ли Фёдор Фомич?

- Ну, насчёт звериных ароматов не скажу - не специалист, а вот за крепость сплава ракеты – ручаюсь: нет и не скоро ещё будет на всей Земле такой силы, что бы даже вмятину в оболочке аппарата сделать.

- Хорошо коли так, а то у нас такие колдобыни, что не приведи Господь: так, бывает об ухаб, приложишься, что даже имя своё забываешь, а железо, что песок сыпется: на мой уазик без слёз не взглянешь, как ещё ездит – ума не приложу, – удовлетворился моим ответом Кузьмич.

- И со светом, блин, ни чёрта не видно! - перебил нас раздосадованный голос Петра, по пояс нырнувшего с фонариком в яму, которого братья своими мощными руками, как стапелями, удерживали за ноги, – только одна вонища аж глаза режет...

- Это что... - поучительно заметил Кузьмич, основательно принюхиваясь, - хорошо что, не кабаниха с выводком тут заседал – вот тогда бы мы всласть надышались...

- Кабаниху или ещё какой-нибудь сюрприз в этом духе, после бесцеремонного медведя я не перенесу – это уж слишком на одну яму, - хотел я сказать про себя, но отчего-то произнёс вслух.

- Два раза в одну воронку снаряд не ложится: не боись, Фёдор Фомич, - прорвёмся, - вновь по-молодецки, с удалью и немного бравурно заключил Кузьмич, - начнём что ли?!

- Да, товарищи, время не ждёт, - ухватился я за спасительное предложение и, первым, взяв лопату, начал рьяно срезать дёрн с краёв импровизированной берлоги, на дне которой одноко покоялась моя родная и такая несчастная «малютка».

Однако молчаливые братья-близнецы, засучив рукава, вгрызлись шанцевым инструментом в грунт так, что вместе с землёй поочередно выбрасывали из ямы меня, Петра и даже Кузьмича; и если бы мы не мешались бы им под ногами – уверен, что раскопки прошли бы минут на сорок быстрее. И, тем не менее, часа через три из глубины раздался долгожданный металлический скрежет лопаты Василия о корпус «малютки» - «слава Великой Бесконечности - хоть тут без сюрпризов – не упёрли» - отлегло у меня от сердца. Я, конечно же, в этот ужасный сценарий до конца не верил, но чёрт его знает, что можно ожидать на чужой планете всего на четвёртый день пребывания.

- Стойте, стахановцы! – едва не взывал я, будто по мне прошёлся штык лопаты, а не по непробиваемому в принципе аппарату.

Братья синхронно остановили раскопки и освободили мне место (хотя благодаря их усилиям его было уже предостаточно) для непосредственно визуального первичного осмотра.

- Вроде всё цело, - выдохнул я, давая себе отчёт в том, что только в более или менее нормальных условиях кузницы я смогу достоверно определить наличие или отсутствие серьёзных повреждений «малютки».

- Ну, что, Фёдор Фомич – тогда выкатываем, из печки твой колобок?! – пошутил, находящийся в великолепном расположении духа, Кузьмич.

- Давайте, ребята, на раз-два-три… взяли! – скомандовал я, и, мы, раскачивав полуторатонную сферу, исключительно усилием братьев-богатырей в минуту выкатили её на подготовленную площадку, на которой уже лежала разёрнутая сетка-авоська.

- Впечатляет!!! – восхитился Ломакин, - если б не знал кто вы, Фёдор Фомич, то подумал что это реальное НЛО.

- Ну, в общем, Петь, ты где-то и прав, - немного смущился я, и, вдруг, не без гордости, добавил, – аппарат же секретный и уникальный, единственный в своём классе на Земле.

И все, с ещё большим пристрастием, которое и так было на пределе человеческого любопытства, начали рассматривать довольно среднюю по характеристикам пилотируемую одноместную модель для планетарных исследований BBC.

- Фёдор Фомич, а внутрь можно залезть? – загорался, как всегда огнём познания, Ломакин.

- Всему своё время, Петь, может, и покажу вам, братцы, в качестве исключения секретные достижения науки и техники, за неоценимую помочь государству.

- Тогда я побежал за вертолётом?! – опередил он мой следующий приказ, что бы максимально приблизить себя к новой заветной мечте – любой ценой попасть внутрь самого мощного на Земле пилотируемого космического аппарата.

- Валяй, Пётр, только особенно не спеши, что бы дыхание не сбить – времени у нас с запасом и главное - при взлёте-посадке максимальная осторожность; с Богом! - перекрестил я его вслед, так как он, гонимый природной любознательностью, уже направил себя к кузнице.

Но не успели мы толком подручными средствами очистить оболочку «малютки» и пару раз перекурить, как над нами послышался нарастающий шум лопастей, который впрочем, по уровню был не больше чем, если бы, вдруг, включив форсаж, с десяток небезызвестных маленьких, весёлых шведских Карлсонов исполнили знаменитую мёртвую петлю легендарного русского лётчика Нестерова.

- Ишь ты, никак Петька!?! – первым отреагировал ушлый Кузьмич, и мы все задрали головы, где в лучах золотого солнца, на фоне безупречно синего неба, сверкая и преломляясь, зависло чудо техники – гибрид последней свежести автомобиля «Запорожец» и трактора «Бе-

ларусь» способный вопреки законам аэродинамики вполне сносно преодолевать воздушное пространство и притяжение Земли.

- Он, родимый! – не без гордости подтвердил я, увидев как, через отсутствующее лобовое стекло ручной сборки вертолёта, свисала взъерошенная голова Ломакина и что-то безуспешно нам пытались поведать.

Минут через пятнадцать плотного, и, простите – иногда далеко не литературного общения похожего на «диалог» глухого с немым, исключительно благодаря выразительным жестам и не менее доходчивой мимики нам удалось подцепить авоську с «малюткой» к тросу и железная стрекоза, словно беременная, напрягаясь, неспешно, раскачиваясь из стороны в сторону, поплыла в сторону кузницы. В свою очередь мы, не теряя ни секунды, сломя голову помчались вслед за небесной «колесницей» вдруг коллективно осознав, что впопыхах планирования операции (тут я должен признаться - целиком моя вина) забыли крайне важный момент, а именно – кто будет отцеплять «малютку» от вертолёта. Вы можете мне не поверить, дражайший Мудриус, но клянусь Святой Бесконечностью, что наш феерический бег по вдрабадан пересечённой местности, будь он запечатлен третьими лицами, то, несомненно, попал бы в местную книгу рекордов некоего Гиннеса.

Одним словом, когда мы, включая едва живого Кузьмича, свесив к земле, как гончие собаки полуживые ссохшиеся от жажды языки, и буквально руками удерживая в грудной клетке неистово колотящиеся на разрыв сердца, выскочили из леса на полянку перед кузницей, то успели заметить, как Ломакин только-только подлетал к своей лаборатории. Осталось сделать последний километровый рывок. И мы, сбросив как лишний вес шанцевый инструмент, ради спасения товарища обновили только что установленный рекорд, и, повторив в обратном порядке процедуру подвешивания «малютки» с горем пополам, но главное - без существенных потерь, таки завершили операцию.

Ну, что такое в конце-то концов, навсегда отошедшие в мир иной мириады нервных клеток, десяток ссадин, царапин и едва не лопнувшее сердце в сравнение с достигнутой целью в масштабах поставленной BBC задачи по налаживанию межцивилизационного контакта и бережного отношение к эксплуатируемой при этом дорогостоящей техники.

Всякий раз, когда я с судорожной конвульсией мышц, вспоминаю перипетии того неповторимого по своей изнурительности марафона, то, преклоняюсь мужеству, терпению и отчаянной удали русского народа, качествам весьма редким, но которые крайне необходимы в нынешние непростые времена для Землян. И пока такие свойства будут преобладать в характере людей, то шансы для цивилизации преодолеть внутренние противоречия и выйти на новый положительный уровень развития, определённо не равны нулю. Но двинемся дальше,

дабы не увязнуть в бесконечных рассуждениях о том, что должно сделать, так как это всего лишь необходимое, но отнюдь не достаточное условие для формирования прогрессивного движения общества.

Итак. Первым, как всегда, отошёл несгибаемый ничем и никем Кузьмич, предварительно долго и серъёзно откашлявшись:

- Однако, ребятушки, я чуть Богу душу не отдал, хорошо меня Лёха с Тимохой на загривки как вещь-мешок подхватили, - спасибо вам одинаковые чудо-богатыри

- Да ладно...чего там... - только и ответили поочерёдно смущённые Удалыцова, чинно выжимая огромными ручищами насекроль потные рубахи, и с плохо скрываемым любопытством поглядывая в сторону мастерской Ломакина, куда мы закатили «малютку» и откуда периодически высовывалась его возбуждённая физиономия.

- Не скажите, братцы, такой марш-бросок да ещё с дополнительной нагрузкой на плечах не каждый сдюжит – это я как профессиональный военный утверждаю, так что - ещё раз благодарю за службу, как говорится - сам погибай, но товарища – выручай - вот в чём был, есть и будет залог успеха любого дела.

- Присоединяюсь к поздравлениям: сегодня все без исключения проявили должные мужество, споровку и характер в столь крайне важной операции! - нарочито торжественно подхватил я заслуженные дифирамбы, - хотя честно признаюсь вам, что едва собственные лёгкие не выплюнул при финишном спурте.

- А у меня до сих пор руки дрожат после штурвала, - вклинялся, совершенно не глядя в нашу сторону, Пётр, как кот возле сметаны, крутившийся с логарифмической линейкой вокруг «малютки», - всю дорогу боялся не раскачать кошёлку с аппаратом, что б ни снести че-го-нибудь, жуть как натерпелся...

- Вот...вот...- прищурившись сразу на оба глаза и таинственно с самой собой разумеющимся намёком улыбаясь, подытожил Кузьмич, - так что, Фёдор Фомич, теперь тебе, друг сердечный, не отвертеться от сабантуй - поводов хоть пруд пруди...

- А я, братцы, и не возражаю...- мгновенно отреагировал я, залихватски почёсывая нос, чем вызвал одобрительный гул среди членов команды, хотя меня всего аж распирало от желания побить с «малюткой» наедине, что бы прояснить, наконец, степень и характер её повреждений, если таковые обнаружатся.

- Вот это по-нашему, по-русски! – радостно хлопнул в ладоши, Кузьмич, с особым смыслом и усердно потирая оные: мол, я же говорил, что так и будет, предвкушая, как бы давно запланированное праздничное событие, - ну! - через пару часиков у меня?

- А как же аппарат, вы же обещали его нам показать? - резко обернулся Ломакин, с таким выражением лица и интонацией, которое бывают у ребёнка, родители которого обещали сводить в зоопарк, а вместо этого - поставили в угол.

- Раз обещал – значит, сделаю, - твёрдо ответил я, едва сдерживая эмоции, ибо сердце моё сжалось, как у строгого отца заметившего невинную слезинку сына, - но позже...

- Сегодня, вечером?! – не унимался гениальный Кузнец.

- Возможно, но пока твёрдо не знаю, - максимально мягко и неопределённо ответил я. - Кстати, хорошо что напомнил: аппарат-то казённый, секретный и требует серьёзной охраны: так что извини, Кузьмич, - у тебя никак не получится: а то выходит кто-то сторожить останется, а остальные - гулять будут ...не по-людски, согласись?

- Да уж...оказия выходит, будь она не ладна, – заметно огорчился егерь.

- Так давайте у меня, в кузнице, и отметим! – засиял надеждой Ломакин, - и погуляем вдоволь, а заодно и за ракетой приглядим – вон, сколько места...и всё как на ладони...

- Резонно, – поставил я точку в диспуте по определению места дислокации вечеринки.

И, отдышавшись до нормального пульса, мы разошлись по домам за закусками и известным напитком, договорившись, встретиться вновь через пару часов, оставив на боевом посту светившегося предвкушением свидания с передовым образцом секретной техники Ломакина и младшего из богатырей-близнецов – Тимофея, который начал с похвальным пристрастием всматриваться в возможные потенциальные угрозы окружающего пространства.

Всю дорогу, мы с Кузьмичом пытались определиться, как быть с празднованием помолвки: я предлагал, хотя и не настаивал, совместить с успешным окончанием операции в кузнице, а будущий тестя напротив – отметить в узком семейном кругу сегодня же пусть и после кузницы и потом – ещё раз в Воскресенье, пригласив самых близких (разумеется, включаю всю нашу бригаду) друзей и родственников. Но как часто бывает в жизни – в итоге всё устаканилось само собой.

Едва мы вошли в дом, как наш желудочный сок был моментально спровоцирован на обильное извержение, ароматом расточаемой снеди празднично накрытого стола, за которым в нарядных одеждах в томительном ожидании сидели Надежда с Машенькой на коленях и соответственно их мать и бабушка - Петровна.

- О, как! – изумился Кузьмич, - мы тут с Фёдором Фомичом, головы ломаем, что и как, а за нас всё уже решили – прям матриархат...туды его в качель.

- А чего тянуть-то...помолвка - дело святое, - молниеносно ответила его супруга, как и всякая иная добродорядочная мать, всей своей сутью желающая потомству счастья и готовая

ради этого пойти во все тяжкие, а уж тем более, когда всё само плывёт в руки, - сам же вчера заводился.

- Ясно! Тогда слушай мою команду! – привычно отчеканил командным голосом, довольный сложившимися обстоятельствами егерь, - сейчас мы быстренько это дело отметим, затем я с Фёдой отлучусь на важное секретное мероприятие, ну, а после, как получится, видимо, ближе к ночи - продолжим, как говорится, в тесном семейном кругу – всё одно завтра выходной.

Возражений не последовало, и мы в строгом соответствии с заведённым с незапамятных времён ритуалом помолвки управились за час; при этом, дражайший Мудриус, вашему покорному слуге пришлось наравне с Кузьмичом и Петровной (Наденька – вот ведь сила воли – лишь пригубила) принять на впалую от чреды испытаний грудь три стопки харловки. Затем мы, взяв с собой закусок, разносолов и четверть (бутыль – равная $1\frac{1}{4}$ объёма 10-ти литрового, хозяйственного ведра) встали из-за стола, пообещав, всенепременно вернутся.

- А не много ли? – аккуратно постарался заметить я Кузьмичу, кивая на ёмкую бутыль с харловкой, помятую о её одновременно чудесных и ужасных свойствах исключительно в целях минимизации возможных непредвиденных обстоятельств негативного характера в свете грядущего сабантуя.

- Федь, ты как будто бы снова не на Земле родился: мы хоть народ особо и не пьющий, но уж если чего отмечаем, то во всю ивановскую – одни близнецы чего стоят – им это вообще как слону дробина - так что как бы за второй бежать не пришлось.

- Да это я так... шутейно, - глупо улыбнулся я, осознав, что в очередной раз прокололся, как воздушный детский шарик о ежовые иголки.

- Ну да, зятёк, ну да...- хитро прищурился Кузьмич, и мы взяли, ставший уже для меня привычным, курс на кузницу.

И, тем не менее, лично мне было уже и счастливо и весело и вообще, казалось, что жизнь – это замечательная штука, и она - только начинается, не смотря на все связанные с ней передряги.

XIII

Таким образом, мало того, что мы опоздали на четверть часа, так и явились под небольшой мухой, что не ускользнуло от наблюдательных глаз Ломакина, который к тому времени смастерил стол из рихтованного капота неопределённой модели и уже успел сервировать его,

разложив принесённую Алексеем снедь, добавив собственных запасов из кузнечного погреба:

- Что, братцы, не утерпели?
- Эх...Петья...Петья! – сиял, не скрывая радости и гордости Кузьмич, - а знаешь ли ты, харловский гений, что теперь Фёдор Фомич, мне фактически зять?!
- Ну?! – искренне удивился Ломакин, обрадовавшись, видимо, ещё и тому, что теперь я буду вынужден часто гостить в деревне, к его несомненной исследовательской пользе.
- Вот тебе и «ну»! - весело отфутболил Кузьмич, - так что, ребятушки, нынче в двойне праздник: гульну - не обессудьте ежели что, да и укатался за эту неделю как колобок по буеракам – розых нужен.
- Раз нужен отдых – то чего тянуть – приступим, товарищи непосредственно к процессу,
- бодро скомандовал я, вслед за егерем выкладывая душистые разносолы и неподъёмную четверть харловки на стол, руководствуясь известной мудростью, что чем «раньше сядем, тем раньше выйдем».

И мы сели. Но лучше бы нас сразу, до празднования, реально упаковали в кутузку суток на 15-ть в соответствии с местными традициями уголовно-процессуального права, а затем трезвыми и относительно отдохнувшими выпустили на волю, ибо в итоге нашего загула прямой и косвенный ущерб имуществу, здоровью, нереализованным во время планам на порядок превысил, те не забываемые во веки вечные ощущения одновременного безудержного веселья и слёзной печали, высокого философствования и пустопорожнего трёпа, неожиданному выбросу энергии в виде тех или иных «приключений» на свою задницу и неминуемое за этими опустошение столь свойственные русскому застолью особливо в рамках тёплой дружной мужской компании.

Но, как верно замечено в житейских мудростях аборигенов: «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи», а не в какой-нибудь Тымутаракани (к Харловке – это, разумеется, не относится благодаря удивительной красоте места её расположения на Земле и высоким моральным качествам подавляющего числа людей там проживающих). Таким образом, снова положившись на местный авось, я, уже не раз, за истекающую неделю дававший себе клятву максимально ограничить потребление алкоголя, в итоге, в силу слабости своего характера - таки умножил риски, связанные с выполнением возложенной на меня ответственной миссией BBC и едва не провалил оную, как последний двоечник экзамен.

В общем, на первые три традиционных в подобных ситуациях тоста и сопутствующее им обсуждение текущего положения дел в стране и в мире ушло около трети принесённой бутыли (стаканы в кузнице были раза в два по более тех, из которых мы пили в доме Кузьмича)

и около часа времени. Это я помню почти наверняка, ибо после третьего вливания едва на-смерть не подавился редиской, когда Кузьмич рассказывал историю о том, как однажды на войне его с взводом наглоухо блокировали фашисты в одном городке; но они, мало того, что сумели благодаря хитрости и находчивости незаметно для врага уйти по канализации из окружения, но и, геройски вдарив по его тылам, - полностью уничтожили его. При этом братья-богатыри в свойственной им философско-партизанской манере преимущественно слушали разговоры и молчали, а, соответственно, я, егерь и Ломакин, как могли, хаотично генерировали темы дискуссий.

Далее. Только мы разлили по четвёртой стопке, как в ворота кто-то гулко постучал и через мгновение, не дождавшись ответа, в них ввалился необычайно грузный человек пятидесяти лет в форме и одышкой, оказавшийся впоследствии местным участковым капитаном Прилипаевым.

- Василич! ты ли? - глазам своим не верю, какими судьбами, дружище? – обрадовался Кузьмич старому приятелю, - Петь неси стакан!

- Погоди...погоди, Кузьмич, оставайся - это дело...само собой никуда не денется, – тяжело дыша ответил милиционер, - сначала с жалобой разобраться надо...

- С какой ещё ж...жалобой? - ну её к лешему, после ...давай за стол – глянь, как гуляем – красота! - не отставал от участкового весёлый егерь.

- Вань, ну что ты за человек?! – говорю же: кляуза на тебя и всю твою тёплую компанию пришла, а ему всё трян-трава – праздник видите ли у него, - нравоучительно и твёрдо отрезал капитан, однозначно дав всем нам понять что «делу время, а потехе - час».

- Ладно! чёрт с тобой: банкуй быстрей, а то харловка стынет, - согласился Кузьмич, закуривая для пущей основательности и всем своим уверенным видом показывая нам, мол, не ссыте, ребятушки, сейчас разберёмся и продолжим праздник.

- Давно бы так, - подкручивая к верху густые седеющие усы, удовлетворился Прилипаев, вынимая из голенища огромного жёваного сапога изрядно мятый листок. - Итак, зачитываю, господа-товарищи, слово в слово, что нынче поутру получил по почте:

«Участковому милиционеру деревни Харловка,
Заречного района, Тверской области,
капитану Прилипаеву С. В.
от неравнодушного и бдительного
гражданина N (инкогнито).»

Заявление

Глубокоуважаемый Сидор Васильевич, прошу Вас как уполномоченного соответствующими органами властью проверить нижеследующих граждан на предмет заговора и/или иных противоправных действий, возможно затеваемых против государства, которые периодически и тайно собираются в местной кузнице и производят там секретные действия, а именно:

Ломакин Петр Петрович – частный собственник кузницы, а в свободное от основной работы время тайно занимается лженаучными и опасными для окружающих опытами, как например, вертолёт, собранный из чего-попало и чудом не рухнувший нам на головы;

Харлов Иван Кузьмич – пенсионер и по совместительству егерь, который уже неделю не выполняет свои должностные обязанности, бытовой пьяница; в открытую гонит самогон, известный в округе и за её пределами как «харловка» чем подрывает здоровье народа и производительность труда, а равно - и областной бюджет, который во многом формируются местными алкогольными компаниями;

Удальцовы Алексей и Тимофей – братья-близнецы, молчаливые (как известно в тихом омуте черти водятся) и угрюмые пособники, по-видимому, нанятые главарём банды выполнить грязную и чёрную работу по причине их невероятной физической силы;

Некто Флудов Фёдор Фомич, называющийся инженером-конструктором и сотрудником ФСБ с высокой степенью вероятности прикрывающийся поддельными документами которого следует проверить в первую очередь на предмет установления личности, и который, скорее всего и является лидером всей вышеперечисленной преступной банды, явившись непосредственно из-за границы или ещё откуда-нибудь для сбора информации и диверсионной деятельности».

13 августа 2011 г.

Гражданин N (анонимно)

Минуты на две в кузнице воцарилась гробовая тишина покруче той, что случается перед самым взрывом сверхновой звезды в её, оцепеневших в недобрых предчувствиях, окрестностях. Не буду домысливать, что именно закипало в душах моих товарищей по бандформированию, ибо их багровеющие на глазах лица более чем определённо и выразительно выражали нарастающее чувство гнева и неминуемого возмездия за клевету. Со мной было сложнее: ведь в заявлении прямо указывалось, что документы коими я прикрывал свою легальность, возможно поддельные и это, как вы,уважаемый Мудриус, понимаете - была сущая правда. В

связи с неожиданно возникшем, крайне неприятным обстоятельством, я пребывал в некоторой нерешительной растерянности, впрочем, спрятанной в самой глубине пяток от проницательных и не сводящих с меня глаз команды.

- Ну, гнида анонимная! – нынче же будет тебе от меня на орехи - стукачёк доморошенный, - первым не выдержав гнетущее напряжение тишины, разразился громом и молниями задетый за живое пасквилем Кузьмич.

- Это ты о ком так гневно? – тут же уцепился за егеря опытный оперуполномоченный.

- Как о ком?! - искренне удивился Кузьмич, - о Бориске, конечно, Председателе нашем долбанном, - больше некому...

- А я, б...блин, этой сволочи, ещё ворота ковал намедни – лично автогеном завтра порежу!

– сокрушенно вставил свои гневные пять копеек злой Ломакин.

- Однозначно, гад! – как всегда лаконично и разом пробасили близнецы, закатывая рукава и грозно почёсывая пудовые кулаки.

- Он ли написал или ещё кто наябедничал - пока не ясно, так как бумага не подписана и распечатана, - подытожил участковый, - но раз сигнал поступил, я, Кузьмич, - без обид, должен всё проверить: мне до пенсии всего ничего осталось - сам должен понимать...

- Ну, раз так надо – валяй: нам скрывать нечего, только не тяни резину – итак весь праздник поломал...

- Да ладно тебе, Кузьмич, дуться: я ж вижу, что все свои – простая формальность. - Вот только вашего «главаря пришлого из ФСБ» допрошу быстренько, протокол составлю для запроса в центр и присоединюсь к честной компании: уважу – опрокину пару-тройку стопочек, что ж я не человек – понимаю: праздник – есть праздник – это дело святое, - и капитан многозначительно подмигнув, выразительно щёлкнул себя толстым пальцем по своей широкой лужёной шее.

Признаюсь честно, что после этих слов милиционера я изрядно похолодел изнутри, несмотря на то, что все документы были безупречны по качеству исполнения. Меня вдруг сильно напряг его «запрос в центр», который потребует некоторого неизвестного мне количества времени с очевидным отрицательным ответом. Таким образом, кровь износу нужно было максимально быстро успеть завершить нынешний сабантуй, похмелится, отремонтировать «малютку», если она, не дай Бог, требует даже значимой наладки, обязательно изъясняться с Наденькой и по-возможности с моими товарищами - усвистать с Земли от греха подальше. При этом всё надо было сделать так, что бы никто ни о чём не догадался. Но как найти нужные слова на тот момент, я понятия не имел, сдвигая, как тупой бульдозер на обочину, нарастающие комом проблемы, надеясь, что в будущем они рассосутся сами собой.

Особенно плотно меня угнетала неопределенность с Наденькой – в суматохе последних суток, я почти не вспоминал о ней; вернее подсознательно я всегда был с ней, но реальность постоянно разъединяла нашу силу влечения друг к другу.

Конечно же, в случае реальной опасности я мог бы превратиться, например, в осу и, куснув со всей несвойственной мне злостью на прощание председателя в глаз за все его гадости, растворившись навсегда в небесах, вернутся на орбитальную станцию, оставвшись в памяти любимой и моих друзей до конца дней их – недопитым стаканом. Но помимо чисто неизгладимой душевной боли, которая неминуемо поразит меня, Наденьку, Кузьмича, Петра и Братьев это означало, как минимум, два негативных итога моей незадачливой миссии на Землю с точки зрения профессионального долга:

1. Все с таким неимоверным риском и титаническим трудом, установленные межцивилизационные контакты пойдут прахом, и как следствие – задание, порученное мне BBC, будет считаться провальным; и хотя я совершенно равнодушен к чинам, осознание того, что потраченные «в пустую» нервы, чувства, силы, и время здорово задевало моё это;
2. Неминуемая при этом потеря родной «малютки» (в соответствии с инструкциями я должен быть её уничтожить) вызовет разбирательства в соответствующей комиссии BBC, где бюрократы- крючкотворцы мало того, что неминуемого выкатят штраф за якобы умышленную порчу казённого имущества, так ещё и до белой горячки затаскают по бессмысленным допросам; я, как вы знаете, не меркантилен, но расшатывать мои и без того далеко не самые алюминиевые нервы – это шиш им с маслом – утрудится, тем более – я твёрдо для себя решил: во что бы то ни стало жениться на Наденьке.

Это я сейчас, вновь находясь в безопасности и под вашим чутким и мудрым руководством, достаточно связанно пересказываю пережитое, добавляя элементы анализа и вероятностного прогнозирования, а там, на Земле, когда обстановка менялась словно мнение начальства, меня, как безвольное бревно, несло по бурному течению жизни, ведомого неожиданными обстоятельствами проведения. Если же учесть, что клетки моего и так без меры забитого насущными проблемами мозга едва-едва выполняли возложенные природой обязанности, а под воздействием алкоголя их нестройные ряды и вовсе начали расползаться, спонтанно разбившись по кучкам чёрт знает куда, то положение моё становилось всё более критическим.

Одним словом всё зависело от авторитета Кузьмича – поверит ему участковый на слово или засомневается (я почему-то был уверен, что егерь на все 100% был на моей стороне, да-

же не смотря на все мои относительно жиденъкие аргументы в виде сочиняемой по ходу действий легенды и высокого качества липовых документов).

- Ну, убедился, Фома неверующий?! – радостно воскликнул Кузьмич, когда капитан тщательно рассмотрев мои документы и переписав что-то в свой блокнот, отдав честь и извинившись за беспокойство, вернул их, - я кого попало в зятья - не беру – свисток ты деревянный... давай садись уже за стол ... то же мне... Мегре.

- Это можно! - с искренним облегчением и чувством пусть и не до конца выполненного долга (запрос в центр на подтверждение моих личных данных так и завис на неопределённое время) громко выдохнул капитан, - тесть без зятя, что колун без топорища: ни выпить по-человечески, ни душу излить, ни крышу покрыть: ну! за семью!

И мы махом опорожнили бутыль ещё на одну треть - вследствие чего предусмотрительный Кузьмич с подробными инструкциями отправил младшего брата-богатыря Алексея к себе домой за сразу двумя новыми ёмкостями, что бы как он выразился «два раза не бегать». А между тем, свет первых вечерних звёзд ни смотря на всю поднебесную мирскую суetu хладнокровно и невозмутимо уже начал расточаться над красотами Верхней Волги, как и миллионы лет тому назад.

Меня до сих пор колотит от отрывочных воспоминаний того безрассудного вечера. Позвольте для бодрости духа и дальнейшего внятного повествования ещё раз воспользоваться вашей наливочкой? Спасибо, дружище, - я уж и не знаю, какими эпитетами наградить ваш необыкновенно чуткий и терпеливый характер...

Итак.. а!к! – прости..те!... ико!та! – м...мать её та..к.! Икота, икота - перейди на Федо..та!..с..с.. Федо..та! на Я..якова! с Якова на...а! всякого... О.! Вроде, отпустило – вот что значит мудрость людская, веками отточенная до совершенства методом проб и ошибок! Ой! - и вы, пардон, заекали?! Честное благородное – не хотел, простите, Мудриус, всё вышло совершенно случайно. Впрочем, - ничего страшного – икота, как вы поняли напасть условно заразная, но при этом совершенно безобидное с позволения сказать заболевание. Вы лучше повторите от греха за мной русскую заговорку про Федота да Якова или попрыгайте всей своей тучной сферой, задержав дыхание – как рукой снимет: чтоб я лопнул, если это не поможет. Так...так...погромче и повыше: ну! я же говорил: народная медицина – великая вещь! Теперь отдохнитесь и я продолжу.

Участковый – надо отдать ему должное – не фатально ошибся в своём прогнозе по поводу «двух-трёх стопочек», с трудом и плохо скрываемым сожалением тормознув на пятом стакане по причине расширенной печени и вдруг открывшегося неотложного служебного дела, которого я подозреваю, не было и в помине, за исключением, не дай Бог – моего. Кузьмич, с трудом проводив грузного блюстителя порядка за ворота кузницы и взяв с него твёрдое обещание, непременно быть на свадьбе, заметно покачиваясь, обратился к нам с короткой, но ёмкой и пламенной по содержанию речью, хотя мы и так были более чем разогреты:

- Ну и ч...чего, ребята, сидим, кого ждём?! Предлагаю: за нанесённые нам заочные оскорбления, наказать анонимную гниду - п...председателя! кто «За»?!

И мы дружно с характерным текущему моменту выражением лиц подняли руки в знак очевидного и безусловного согласия; в последующие полчаса, горячо обсудив план мести, с трудом остановились на нижеследующем весьма расплывчатом варианте.

Когда Сириус начнёт меркнуть группа уполномоченных мстителей во главе с Кузьмичом должна будет короткими перебежками без шума и пыли приблизиться к, находящемуся почти в центре деревни, дому Бориски со стороны задворок. Затем в зависимости от обстановки осуществить диверсионные работы различной степени сложности непременно исключив при этом прямую угрозу пусть никчёмной, вредной для окружающих, но всё же – жизни, приговарённого нами клеветника. И спецназ в составе Кузьмича, как опытного боевого офицера, Петра, как генератора и воплотителя мстительных идей, и Алексея, как, сгусток силы и ловкости столь необходимой в подобных случаях, дождавшись сигнала с небес, хлебнув на лёгкий ход ноги очередную порцию харловки, перекрестившись, слегка покачиваясь, как камыш на ветру, выдвинулся в ночь.

Меня же, как я не рвался на праведное дело, большинством голосов, как мозг и резерв ставки, решили оставить в тылу с Тимофеем, охранять и по мере возможности осмотреть «малютку» на предмет выявления в ней неисправностей после жёсткой посадки. И мы с со старшим близнецом, пожелав новоявленным солдатам удачи ни пуха, ни пера и получив в ответ традиционное и троекратное – «к чёрту!», тут же ремонтом, дабы сдержать свой порыв гнева и не устремится вслед за товарищами. Кавычки, не смотря на открывшееся второе дыхание в процессе уже более чем достаточного принятого на грудь спиртного, означают скорее имитацию процесса, а не продуманное действие, так как мысленно и всей душой мы были со своими ушедшими в неизвестность друзьями. Нет, конечно, я скорее механически, или говоря местным афоризмом – «на автопилоте», осматривал внутренности аппарата, но едва ли не поминутно мы с Тимофеем прерывали «работу», что бы всмотреться и вслушаться в, то

направление ночи, где скрываемые её непроницаемым покрывалом, предположительно должны были находиться Кузьмич с сотоварищами.

Наконец, когда Сириус стал недоступен даже самому острому невооружённому глазу на Земле, а первый на деревне петух вновь, красиво, и зычно напомнил свету и опекаемым им курочкам о своём, безусловно, нужном существовании, из густого утреннего тумана показались столь радостные сердцу знакомые силуэты. Удивительно, но они шли твёрдым, пружинистым шагом, уверенных в себе и с чувством выполненного долга, гордых людей, словно ими и не было влито в самоё себя недюжинное количество алкоголя. Кстати, всякий раз находжу подтверждения тому примечательному факту, что благородная цель и необходимые интеллектуальные и физические усилия для её достижения воистину творят невероятные чудеса.

- Ну?! – дуплетом выстрели мы с Тимофеем, салютуя возвращению героев.

- «Ну» – не булькает – наливай! - с наслаждением громко откашлялся Кузьмич, - внутри горит всё... подробности после.

Мы с нетерпением выпили и егерь, мастерски выдержав театральную паузу, посредством неспешного раскуривания махорки сбивчиво, но достаточно последовательно доложил итоги операции, которые я в свою очередь, своими словами, по израненной алкоголем памяти, систематизировав, и пересказываю вам, дорогой Мудриус.

Итак. В условиях дефицита времени на подготовку, спонтанности и чего уж там скрывать – не трезвости спец. группы сымпровизировать ночью полномасштабную и изящную, и при этом, исключив существенные физические страдания контрагента, месть оказалось делом крайне не простым. И, тем не менее, благодаря синтезу находчивости, опыта и удали удалось сотворить следующее:

- перво-наперво чёрной краской, наглоуно были закрашены стёкла окон избы председателя – эта нехитрая выдумка минимизировала риски быть обнаруженными председателем, если он вдруг очнувшись (хотя давно известно, что негодяи, как правило, обладают удивительно крепким сном) захочет обозреть пространство вне избы, и ко всему прочему символизировала собой всю тёмную и зловредную сущность хозяина;

- одновременно, по тем же причинам - был обесточен от электричества дом посредством среза проводов с последующим завязывания оных на столбе в мёртвый морской узел, который как бы символизировал собой что-то вроде чёрной метки;

- чёртов камень, который по преданию стариков, лет триста неподъёмным возлежал при въезде в деревню, неразрывно впившись вековой массой в землю, был вырван Алексеем с

корнем, как гнилая поганка из трухлявого пня и намертво вмонтирован перед дверью избы опекаемого нами подопечного;

- пол летнего клозета, расположенного в углу огорода был аккуратно подпилен лобзиком, с целью окунуть его завсегдатая в, расположенное ниже ватерлинии содержимое, дабы внутренняя сущность Бориски, наконец, обрела внешнее соответствие;

- на сплошном, выходящем на главную улицу Харловки, парадном заборе клеветника аршинными печатными буквами жирной кистью, но левой рукой (что бы затруднить графологическую экспертизу, если не дай Бог до неё дойдёт) лаконично, ёмко и доходчиво, что бы исключить иное толкование, было выведено: «КозЁл!»;

- наконец, венцом карательной операции стал эпизод с опусканием улия с ещё спящими дикими осами, в трубу избы с последующим плотным закрытием выходного отверстия последней посредством всевозможных подручных средств: от тряпок до соломы.

Таким образом, наша месть была воплощена в реальность и мы с чувством выполненно-го долга, продолжили отмечать накопившиеся удачи, не смотря на все признаки того, что сие действие надо было бы жёстко прекратить сразу по окончании спец. операции. Но, увы и ах! – сила инерции в подобных ситуациях, порою мощней даже самого закона физики её регулирующего. Соответственно итог празднования был до банальности предсказуем и конкретно заключался в нижеследующем. На рассвете братья-богатыри, взвалив меня с Кузьмичом на свои могучие плечи, сложили нас, как бесчувственные поленья, перед крыльцом дома и, едва пошатываясь, отправились вовсюси; Пётр же, отключившись на час ранее всех нас, яки змий обвившись вокруг малютки, хоть и был безжалостно пленён Морфеем, но, даже в бесчувствии своею плотью оборонял её целостность от возможного посягательства третьих лиц, наличие которых исключать полностью было неразумно.

Очевидным следствием такого финала стало фактическое вычёркивание из наших книг жизни утра и большей половины наступившего дня, как времени навсегда упущенного для творчества и/или иной полезной обществу деятельности, ибо оно полностью ушло на восстановление, едва не сгинувши в пучинах харловки окаянных душах.

Очередное моё чрезвычайно болезненное «воскрешение» хоть и совпало с календарным воскресеньем, но ни на синь пороха не облегчило рукотворное страдание. Вновь проклиная себя в седьмом колене за слабохарактерность, и, клятвенно обещая, завязать с приобретённой в командировке опасной и заразительной привычкой, я, как уже бывалый алкоголик, дрожащими пальцами приоткрыл себе веки. Открывшийся мутным очам знакомый вид горницы, увенчанный потрясающей красоты и умиротворением угловым образом, немного успокоил меня, но память, как всегда, предательски зависла и требовала срочной перезагрузки.

По счастию «технология» реанимации в доме Кузьмича была поставлена на высочайшем уровне: прикроватный столик, предусмотрительно сервированный 3-х литровой банкой рассола и стопкой харловки, как ни что на этом свете давал не нулевой шанс продолжению существованию. Залпом опустопорожнив указанную выше целительную рецептуру и начав исходить злачным потом, впитавшем в себя токсины и сивушные масла вчерашней ночи, я, очухиваясь, услышал как на улице под окном две бабы со смехом и оханьем судачили о чём-то мне подспудно знакомом и тревожном:

- ... чо...прям весь в говне?! – сомневалась природным женским басом первая баба.

- А то! вся с головы до пят, – божилась вторая первой невероятно высоким, пронзающим перепонки, фальцетом, - вот те, Митрофановна, крест!

- А где ж он так, по уши вляпался-то, чай в коровнике утон?! – загоралась искреннем любопытством первая.

- Не! болтают, прям в свой сортир ухнулся по макушку: с похмелья или подшутил кто! - прыснула на всю улицу вторая.

- Эвана...как!...а так ему, идолу, и надо: может теперь людям гадить поменьше будет, - заочно одобрила нашу нехитрую месть первая баба.

- Ага...разбежалась! – сокрушилась вторая, - оно не тонет: горбатого – могила исправит.

- А чего он, тогда к медичке бежал, а не на речку отываться? – нахмурилась в тон второй первая.

- Так его, гутарят, ещё и пчёлы искусали: вот он и сиганул, окаянный, как есть в дерьме до санчасти.

- Так, говоришь, Михайловна, и милиция приезжала?! - насторожилась первая.

- А как же! цельный наряд – следы ищут, говорят, банда какая-то объявились – власть в деревнях в кровь изводят.

- И!!! – охнула, как тяжёлый церковный колокол, на всю улицу первая баба.

- Не «И!», а лавку беги, соседка, – скучай что есть - мало ли что... я вон полный мешок соли с мылом набрала.

- Ага! – только и раздалось в ответ, и улица вновь наполнилась режущий слух, тревожной, предгрозовой тишиной.

Я спинным мозгом прочувствовал, что от греха пора сматывать удочки с Земли. Но «гладко было на бумаге, да забыли про овраги», как всегда безупречно точно подметили местные: я же до сих пор не объяснился с Наденькой, да и беглый осмотр малютки намекал на какую-то неисправность бортового компьютера. Одним словом – времени оставалось в обрез, и счёт шёл буквально на часы, ибо я почти не сомневался в повторном визите участково-

го с гораздо худшими для себя, а, следовательно, и для всей возложенной на меня ВВС миссии последствиями. И дальше всё покатилось как ком с горы.

Не успел я натянуть штаны, как в горницу без традиционного вежливого стука, влетел взъерошенный Кузьмич и нарочито тихим и сдавленным голосом произнёс:

- Слыхал?

- Чё?! – тупо моргая, наводящими резкость, глазами ответил я как давешняя баба, - про то, что председатель весь в дерьме?

- Да чёрт бы с ним, с козлом, он всю жизнЬ, как был говном так им и остался: ментов в деревне как грязи – того и гляди к нам, ироды, нагрянут - вот что хреново.

- С чего вдруг?! – продолжал я тупить, тут же с внутренним сожалением осознавав это.

- Ты что, Федь, не опохмелился что ли или забыл, что мы вчера у председателя накуролесили; да и участковый хоть и почти в соплю вчера был, но мужик ушлый – наверняка помнит наш разговор про Бориску, когда мы его кляли по чём зря.

- Ах, да... - пришёл я вновь внешне в себя, выйдя из странного оцепенения, - что же делать? - Может в лесах склониться на недельку, пока не утихнет – я в болота заведу - с собаками не отыщут?

- А как же «малютка», Наденька, наконец? – нет - это не выход...да и доказательств у них, наверное, ещё нет.

- Ну, Надька – обождёт – не впервой, а вот агрегат твой надо срочно чинить или заново прятать...

- Тогда с этого и начнём – лишь Петька был здоров после вчерашнего: там дел, наверное, часа на два, - вспоминал я треснувший корпус бортового компьютера, из которого торчали обугленные предохранители.

- Да уж...наш гений – почти не пьёт – может и хворает бедолага - надо четвертинку привратить с рассолом, - рассудил трезво Кузьмич, - а братьев вызывать на подмогу? – этим - всё нипочем, наверное, уже в поле вкалывают - вот ведь Господь здоровьишком наградил через край.

- С близнецами позже – пусть в арьергарде пока будут, как козырная карта; прямых улик у них всё равно пока нет, а значит, немного времени у нас есть: сейчас главное – малютка, - скомандовал я, и мы начали наскоро приводить себя в порядок, что бы в относительно прличном виде выдвинутся в кузницу.

Однако, как только я смыл с лица косвенные признаки тяжело пережитого накануне времени, так тут же глаза в глаза встретился на крыльце с Наденькой. Признаюсь, что в чехарде минувших событий её светлый образ хоть и сидел уже, видимо, навечно в моей душе (памяти), но периодически пропадал, как картинка с монитора при перегрузке компьютера. И новая очная встреча с моей любовью, словно самовар чистой колодезной водой, с новой силой наполнили меня свежими чувствами. Более того, мне показалась, что всего за неполные сутки, что мы не виделись, она стала ещё краше и нежней, что также взбудоражило мою и без того бешено метущуюся по венам и аортам в жажде нового совокупления кровь.

- О! Наденька...привет, какая ты сегодня...необыкновенная! – невольно вырвалось у меня.

- Гм...– не смогла она удержать с трудом сдержанную улыбку, - а ты, Федь, ничего не хочешь мне рассказать... – всё-таки сумела она нахмуриТЬ чудесный бровки.

- Если бы ты только знала, дорогая, как много мне нужно тебе сказать, - едва не утонул я в её бездонных глазах от нахлынувших чувств, - но вскрывшиеся чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня перенести наш разговор на неопределённое время, - как можно деликатней и выдержанней закончил я крайне важную в текущей ситуации для себя фразу.

- Тебе видней... – грустно согласилась Надежда и упорхнула с крылечка, как птичка из гнезда, чмокнув на прощание меня в небритую щёку, от чего я пусть и на мимолётное мгновение, но вновь побывал на небесах от неописуемого блаженства.

- Зятёк, ну елки-палки, ты опять тормозишь?! – появился невесть откуда взволнованный почти что официальный тесть.

- Извини, Кузьмич...задумался: всё - бежим, - и мы рысью, не привычно опасливо оглядываясь по сторонам, посыпали до кузницы.

Ликвидировав без эксцессов вышеуказанное расстояние, мы застали Ломакина живым, но явно в неважном здравии. Но егерь быстро переломил кризисные явления в организме Петра с присущей ему убедительностью заставив выпить болезного гения 50 грамм харловки с рассолом, а я не мешкая ни секунды, принялся починять бортовой компьютер малютки, без которого агрегат был как чемодан без ручки: и бросить жалко (запрещено инструкцией), и нести (взлететь) невозможно. Однако, я тут же впал в безвыходный ступор, ибо ума не мог приложить чем заменить выгоревший в угли предохранитель, а запасного, как водится, не оказалось благодаря объявленной чиновниками от BBC очередной инициативы по всеобъемлющей экономии ресурсов в том числе и запасных частей. Да, да..., уважаемый Мудриус, как не прискорбно об этом говорить, но, увы и ах: бюрократизм и компанейщина, свойственные развивающимся, не зрелым обществам, выводятся гораздо медленнее, чем даже целые

галактики. И ведь что до соплей обидно?! Сидит где-нибудь эдакий сморчок-крючкотвор с двумя извилинами и выдаёт на гора тонны никому ненужных инструкций, рекомендаций, прожектов, пустая суть которых исключительно в саморазмножении, дабы окружающие, глядя на пустопорожнюю, но «плодовитую» деятельность чиновника, даже не усомнились в его нужности обществу. А мы: то есть все те, кто ежесекундно выполняет реальную работу, связанную порой с непомерным риском: по полной расхлёбываем эту бездонную выгребную яму безответственности и профанации деятельности.

Вспомните как на Зуле, когда местные непонятным образом посвичнивали с нашего спускаемого аппарата габаритные светодиоды мы собственноручно их ваяли буквально на коленке из подручных средств, не имея запасных. А когда наш звездолёт, как тузик грелку, едва не порвал в клочья метеоритный ливень у Галактики М-95 и только благодаря вышней беспримерной находчивости мы сумели сесть на случайно пролетающую мимо заброшенную орбитальную станцию и там героически залатали пробоины чем попало. А ЧП на Бриксе. Да чего там, перечислять - ей Богу, командор, накипело! И пусть меня спишут в запас и разжалуют до рядового, но сегодня же разрежусь фельетоном – пропесочу гнилую систему по чём зря! А ведь ещё считаемся самой продвинутой цивилизацией в видимой части трети вселенной - курам на смех!

- Что, Фёдь, плюс в минус выпал али наоборот? – попытался подбодрить Кузьмич, глядя на мою растерянную и кислую физиономию, когда я обречённо разглядывал бесполезную уже в употреблении деталь.

- Да что-то в этом роде: контакты метеолитовые в предохранителе, собаки, выгорели, - только и смог я ответить, лихорадочно перебирая в рассредоточенном уме варианты выхода из непролазного тупика.

- А что это за метеолит такой: никогда о таком не слыхал? – удивился порозовевший к жизни Ломакин.

- Да это материал такой с высокой проводимостью и тугоплавкостью, но его у вас с сотворения Мира не водилось, - вновь потерял я осторожность. - То есть он только в нашем секретном НИИ синтезируются, - тут же оправился я, совравши, отчего традиционно начал впадать в душевную депрессию, которая, как вы понимаете, не разряжала и без того гнетущий драматизм напряжения текущего момента.

- А может тогда заменить Вольфрамом, например?! – предложил гениальный Ломакин, и, я, моментально сравнив его характеристики, заявленные в местной таблице Менделеева с параметрами метеолита - внутренне согласился.

- Грамм тридцать наберём?! – моментально оживился я.

- Сколько? Сколько?! – аж вздрогнул Петр, - да вы что, Фёдор Фомич, - хорошо если грамм 10 найдём и то: это же сколько лампочек надо разбить – с десяток харловок без освещения останутся.

- Жаль... – вновь начал я чернеть от безысходности едва не всею плотью ощущая, как столь необходимое для скорейшего ремонта малютки время протекает, как вода сквозь пересохшие почвы, - тогда этот вариант исключается, ещё идеи есть?

- Гм... – многозначительно кашлянул Кузьмич, и я тут же впился в него взглядам, как уточка, – а золото подойдет?

- Вполне... – молниеносно обработал я характеристики посредством отчаянного мозгового штурма, - а наберём ли, времени то почти не осталось?

- Ну, ежели по сусекам поскрести, то думаю, - наскребём тебе на контакты... хотя дело, сам понимаешь, весьма деликатное..., меркантильное... – непривычно сконфузился егерь.

- Да чего там деликатного! – возмутился Ломаки, - вот возьмите: мне для науки ни чего не жалко, - и он протянул мне своё обручальное кольцо.

- Молодец Петья! – и моё прими: только обожди малость – мылом смажу, а то – въёлось, в палец, как моя Петровна в мозг.

- Да вы что, братцы... – едва молвил я дрогнувшим голосом стоя, как оглушенный, и чувствуя, как у меня сами собой наворачиваются слёзы умиления от широкого жеста товарищей.

- Да чего там... бери – на благое дело скидываемся, а не жидам в ломбард, - как всегда аргументировано напирал Кузьмич, - у меня и орден есть – там этого золота грамм на пять точно есть: сейчас сбегаю – заодно и близнецовых проведаю... как они там, эти – не зажилят – наши ребята – то же чего-нибудь дадут.

- Ну, если выгорит дело – по гроб жизни буду вам обязан! – взял я себя в руки, - всё что только не пожелаете сделаю, убьюсь, а отблагодарю!

- Зачем же, милок, убиваться? – хитро подмигнул Кузьмич, - ты нам, Федь, живой и здоровый нужен, а то кто будет внуков поднимать... я уж, как видишь, давно не молодёжь да и Россию в Космос подымать надо, а то залежались на печи...

И мы, по родственному улыбнувшись друг другу, тут же принялись за работу: я с Ломакиным выделять специальную формочку для переплавки, а егерь поспешной рысцой отправился, как старатель, собирать недостающее для этого золото.

«О, Святая Бесконечность, какие же настоящие, достойные истинного уважения люди – последнюю рубаху с себя снимут, но помогут ближнему. Определённо у Землян есть шанс бесславно не сгинуть в пучине греха и порока как иные цивилизации», - как сейчас

помню, радовался и переживал я за неведомое никому во Вселенной будущее моих друзей и их потомков, работая плечом к плечу с талантливым кузнецом.

И примерно через час немногословного совместного труда форма для отливки новых золотых контактов предохранителя малышки обрела необходимые размеры, и мы с нетерпением начали ждать Кузьмича параллельно растапливая печь для переплавки драгоценного металла.

По счастью угнетающее напряжение ожидания длилось не долго: уже через четверть часа двери кузницы с обнадёживающим скрипом распахнулись, и на пороге предстал чем-то озадаченный и тяжело дышавший Кузьмич в окружении, как всегда, невозмутимых богатырей-близнецов братьев Удальцов. Мы тут же тоскливо переглянулись с Ломакиным и расстроенным дуэтом спросили егеря, с опаской взглядываясь его взволнованное лицо:

- Случилось что??!

- Милиция по домам ходит, - откашлялся Кузьмич, - свидетелей и улики ищут: кто де Бориску, что б ему пусто было, в дермо мокнул: эдак через час и до нас доберутся, ироды... э, братцы! – встрепенулся он, - а мы чёрную краску там, что ли оставили?!

- Нет, с собой забрали: вон банка у ворот стоит, - растерянно ответил Пётр.

- Леш, не в службу, а дружбу – оттаци ты её побыстрее в лесок от греха: тоже мне диверсанты мать нас так! – чуть прямую улику не проворонили.

- Добро, - ответил младший Удальцов и, обернув банку с краской какой-то тряпкой, побежал её прятать в ближайшую рощу.

- Так... – пристально огляделся Кузьмич вокруг, - больше не наследили!? – а то захомутают по собственной же глупости – со стыда сгорим.

- Да, вроде, чисто везде... - оправдывался, как нашкодивший мальчишка, Пётр.

- Блин, как дети малые! «вроде» - в огороде, а мне точно надо знать, а то поедем дружно в Кандалакшу лес на спички валить, - страшал нас Кузьмич, что бы мы со страху максимально тщательно проверили улики, возможно ещё находящиеся в кузнице по возбуждённому милицией уголовному делу о покушении на председателя.

- Да точно всё нормально! - отдувался Ломакин, я как в себя пришёл – всё проверил – вот только про краску треклятую забыл... так что делать-то будем?

- Что задумали, то и будем делать! – овладев я своими чувствами

- А золота хватит? – продолжал сомневаться Ломакин.

- А то! – гордо указал Кузьмич на маленький узелок, который старший Удальцов намертво, как в швейцарском сейфе, стиснул в своих руницах, – вываливай на стол наши богатства.

Тимофей аккуратно развязал платочек и высыпал золотые обручальные кольца, серьги, военный орден и даже крестик с коронкой, отчего я вновь впал в безграничное уважение сочувствию, бескорыстию и душевной открытости этих, ставших дорогими моему сердцу, людей и с великим трудом удержал по этому поводу слезы благодарности и умиления.

- Может не надо... - это ж у вас, наверняка, последнее... - всё-таки не смог я сдержать своих чувств.

- Надо Федя, надо, - укоризненно улыбнулся мне Кузьмич, - как говорится, не в деньгах счастье... давайте лучше взвешивайте, мастера – время-то тикает... туды его в качель...

- Золота оказалось на 10 грамм больше минимально необходимого и, с большим трудом вернув Кузьмичу боевой орден, приступили, наконец, к переплавке. На всю операцию должно было уйти не более часа - главное было растопить печь до нужной температуры плавления, которая по местной шкале составляла немного немало 1063 градуса по Цельсию для чего к лемеху, как Геракл, встал Тимофей. Алексейстал на воротах, Кузьмич с биноклем залез на забор, Пётр зафиксировал в тисках форму, и я, выдержав паузу, скомандовал: «Начали!»

Может ещё по рюмочке, а то я всякий раз начинаю невообразимо волноваться, когда вспоминаю перипетии золотого ремонта «малютки». А?! Да нет, не беспокойтесь, - не разведёт: у меня с некоторых пор своеобразный иммунитет на алкоголь выработался – могу целую четверть «съесть» и хоть бы хны... разве что язык заплетается, сон чёрно-белый и память иногда сбонит. Хватит... хватит... и так с бугорком - я же исключительно для д... души, а не ради самого процесса... благодарствую... дай Бог вам здоровья за доброту и чуткость вселенскую... Хороша зараза... аж торкнуло малость. Итак, продолжим. О чём это я? ... Ах да... вспомнил – про ремонт... проклятая восприимчивость...

XVI

Пётр не жалел угля, а Тимофей - меха, едва не разрывая их в клочья что бы создать нужную температуру плавления золота отчего из трубы повалил страшной силы чёрный дым и о чём с забора в целях предосторожности нам периодически сигнализировал Кузьмич. Но дёваться было некуда и мы, памятая о дефиците времени, пренебрегли азами конспирации. Когда же минут через сорок драгоценный во всех смыслах металл таки растопился до жидкого состояния, и мы его залили в формочку, где хотя бы минут пять он должен был, затвердевая, остыть ёмкий голос будильного егеря, как гром среди ясного неба, вновь взорвал напряжённую тишину: «Шухер, менты идут!»

Машинально мы все ломанулись к забору и через замаскированные щели увидели как на нас медленно, но неотвратимо, как вулканическая лава надвигается наряд милиции из трёх человек во главе с уже известным местным участковым Попадаевым, чей грузный вес, и, как следствие, - неспешная поступь давали нам минуту-другую выигрыша.

- Мужики, делайте что хотите, но задержите их хотя бы минут на десять! - скомандовал я (простите за не скромность, Мудриус, но в критические моменты, иногда, я проявляю чудеса самоорганизации). - За меньше время - не управлюсь; я - в малютку – готовить её к запуску, а ты, Петь, - аккуратно подашь мне через люк предохранитель - только смотри не обожгись, толком не остыл, зараза!

Сказано – сделано. Тимофей присоединился к брату Алексею, встав вторым часовым у ворот и теперь оные можно было открыть разве что танком, Кузьмич – слез с забора и занял позицию переговорщика – курсируя между братьями и малюткой, и, видимо, продумывал в голове варианты убедительных отмазок дабы грамотно потянуть время в неминуемом диалоге с органами правопорядка, а Ломакин, словно мастер спорта по йоге, всю жизнь таскавший из огня голыми руками камни, ни теряя, ни секунды, перекрестившись, стиснув до скрежета зубы и прокусив губу, взял драгоценнейший предохранитель и понёс его к малютке, где я впопыхах уже подготавливал оборудование для взлёта.

- Откройте, милиция! – наконец, угрожающе раздалось за воротами.

Ответом была гробовая тишина, разбавляемая еле слышным щёлканьем тумблеров, которые я вынужден был переключать в нужное для старта положение.

- Откройте немедленно, мы знаем, что вы здесь!!! – с новой силой раздался низкий голос участкового под аккомпанемент барабанной дроби в дверь его подчинённых.

- Ась?! Ты что ли, Василич? - выдержав достойную паузу, ответил нарочито заспанным голосом и не громко Кузьмич.

- Да я это, я! - раздражался в нетерпении участковый, – открывай быстрее!

- А я по глухоте старческой, грешным делом подумал, что кто чужой, - продолжал «издеваться» над капитаном егеря, убивая ради жизни (моего спасения) время.

- Так открывай же, твою мать, раз узнал! – почти кричал, не сдерживая гнев, капитан.

- Вот теперь точно узнаю – сразу бы отматюгался, как следует, а то скребёться как мыши серые, - еще секунд двадцать отыграл егеря.

- Кузьмич, блин, я тебя оштрафую к едрене фени за препятствие следствию и оскорблению при исполнении! – взревел, как медведь, Прилипаев.

- Чего вдруг сразу штрафовать-то - у меня и так пенсия с гулькин клов, разве не видишь: ключи не могу найти, обожди малость - сейчас у Петьки спрошу: Петь, а Петь, Ау! ты, где

есть-то?! – словно в лесу собирая грибы, позвал Ломакина Кузьмич, глядя как он, в десяти метрах от него помогает мне готовить к старту малютку. – Ну, долго вы, черти окаянные?! Василич уже рвёт и мечет, – шёпотом спросил он нас.

- Минут пять, - умоляюще как можно тише прошипел я в ответ, отчаянно тестируя бортовой компьютер.

- Так чего говоришь случилось-то! - как ни в чем не бывало продолжал егерь, подмигивая невозмутимым братьям Завьяловым, которые как две гигантские скалы, подпёрли с внутренней стороны ворота и похоже вообще не обращали внимание на угрозы милиции, целиком и полностью сосредоточившись на исполнении ответственного задания.

- Не твоё дело! – отрезал звереющий Капитан, - а, если, через секунду не отроешь, чёрт старый, то сейчас точно кое-что случится! А ну, - отворяй ворота!

- Не нукай, не запрягал! – огрызнулся в свою очередь Кузьмич, - говорят тебе, торопыга, - обожди …сейчас Пётр подойдет и откроем…

- Всё, блин! - моё терпение лопнуло!!! - всё-таки взорвался, не привыкший за долгие годы службы к возрождениям и неповиновениям, участковый, - а ну, ребята, навались на ворота, раз по-хорошему не понимают!!!

- Ты чего Василич – белены объелся?! - это ж частная собственность – тебя с твоими архаровцами прокурорские на раз в дворники разжалуют…будете потом локти кусать! –

- Не разжалуют: кишка у них тонка, - я в чрезвычайных ситуациях всё что хочешь могу натворить: мне, как и умолешённому, – ни хрена не будет…понял, двустволка ты ржавая…последний раз предупреждаю - отворяй! - всё же сбавил немного обороты Прилипаев.

- Это точно, - негромко хихикнул егерь, - нет ума - считай калека…вон Петька уже с ключами идёт – говорил же: обожди малость…

- Ну, Кузьмич, хоть ты мне и приятель, но я тебя за твой язык ядовитый, точно на сутки посаджу! – таки уловил профессиональным слухом участковый сквозь ворота отпущенную в его сторону колкую остроту, - Ломакин, твою кузницу! а ты, чего тормозишь – рожаешь там что ли?!

- Да нет, Сидор Васильевич, испытание провожу: сейчас открою…- крайне вежливо ответил Пётр и дал знак Кузьмичу, что бы тот срочно подошёл ко мне.

- Испытания он проводит, а разрешение от пожарных есть? - то же мне, гений доморощенный…- нервно ворчал участковый, из последних сил сдерживая внутреннее негодование.

- Ну, и где?! – после почти минутного бестолкового скрежета ключом о скважину замка вновь начал распаляться от неслыханного неповиновения раскрасневшийся Прилипаев, - мне чего всю вашу шайку-лейку штурмом брать? - я в момент устрою!

- Да, что вы, что вы, - максимально испуганно и покорно отвечал Ломакин, - просто за-клинило чего-то, товарищ капитан, сейчас запасные ключи принесу - одну минуточку, и, следом за егерем тихонько подбежал ко мне.

- Ну, всё, сукин сын, за язык тебя никто не тянул - сам сказал «минута»: время пошло - потом пеняй на себя – снесу всё к едрени фене и оформлю протокол что так и было – будете впредь знать как власть не уважать!!!

- В общем, так, братья... - начал я прощальный монолог, дрожащим от драматизма момента голосом, спрятав под гермошлемом, захлебывающиеся от накатившихся слёз благодарности и скорой разлуки глаза. - У меня всё готово к старту и как только я задраю люк, у вас будет секунд тридцать, что бы лечь на землю; в принципе, ничего страшного не должно произойти: малость пошумлю и подымлю при старте... близнецов п... предупредите...

- Сделаем, Фёдор Иванович, - первым откликнулся завороженный происходящим Ломакин, который, тем не менее, ежесекундно оглядывался на ворота.

- А через сутки, повторяю – через сутки, в Понедельник, ровно в 23:00 утра у Ташнилова болота, где мы малютку откапывали - я буду вас ждать! Слышите – я обязательно прилечу! Кузьмич, приведи непременно Наденьку. Обязательно приведи! До встречи братцы! И низкий вам за всё поклон! Не поминайте лихом, если что! От винта!!! - и я, задраив люк, и отсчитав ровно тридцать секунд: включив зажигание, медленно вдавил в пол педаль газа. Малютка сначала ласково защебетала, затем традиционно огрызнувшись пару раз – зарычала, как хищник перед решающим броском на жертву. Затем, пустив вокруг себя специальную дымовую завесу, она, наконец, рванула свободной и мощной птицей, с Земли в темнеющие небеса по восходящей траектории, где через мгновение и скрылась с ошарашенных глаз моих друзей и, впавшего в полный штопор непонимания, наряда милиции.

Я же, удаляясь всё дальше и дальше от места своего первого и столь успешного контакта с землянами, в свою очередь, безнадёжно пытаясь разглядеть через залитый слезами иллюминатор ставшие мне дорогими лица товарищей. Осознав тщетность сего действия, я переложил изначально нейтральный курс на Тибет, что бы там, среди горной тишины и покоя привести свои расшатанные нервы, чувства и мысли в должный порядок; а затем, передохнув, измучившимся телом от невыносимой для него физиологической формы местных, подумав над нужными словами объяснения с Наденькой и друзьями, которым, возможно, потребуется моя помощь - ведь чем завершилось их противоборство с нарядом милиции - мне не было известно - с новыми силами приступить к завершающей части доверенной мне BBC миссии. Кроме того, мне непременно хотелось помимо пусть и искренних, но всё же – слов – отблагодарить своих товарищей чем-то существенным, полезным за подобающие поведение,

сострадание к ближнему своему и безграничную широту души, равной которой, я не встречал ещё во Вселенной.

Но что я мог подарить людям, в которых духовное начало, совестливость и порядочность преобладают над стяжательством, безразличием и пошлостью? Кстати, вот ведь тоже вопрос вопросов: *уже* или *ещё* у подобных людей прогрессивные ростки надежды, основанные на всём хорошем в человеке, превалируют над их загнивающей сущностью, когда, как сейчас, в большинстве своём, они, подобно безвольным рабам – без сопротивления надели на себя, пусть и умышленно навязанные, цепи грехопадения, которые так «сладки» тем, что не нужно мучатся угрызениями совести по поводу проступков, напрягать мозги и дух, брать на себя ответственность – одним словом быть свободным человеком? «Бери от жизни всё», «после нас хоть потоп» – таковы нынче спускаемые сверху и массово тиражируемые в СМИ лозунги, смысл которых превратить человека в управляемое и послушное, извините, быдло. Рабо-зывают человека, порвав не только дружеские, ноственные от рождения даже и родственные горизонтальные связи, оставив его один на один с бездушным молохом антигуманной пропаганды. Втотять остатки его души в грязь пошлости и довести до скотского состояния потребления ради потребления, притом, что две – трети людей из стран так называемого третьего мира балансируют на грани повальной нищеты.

И всё это только ради того, что бы у человека в массе своей, не было ни сил, не желания задаваться вопросом: «а отчего это подавляющее большинство вынуждено в поте лица своего, тратить время, силы, жизнь, наконец, дабы кое-как свести концы с концами, в то время как абсолютное меньшинство – распоряжается нами, как товаром, владеет всеми ресурсами, средствами производства и при этом, без зазрения совести чванливо купается в роскоши?»

Конечно, «не в деньгах счастье» и люди со здравым смыслом, как правило, обходятся малым, т.е. самым необходимыми материальными благами для достойной и относительно независимой частной жизни, но много ли на Земле таких людей? И смогут ли они преломить тренд деградации, я, честно говоря – не знаю. А с учётом того, что их образование семимильными шагами переходит на платную основу, от которой развитые цивилизации давно отказались ради прогресса, то ситуация – весьма напряжённая. Я уже упоминал ранее про гений Ломакина: представляете себе насколько бы и без того гениальные разработки Ломакина были бы более глубокими и прорывными, если бы высшее образование было бы доступно всем желающим его обрести.

Знаете, уважаемый УДАВ, - я всё более склоняюсь к простой и очевидной мысли: стремление индивидуума к излишним материальны благам – есть один из признаков деградации личности, а уж китч оними – почти медицинский факт безумия и духовного растления. Ведь

никто в здравом уме не против что бы у мыслящего существа был свой дом, необходимые для достойной жизни, а не существования – прочие необходимые средства, но когда, простите, когда смысл бытия сводится к тому, что на одну задницу иметь два и более золотых унитазов – это однозначно к доктору!

Ещё раз извините, что-то меня опять понесло...на баррикады. Кстати, как-нибудь я вам обязательно расскажу про Че Гевару – вот был матёрый человечище...Ладно... Всё, всё... беру себя в руки...Продолжаю...Может рюмочку, а? Лучше чуть позже...полагаете...Жаль...то есть, конечно, потерплю...настоящие революционеры и не такое выносили...

Так вот, видя и понимая как, тем не менее, не просто, живут люди типа Кузьмича с сотоварищами, и, памятуя о том, как они пожертвовали за ради моего спасения едва ли не последнее: я твёрдо решил отблагодарить их, в том числе и материально. Благо кое-какие редкие, а потому условно ценные на Земле каменья в непролазных, наличествовали в непролазных пещерах Тибета, расположенных на высоте 8000 метров над уровнем местного моря.

Таким образом, с горем пополам поправив за сутки пошатнувшееся здоровье, собравшись с мыслями и подарками, которыми оказались так щедры пещеры Тибета, я вновь направил малютку под Тверь, вдавив в её сверхпрочный пол педаль акселератора. Сердце моё трепетно билось в предвкушении встречи с моими товарищами и Наденькой, а душа поочерёдно пела и ныла, ибо после долгожданного свидания с ними неминуемо наступит невыносимая по неопределённости срока, а может даже и бесконечная – разлука.

XVII

Уже на подлёте к вожделенной цели, среди бескрайнего чёрнеющего августовской ночью русского леса, я заметил маленький одинокий огонёк, оказавшейся впоследствии костерком вокруг которого, как и было договорено накануне, в ожидании встречи находились мои друзья и любимая.

- Привет, честной компании! Все ли живы, здоровы?! – нарочито лихо, посадив «малютку» в метрах 30-ти от родного коллектива, высунувшись по пояс из люка и приветственно махнув кепкой, с нетерпением спросил я.

- А у нас все здоровы: и быки и коровы, - как-то странно ответил Кузьмич, и мне показалось, что в его интонации едва заметно повеяло непривычным холодком недоверия в мою сторону, - сам-то как?!

- Спасибо, всё нормально: аппарат летает, исследования продолжаются; вы-то как с милицией разошлись, чем дело-то кончилась?! - я всё это время места себе не находил...

- Да ты вылезай, Федь, из своей колымаги, а то торчишь как в президиуме на собрании - иди вон лучше к огню: обогрейся, картошечки запечённой поешь, а хочешь пирогов – Надежда тебе напекла, - ответил егерь также весьма натужно, хотя лицо, как и ранее, было спокойным, а взгляд – пронзительным и с неувядающей хитринкой.

- Ага, момент, - и я ловко, по-гусарски спрыгнув с макушки «малютки», подбежал к костру, где поочередно со всеми обнялся и даже впервые прилюдно осмелился поцеловать Наденьку в божественную щёчку.

- Фёдор Фомич, а можно я пока в аппарат залезу - страсть, как хочется поглядеть, вы же обещали... - слёзно простонал Ломакин, словно ребёнок, которому сто тысяч раз подряд обещали конфету, но всякий раз говорили «отстань, обожди, после».

- Ну, раз обещал - валяй Петь! Только, чур – уговор: ничего руками не трогать, - старался я хоть как-то через третьи лица разрядить пока неизъяснимую напряжённость между мною и Кузьмичом, разумеется, дистанционно тут же включив так называемую блокировку «от дурака», свято помня, про гениальность и неуёмную тягу ко всему новому и неизвестному Ломакина.

- Да что вы - ни в коем разе! – завизжал от, наконец, слизошедшего на него счастья кузнец, словно ему на десять минут разрешили заглянуть в тайную книгу мироздания.

- А нам... можно? - робко спросили богатыри-близнецы, глядя на радостно прыгающего в сторону «малютки» кузнеца.

- Легко! – но условие, братцы, то же: рукам воли не давать, - продолжал я разряжать обстановку, будучи на 200% уверенным, что через люк они чисто физически не протиснутся, в отличие от худосочного и мелкого Ломакина.

- Угу! – облегчённо и весело, сотряс густой ночной воздух, уникальный в своём роде дует одинаковых с лица чудо-богатырей, и, вдавливая сапожищами 48-го размера дремлющую почву к центру Земли, синхронно направились вслед за Петром.

- Зря ты, Федь, их так балуешь - отломают чего по глупости или любопытству – опять чинить, - попенял меня Кузьмич, - а теперь особенно и негде – в деревне-то до сих пор милиция шастает – улики всё ищут.

- Не сломают, Иван Кузьмич, материал такой, что хоть под стотонный пресс пускай, хоть лазером режь – ничего аппарату не будет, - пусть уж ребята поглядят напоследок – такого они никогда в жизни больше не увидят, - продолжал я либеральничать ради разряжения непонятно напряженной для меня атмосферы, пренебрегая техникой безопасности.

- Тебе видней, - мрачновато резюмировал егерь, может быть, сверхтонко намекая мне на давешнюю аварию и последующий ремонт «малютки» в связи с чем, собственно, непредсказуемая судьба и свела нас друг с другом.

- Так чем всё же дело в кузнице кончилось: обошлось или как? - повторил я вопрос, который не давал мне покоя, присев на пенёк у костра между егерем и Наденькой, когда Ломакин и братья с горящими глазами и почёсывая никак не убирающиеся в карманы руки, удалились, как новую игрушку, тискать «малютку».

- Да как сказать... - всё так же прохладно и крайне продолжал егерь, - как видишь, все живы, здоровы и...даже на свободе. Василич, конечно, поревел яки медведь на пчёл, что ворота ему сразу не открыли, но, ни к чему больше не прицепился – Петька сказал, что ты на экспериментальной ракете улетел в неизвестном направлении, а на нет, мол, и суда нет. Ну и колесовал он с апричниками ни с чем прочь, пообещав, правда, прикрыть всю нашу научную компанию.

- Так, вроде, выходит - обошлось всё, а ты говоришь «как сказать», - удивился я, перебив его, искренне не понимая в чём же подвох.

- Погоди, не всё так гладко... я при ребятах не стал говорить – молодые, горячие: мало ли что: наломают дров... да поздно будет, - понизил голос Кузьмич, и по тяжёлому взгляду я понял, как нелегко давалось ему каждое слово.

- И? – насторожился я, всецело превратившись в слух.

- Только, Федь, без обид... - откашлялся он, нервно раскуривая цигарку и, видимо, собираясь с духом для решающих слов.

- Да какие обиды... что вы, - взглянул я преданно поочерёдно в неспокойные глаза егера и его дочери, в надежде найти в них ответ до слов егера, предчувствуя худшее, хоть и не догадываясь, - что именно.

- Так вот... помнишь, участковый в кузнице приходил с якобы анонимной жалобой от председателя, когда мы отмечали успешное завершение операции и... - он сделал паузу и с жалостью взглянул на растерянную Наденьку, - заодно помолвку?

- Да, конечно, помню: разве такое забудешь, он тогда ещё мои данные переписал... - начала моя очередь впадать в беспросветное уныние, ибо я осознал, наконец, от чего так напряжены Кузьмич и Наденька, - даже... как будто грозился их проверить, - по инерции обречённо продолжил я ключевую фразу...

- Я вижу, ты начал догадываться, - Кузьмич горестно бросил в костёр только что прикупленный окурок и, как и прежде, жёстко и прямо взглянул мне в глаза, от чего мне стало реально не по себе.

- В общих чертах... - невразумительно промямлил я, растерявшись столь неожиданно-скорому повороту событий, хотя подобный вариант, пусть и вскользь, но рассматривался мною в тот действительно незабываемый во всех смыслах вечер.

- Короче, - решительно продолжил егерь, - после того, как мы отомстили треклятому Бориске полосканием в собственном дерме, Василич, по каким-то свои каналам пробил твои данные, а сегодня вечером... аккурат перед выходом в лес зашёл к нам... и оказалось... что ни человека, за которого ты себя выдаёшь, ни НИИ в котором якобы работаешь – не существуют...

Хорошо, что в тот момент я сидел сущим пеньком на пне, извините, за невольную игру слов, но иначе бы мои искусственные ноги однозначно подкосились и я с несмываемым по-зором рухнул бы поленом в костёр. Чуть выше я упомянул, что не исключал полностью подобного исхода, но услышать это от близкого человека с надрывной интонацией разочарования и не доверия – крайне не выносимо и больно. Вот, Командор, к какому постыдному и печальному итогу приводит ложь. Причём враньё и в условно-вынужденных случаях как мой, или, например, когда врач искажает реальность безнадёжно больному пациенту (хотя это – весьма субъективно), зачастую, если не сказать, - всегда - возвращается лгущему бумерангом своеобразного возмездия.

В общем, делайте со мной что хотите: распните или ещё как аннигилируйте, но ранимая душа моя не вынесла терзающие её муки стыда и жалости перед ставшими дорогими моему сердцу людьми и, сломив сопротивление остатков холодного разума к тому же напичканного предостерегающими от подобного «безрассудства» инструкциями ВВС...я, да простит меня, Святая Бесконечность, - также как и егерь, собравшись с духом, открылся:

- Простите меня... люди добрые, если сможете: я...действительно...не инженер-конструктор секретного НИИ и... в Москве никогда не был...

- Это мы уже поняли... - резко осадил меня егерь, словно следователь в подвале Лубянки, не сводя с меня допытывающегося, прожигающего взгляда, - дальше глаголь.

- Погоди, погоди...Кузьмич, - с трудом выдавливал я из себя по капле постыдный яд лжи,

- сейчас всё поймёте: я... и в Россию-то... в первый раз...запетел.

- Та...ак, блин, всё-таки шпион...засланный - раскудрить тебя в качель! – ещё больше нахмурился егерь, и на его шее, как у быка перед красной тряпкой, гневно начали вздуваться жилистые вены.

- Да нет же...о, Господи!...неужели вы ещё не догадались?! – едва не с мольбой обратился я к земному разуму Кузьмича и Наденьки, как к своему.

- А что нам догадываться! - грозно подался вперёд егерь, – не в спортулото играем: признавайся вражина – на кого работаешь – тебе же, дураку, лучше будет – может срок скостят, ежели к стенке не поставят.

- Да...я вообще... не с Земли! – теперь понятно!? – аж вскочил я с пенька от отчаяния быть понятым.

- Как это?! - плюхнулся егерь на пенёк, уже было готовый, как показалось, заломить мне руки, что бы в дальнейшем сдать в соответствующие органы.

- Да так это! - гори оно всё синем пламенем... - в сердцах выскочило у меня, - я...я...я...ино...планетянин...

- Твою...мать...час от часу не легче, кому рассказать - не поверят, – после минутной паузы осмысления услышанного, крайне озадаченно откашлялся упавшим голосом Кузьмич.

- А я ему верю... - вдруг, живительным родником прожурчали упоительные слова Наденьки.

- Да много ты понимаешь: бабья любовь и чёрту поверит, - всё ещё сомневался Кузьмич, непрерывно буравя своим острым взглядом, - хотя...стоп...где-то я уже недавно слышал признание о «инопланетянине»... дай Бог только вспомнить.

- А когда познакомились, под харловку... - будь она не ладна, - тут же подсказал я егерю, обхватившему руками седую голову, в тщетных попытках восстановить в своём не молодом мозгу перипетии нашей первой встречи и её тяжёлое обмытие алкоголем.

- Ба!... А ведь точно...я тогда, помню, сразу насторожился: уж больно ты держался как-то неуверенно и всё время путался, а в конце и вовсе раскололся, дескать, инопланетянин: ...а я, старый мухомор, думал, что шутишь...или спяну бредишь ...нда...дела. А хорошо всё-таки тогда посидели... Да нет - всё равно не может быть...это ж...фантастика какая-то, - всё ещё изводился в медленно тающих сомнениях егерь.

- Вот то-то и оно что под градусом: а что у пьяного на языке, то и на уме, - поддакивал я, доказывая местному гуманоиду, о, Святая Бесконечность (!), что я – пришелец; да если бы мне ещё неделю назад сказали об этом, то клянусь - до коликов рассмеялся гомерическим смехом в лицо «Нострадамуса» и послал бы куда Макар телят не гонял.

- Так выходит всё это правда что ли? – почти уверовал моему признанию возбуждённый и растерянный егерь.

- Нет, кривда... - даже обиделся я, - тебе, Кузьмич, бумагу показать, что я с другой планеты или фокус с яблоком повторить?

- Нет с документами – шабаш! – насмотрелись уже, хватит, а яблоко...почесал бороду сомневающийся егерь, – это может гипноз какой...

- О, горе мне! Ну, тогда разуй глаза и посмотри на малютку в конце-концов: ты когда-нибудь, где-нибудь видел, что б на подобном летали да ещё по таким траекториям и на такой скоростью?

- Это, конечно, впечатляет, - начал соглашаться он. - Ты не обижайся, мил человек или кто ты теперь есть - не знаю как теперь тебя величать-то...

- Так Федей и зовите, если хотите... - продолжал я немного дуться на излишнюю подозрительность и предосторожность по отношению ко мне со стороны Кузьмича.

- Ну, Федя так Федя, - успокаивался и как будто оттаивал егерь, - ты пойми: не знаю, кто как, - он хитро подмигнул Наденьку, - а лично я - в первый раз с пришельцем встречаюсь, так что не бери в голову...Христа ради если что.

- Да ладно, чего там, я ж понимаю, стресс и всё такое, сам пошёл на должностное преступление - видит Бог, что не мог уже больше изворачиваться.... тем белее перед вами, - и я, наконец, облегчённо вздохнул полной грудью, сбросив недельный груз недоговорённости и лукавства.

- Ну, так что дальше-то делать будем, братья и сёстры по разуму? – вроде бы окончательно пришёл в себя егерь.

- А ничего, - вам, как родным, - я признался, а для остальных пусть всё останется как и было ведь всё равно никто не поверит.

- Это точно, чего доброго ещё и в психушку упекут, как председателя. Кстати, я тебе ещё не говорил: Бориску-то окаянного после нашей воспитательной работы – в жёлтый дом определили: говорят, стал на начальство кидаться, кусается и всех грозится в тюрьму посадить, а с этим у нас не шутят – сразу упакуют куда следует. Жалко конечно гадёныша, но ведь сам напросился...

- Да...скверная история вышла, - согласился я, впервые за время разговора, оглянувшись в сторону «малютки», где братья поочередно заглядывали через люк вовнутрь ещё целой «малютки», видимо, чего-то высматривая у Ломакина.

- Погоди, - встрепенулся Кузьмич, - а если участковый на деревне растреплет, что ты, мол, не ты - как тогда?

- Не разболтает – у него резона нет: Бориска в психушке, улик против нас нет, а я – на неопределённое время исчезну в неизвестном направлении. А на нет, как известно, и суда нет: через месяц другой вообще всё забудется.

- А как же...я? – робко спросила Наденька, не сводя с меня своих огромных изумрудных глаз, в бездонной глубине которых, как в буре смешались тревога и вера.

- Да, а как же помолвка, свадьба, наконец? - поддержал в вопросе Кузьмич дочь, я же уже всех наших пригласил, даже Василича - будь он не ладен.

- Не переживайте, родные мои - всё будет...и с участковым уложу, но...позже: ведь я... люблю тебя... Наденька и беспредельно уважаю твоего отца... И – клянусь: что бы мне это не стоило – приложу все силы, что бы впредь ваша жизнь была счастливей и достойней! – вырвалось из меня, под давлением давно сдерживающих чувств, как из рупора громкоговорителя что-то вроде присяги.

- Эк тебя, зятёк разобрало, - неожиданно расчувствовался Кузьмич, - словно на митинге, а впрочем, спасибо на добром слове: и дай Бог всем нам удачи, - печально выдохнул Кузьмич, - значит, опять улетаешь?

- Увы...- грустно кивнул я поникшей головой, - через час межгалактический тоннель времени закрывается, и мне кровь из носу надо быть на звездолёте...иначе...

- Понятно...- согласился о чём-то крепко задумавшийся Кузьмич.

- Наденька, а ты...ты... будешь меня ждать? – осмелился я задать, возможно, самый важный в жизни вопрос.

- Да...- прошептала она голосом такой нежности, грусти и при этом бескрайней веры, что у меня сжалось сердце и перехватило дыхание, - а ты... скоро вернёшься?

- Я...честно, Наденька, не знаю: может через неделю, может через месяц...может..., но вернусь обязательно – верь мне, милая...- едва выговорил я сдавленным от чувств и напряжения голосом нужные слова.

- Я верю тебе...- чуть громче ответила Надежда, украдкой смахнув с ресниц пропустившие слёзы неминуемой разлуки.

- Нда... прям, как в кино, ядрёна кочерыжка, - кашлянул смущившийся трогательному моменту Кузьмич, и снова закурил, тяжко вздыхая и охая.

- Да, чуть не забыл – я ж вам подарки привёз...- невольно разрядил я гнетущую паузу, вспомнив про собранные в пещерах Тибета драгоценности, которые неприятно оттягивали внутренний карман и постоянно давили на впалую грудь; и я аккуратно высypал их на самый большой пенёк.

Невероятно-чистого блеска алмазы, нежно-алые рубины и небесно-бирюзовые сапфиры, которые тысяча цветной мозаикой отражали свет мерцающих звезд, золотистой луны и вальсирующего огня костра на минуту заворожили нас своей вселенской красотой. Мы стояли, как парализованные, не сводя очарованных глаз со сверкающего произведения мирового искусства, где его творцом выступила сама Природа, каждый думая о своём, сокровенном.

- Ну, это уж, Федь, лишнее, - первым вышел из оцепенения егерь, - тут, небось, не на один пароход хватит: солить что ли их прикажешь?

- Я понимаю, Кузьмич, что это ничто по сравнению с той бесценной помощью, которую от всей души, отдав едва не последнее, вы с ребятами оказали мне, когда я по воле судьбы оказался один на один с бедой на чужой планете, - пропустил я мимо ушей от волнения саркастическую иронию егера. - Я также осознаю, что для людей, подобных вам, деньги – далеко не главное, но... в жизни может всякое может случиться – глядишь и пригодятся когда; разделите всё это поровну между всеми, приняв, как подарок от чистого сердца, на долгую память в знак искренней благодарности, и, как говорится, не дай Бог, - чёрный день.

- Ну, коли так, спасибо: кто как, а я тогда, не загадывая наперёд – новую баньку отстрою, кстати, так ведь и не попарились, - сокрушился Кузьмич, одним глазом поглядывая на сокровища.

- Успеем ещё – какие наши годы, - обнадёживал я, как мог, егера. - Да... и вот ещё что, Наденька, - я вынул из бокового другого кармана величиной с детскую ладонь прибор для дальней межгалактической связи, - если, случится что-то экстренное, то обязательно нажми вот эту красную кнопку и, где бы я не находился – специальный сигнал до меня дойдёт, и я постараюсь моментально прилететь к тебе.

- Хорошо, - ответила она, взяв, как оберег, передатчик и в свою очередь, сняв с себя серебряный крестик, повесила его на мою шею, трижды осенив тонкими перстами.

- Ну, будем тогда, прощаться, - с тревогой взгляну я на выбирирующий, на запястье атомный хронометр.

- Эй, братцы! – строго крикнул в направлении «малютки» Кузьмич, - вытаскивайте Петью из аппарата от греха и идите сюда скорей, - Фёдор Фомич улетает!

Через минуту я стоял в окружении родных и близких людей, не сводящих с меня преданных, уважительных и любящих глаз, всегда готовых в горе подставить своё плечо, а в радости - раскрыть нараспашку душу. Знаете Мудриус, в подобные драматические минуты расставания со ставшими тебе дорогими людьми, на фоне непостижимого масштаба Вселенной, который непроизвольно давит на тебя с момента первого осознания этого неоспоримого факта, как никогда понимаешь крайнюю необходимость в простых, товарищеских и душевых связях между всеми мыслящими существами Космоса. Эти связи хрупки и, как паутинки, могут в любой момент порваться от дуновения даже слабого холодного ветерка гордыни и презрения, чванства и эгоизма, пошлости и лукавства: поэтому, когда провидение награждает тебя счастьем истиной дружбы и любви, ты ценишь это не меньше, а то и больше собственной жизни, которая, наполняется реальным, а не мнимым смыслом бытия. Сопричаст-

ность и сопереживание, честность и порядочность друг другу, взаимовыручка – вот казалась бы простой набор минимальных качеств, для того, что бы человек не сошёл с ума от неимоверной тоски и одиночества, лишив себя радости искреннего общения с себе подобным свободным от ложных посылов индивидуумом.

Но, увы, разумные существа сумевшие отделить зёрна от плевел встречаются весьма редко, что собственно всегда наводит меня на грустные мысли, учитывая вышеупомянутый масштаб Мироздания. Впрочем, я как всегда, отвлёкся, - простите...

Итак. Я ещё раз крепко обнялся с каждым из них. При этом, я едва не утонул сначала в огромных, как морские волны, мышцах Алексея, а затем – в не менее мощных, словно скалы Тибета, бицепсах Тимофея. Далее: в рукопожатии отчаянно тряс золотые руки Ломакина, восхищаясь и преклоняясь его гению; наконец, как заблудший сын, встретив после долгих и тщетных поисков родного отца, я крепко стиснул Кузьмича, украдкой вытирая о его мягкую бороду слезу безмерной благодарности. Затем, подойдя глаза в глаза к Надежде, я в нерешительности остановился и, топчась на месте, будто робкий юноша под окном возлюбленной, никак как не решался поцеловать её, хотя возможно, это было бы в последний раз в жизни. Но всевидящий и чуткий Кузьмич, ненавязчиво предложил некурящим ребятам подымить в сторонке, и те, сообразив, в чём дело – понимающе, ведомые тактичным егерем, отошли на несколько шагов.

Оставшись почти наедине, мы мгновенно обнялись и забылись в сладостном поцелуе, как в тот первый раз, когда душистое сено, хрустальное августовское звёздное небо, нежный плеск воды засвидетельствовали факт начала такого великого таинства Вселенной как любовь, благодаря которой души становятся бессмертными.

Но, как верно написал поэт: «ничто не вечно под Луной» и уже через минуту хронометр подал предупредительный сигнал о том, что пора улетать, бесцеремонно прервав утекающие в небытие секунды блаженства. Я невольно вздрогнул, и едва сдерживая слёзы неотвратимой разлуки, негромко сказал Наденьке:

- Прощай, любимая...

- До свидания, любимый, если у нас будет... мальчик, то я назову его Фёдором, - оттаяв после поцелуя, как согретый солнечным лучом подснежник, тихо шепнула мне на ухо Наденька и, не оборачиваясь, отбежала к отцу.

- Что ты, сказала, что?! – тщетно пытался переспросить я услышанное, не веря собственным ушам и в то же время, испытывая новое, неизъяснимое для себя чувство личной причастности к ещё одному таинству Природы. Но слова мои безответно утонули в неожиданно поднявшемся западном ветре, а бездушный хронометр уже неистово пронизывал мою плоть,

специальными импульсами служебного долга и безопасности неумолимо подталкивая её к «малютке».

Ещё через минуту, я, преисполненный тайной надежды, которая, не смотря на не определённость последней фразы любимой, удивительным образом укреплялась во мне, махнул всем на прощанье, взятой на память у Кузьмича кепкой-скафандром, нагло задраив люк, вдавил что есть силы педаль газа в пол. И «малютка», беспрекословно повинувшись мне, молниеносно рванула ввысь по феерической траектории, почти беззвучно покинула приотившую её Землю, слившись на ночном небе крохотной точкой с бесчисленными звёздами бесконечной Вселенной.

Но к моему удивлению, чем большим становилось расстояние отделяющим меня от оставшихся внизу друзей, тем вопреки ожиданию, сердце моё медленно и верно наполнялось надеждой скорого свидания с ними; эта цель – приглушала, казалось бы, безутешную горечь разлуки и придавало мне веры и сил в том, что я, ни смотря, ни на что преодолею любые препятствия, которые неминуемо встречаются на пути возвращения к, ставшей вторым домом - Земле.

XVIII

(Эпилог)

- Ну, вот... как-то так, - закончил Флудий рассказ и невольно, с нескрываемой грустью в слегка мутных глазах, покосился на бутылку с остатками лейки.

- Нда...жалостливая история, - вздохнул Мудриус, о чём-то глубоко и надолго задумавшись, словно перебирал в памяти, запылённые временем архивы в поисках крайне важного пожелавшего документа.

- В общем, шеф, в связи с чистосердечным признанием в форме рассказа, я целиком и полностью в вашей власти...- прервал, не выдержав затянувшейся паузы хода тяжёлых раздумий УДАВА, подчинённый, нервно перекатываясь упругой плотью с места на место.

- Значит так, дорогой мой Флудий, - наконец, принял он решение просветлевший лицом, - я, как ты знаешь, в первую очередь – придерживаюсь гуманистических принципов бытия, основанных на таких фундаментальных понятиях как уважение прав личности, свобода выбора и т.д. и только во вторую – твой непосредственный начальник...

- Конечно, знаю - за это мы все вас любим и ценим, - как всегда, по-доброму иронично подыграл Флудий шефу, который уже почти никак не реагировал на подобные безобидные шпильки.

- Ну, так вот, будущий Командор Флудиус, признаюсь честно, что будь я в подобной ситуации как ты на Земле, то я не смог бы гарантированно утверждать, что поступил бы иначе и не пошёл бы сознательно на должностное преступление. Следовательно: руководствуясь здравым смыслом и совестью я, солидаризируясь с твоим поступком, и ставлю во всей этой истории жирную точку, а, говоря бюрократическим языком, спускаю твоё дело на тормозах, т.е. не даю ему ходу.

- Огромное спасибо...! – облегчённо выдохнул Флудий, - я искренне надеялся на справедливую и адекватную оценку моих действий, ибо всегда верил в вашу мудрость, но ставить точку, мягко говоря, рановато... - снова загрустил он.

- А что? Ты не всё мне рассказал?! - напрягся Мудриус, посчитавший, что никаких сюрпризов от подчинённого уже не будет.

- Да нет: вы не так поняли, Командор, то есть... не совсем так, - почувствовал нарастающее напряжение шефа Флудий.

- Так как же тебя ещё понять-то, если, оказывается, вместо одной истории бесконечный сериал вырисовывается? - всё же обиделся шеф.

- Простите меня, пожалуйста, за назойливость - я и так по крышку гроба вам обязан - но у меня к вам есть нижайшая просьба, от которой как раз во многом и зависит счастливое или трагическое продолжение вышеупомянутой истории с моим, а теперь - и с вашим участием.

- А тебе, приятель, палец в рот не клади, - слегка помрачнел УДАВ, - что ж... постараюсь быть последовательным, и впредь - осторожней при принятии решения по твоему вопросу: дружба дружбой, а дисциплина дисциплиной.

- Как всегда мудро и справедливо, - словно на докладе твёрдо и лаконично отрапортовал начальнику Флудий, специально надуввшись в знак уважения и в соответствии с субординацией до допустимых природой пределов.

- Будет уже паясничать, и давай пока обойдёмся без этих вот твоих штучек - выкладывай уже твою последнюю просьбу, прохиндей, - немного смягчился шеф.

- Мне срочно нужен круглосуточный допуск к межгалактическому коридору и отпуск по первому требованию, - речитативом выпалил давно заготовленную тираду Флудий.

- О как! а коды от матрицы Вселенной тебе не выдать?! – возмутился неслыханной просьбе Мудриус, - кстати, ты говорил об одной просьбе, а не о двух.

- Разве? - тут же прикинулся шлангом Флудий, - значит, банально оговорился, со мной это бывает, когда очень сильно волнуюсь, впрочем, одна просьба без второй всё равно не имеет смысла.

- Ну, ты и крендель, а ещё писатель, так сказать, - врачеватель душ, а сам лукавишь почем зря – нехорошо это... - попенял, впрочем, по-стариковски беззлобно шеф подчинённого.

- Честное слово – я непроизвольно, ну, очень надо - вопрос буквально жизни и смерти, - жалостно простонал Флудий.

- Гм... «to be or not to be» говоришь: можешь ты, в конце то концов, толком объяснить, зачем тебе это всё надо?! – начинал понемногу закипать Мудриус.

- Разумеется, Командор, я только и жду подходящей паузы, - тонко намекнул Флудий шефу, чтоб тот заткнулся.

- Таки сел на шею... - буркнул себе под нос Мудрий, - ну! жги уже, пожарник, – слушаю.

- Спасибо, дружище. Я быстро. Итак. Как вы, надеюсь, поняли, мой искромётный роман с Наденькой мгновенно превратился в настоящую взаимную умопомрачительную любовь, в результате которой со слов же моей половины я высоковероятно стану отцом нашего ребёнка. Представляете, Мудриус, у меня будет, о, Святая Бесконечность, сын! Родная плоть и кровь, дух и разум младенца, их гармоничное сплетение – станут моим продолжением в будущее, и я уже никогда не буду одиноким перстом во Вселенной канувший в своё время в небытие без сожаления и доброй памяти со стороны пока несуществующих прямых потомков собственного рода. И я бесконечно рад этому грядущему дару судьбы! Но...мне...мне... не даёт покоя, мучает и изводит душу мысль о том, что вдруг на свет появится необычный с точки зрения землян младенец, ведь мы с Наденькой из разных цивилизаций, у нас не одна идентичная физиология и т.п., единственной что нас объединяет – это любовь. И тогда он, маленький и беззащитный, станет, не дай Бог, изгнем земного общества, объектом опытов или ещё чего хуже вместе со своей несчастной матерью...

- Твою... мать! блин, - всё-таки набрался я от тебя словечек, так вот ты о чём... - прервал крайне взволнованного товарища улыбнувшийся УДАВ.

- Ну да, сугубо о личном... - грустно выдохнул Флудий, не понимающий пока неуместной радости шефа, - стал бы я иначе вас тревожить служебными пустяками, да ещё в не рабочее время.

- Раз такой расклад, то, извини, брат: мне бы сразу догадаться, но, увы, проклятая страсть... не позволила сообразить, к чему ты клонишь, - в свою очередь огорчился сам на себя Мудриус.

- Да нет же - это я так бездарно излагал, что даже вы не смогли ничего разобрать, - успокаивал шефа Флудий, чутко вслушиваясь в каждый звук из уст друга в надежде понять столь разительную перемену в его настроении.

- Ладно, проехали, - собрался Командор. - Теперь по делу: между прочим, и исключительно строго между нами, - многозначительно подмигнул он, - в далёкой молодости я знал одного начинающего пилота, от которого после экспедиции в силу обстоятельств родила одна из аборигенок.

- И что?! – подпрыгнул, едва не разрываясь от любопытства, Флудий, всем своим существом уже предчувствуя обнадёживающую связку.

- Да, не дёргайся ты так – потолок проломишь: в итоге всё кончилось нормально, - спокойно ответил Командор, - местная природа, видимо, взяла своё – ребёнок получился почти как две капли похожим на мать, но с выдающимися интеллектуальными способностями и несколько округлым телом и чуть большей головой, чем у соплеменников.

- Так это ж здорово!!! – засиял как масляный блин Флудий.

- Ещё бы... А ты не задумывался, дружище, откуда ни с того ни с сего, то - там, то - сям рождаются гении, – вновь таинственно подмигнул Мудриус счастливому другу.

- Погодите... погодите, я, кажется, начинаю понимать: так, стало быть, подавляющее большинство талантов, разбросанных по разным планетам видимой части трети Вселенной, с позволения сказать, есть, неофициальные отпрыски нашей цивилизации? – дошло до Флудий, от чего он, как ребёнок увидевший во дворе городского дома живого слона, открыл рот и ошарашено выкатил из орбит глаза.

- Ну, не совсем так, - снисходительно поучал Командор, - что бы стать гением мало быть зачатым от представителя более развитой цивилизации, необходим каждый день труд, работа над собой, и потом – мы такие не одни в своей части Мироздания, как ты знаешь...

- Однако... - с трудом сумел подобрать слово Флудий, наиболее точно отражающее его состояние сходное с интеллектуальным нокдауном.

- Всякое, конечно, бывает, но особенно не переживай: не ты первый, не ты последний – родит твоя Надежда эдакого сорванца флюдюшечку – будет он тебе кнопки под нижний сектор сферы подсовывать, – хихикнул Мудриус.

- А что бывали отклонения?! – вновь насторожился подчинённый, пропустив мимо ушей шутку шефа.

- Федь, тьфу ты, чёрт, Флудий, - ведь ты так до родов с ума двинешься: чего себя загодя изводить – отклонения везде бывают, на то она и природа – мать наша! – повысил для убедительности командный голос Мудрий.

- Так вы поможете мне?! – вцепился он, как мангуст в УДАВа, будто специально не слушая внятных аргументов старшего товарища.

- Опять двадцать пять! – начал всерьёз беспокоится за психологическое здоровье друга Мудрий. – Вот давай, брат, спокойно, без эмоций, прикинем, что да как.

- Давайте, конечно, - вполне адекватно ответил подчинённый, нетерпеливо елозя на полу.

- Положим, с отпуском я вопрос решу – это, в конце концов, в моей компетенции, хотя придётся перекраивать и согласовывать весь график заново, а это...

- Спасибо, Мудриус, я знал, что вы всегда подставите плечо другу в трудную минуту, - тут же отблагодарил его Флудий, сужая тем самым места для манёвра шефа.

- Э! Погоди, погоди, я ничего не обещал, а только предположил... - возмутился Мудриус, прижатый к стенке очередным дифирамбом товарища.

- И на том премного благодарствую... - в несвойственной, крайне благочестивой и нарочито покорной манере поклонился Флудий в пояс сферы перед шефом.

- Ну, вот что с ним делать!? – с мольбою к воображаемым небесам обратился Командор, понимая, что необратимо попал в крепкие объятия друга. – Ты хоть представляешь своим воспалённым мозгом, что такое безосновательно пробить в ВВС не лимитированный допуск к межгалактическому каналу?!

- Но, вас, же все кругом знают и помнят, – жгучим репейником не отставал Флудий.

- Ну, не без этого, конечно... - едва уловимая улыбка гордости мелькнула на лице УДА-Ва.

- Значит, они не смогут вам отказать, - вновь встрял он занозой в недосказанную фразу в знак безмерного уважения

- Ну и молодёжь пошла: вам хоть кол на голове теши - ничего это не значит – нужна же лезна аргументация для комиссии ВСС, а их у меня нет.

- Придумайте что-нибудь, если не вы, то кто? - ныл Флудий.

- О, Святая Бесконечность! - взывал от безысходности, ещё пять минут назад, непоколебимый ни кем и ни чем Командор.

- Умоляю... вас ... там Наденька... одна... сами же говорили, что бывают... исключения... я не выдержу... если... - едва не рыдал будто лишенный разума Флудий.

Трудно сказать сколь долго бы длился этот своеобразный диалог слепого с глухим, если бы через, примерно, четверть часа его резко не оборвал, сдавшийся ради друга и сохранения остатков собственных нервных клеток, Мудрий:

- А...! Ч...Чёрт с тобой!!! Будет допуск! Клянусь! - только не реви – я этого терпеть ненавижу!

И мгновенно залпом из горла влил себя остатки леивки. Тут же просветлевший Флудий, в знак безграничной благодарности бросился всею плотью обнимать измотанного диалогом шефа, который с превеликим трудом отбился от лобзаний молодого и более сильного подчинённого посредством прямого и громогласного приказа немедленно прекратить телячьи нежности, подрывающие основы субординации и дисциплины на лучшем звездолёте BBC.

- Да!...Чуть не забыл, - минут через пять, спохватился счастливый Флудий, - у меня же для вас сюрприз, - и, хитро улыбаясь, начал рыться в многочисленных карманах.

- Что, ещё один...?! - схватился железный Командор за сердце, в недоброму предчувствии.

- К сожалению один, - огорчённо вздохнул Флудий, взглянув на порожнюю бутылку леивки, и торжественно, с величайшей осторожностью, не без особенной гордости, вынул из-за пазухи четвертинку мутновато-белой жидкости.

- Это ещё что такое? – насторожился Мудриус.

- Не догадались? - весело подмигнул ему Флудий.

- Я тебе в гадалки не нанимался - и так всю кровь выпил, скорпий, я, блин, теперь не удивлюсь, что это яд какой-нибудь...

- Ну, в некотором смысле вы, как всегда, правы...

- Я всегда прав... - буркнул командор, с опаской поочерёдно поглядывая, то на нагловато-хитрое лицо Флудия, то на мутную жидкость в бутылочке.

- Это ж харловка! – лучшее из того, что я когда-либо пил в видимой части трети Вселенной, - Кузьмич самолично дал, говорил, мол, когда всё утрясётся - выпей с лучшим другом там где-нибудь у себя на небе.

- Гм... - постепенно оттаивал всё ещё несколько смурной шеф, - Кузьмич говоришь...

- А то, - многозначительно продолжал нахваливать харловку, - древнейший рецепт...на чистейшей колодезной воде...с мёдом, перцем, полынь там всякая, шишки... - ну, что за дружбу?!

- Ну, разве что по маленькой... – снова сдавался Командор неиссякаемому напору Флудия, непроизвольно почёсывая свой сизый нос.

- Ничего, не расстраивайтесь, дружище: в следующий раз четверть привезу – вот тогда гульнём на славу! – успокаивал

- Я не в этом смысле..., коллега, - смущился шеф.

- Да? – искренне удивился Флудий.

- Два! – по-доброму огрызнулся Мудриус, - давай, понимаешь, без намёков...

- Ни в одном глазу: что вы, разве можно... - всё-таки не сдержал улыбки Флудий, разлив по пузатым стаканчикам харловку.

- Ладно уж...знаю ...какие вы анекдоты про меня сочиняете! – ответно улыбнулся Мудриус, - стало быть, за то, что б все было хорошо! – и снисходительно поднял стопочку, с огромным любопытством и едва уловимым недоверием всматриваясь в мутно-белую жидкость.

- Быть добру! – всею своей сущностью поддержал его Флудий.

Друзья синхронно выпили, а когда УДАВ минут через пять «воскреснув», пришёл в чувство и его душа, воссоединившись с плотью, наполнилась благостной умиротворённостью, он, слёзно поблагодарил друга и они, крепко обнявшись, начали сочинять легенду для BBC, посредством которой надеялись получить доступ к межгалактическому коридору, скимающему время и пространство Вселенной.

* * *

А девять месяцев спустя, в одном из родильных домов Москвы появился на свет Божий мальчик, по имени Фёдор Фёдорович Харлов. Физиологически он особенно не выделялся среди своих новоиспечённых сверстников, разве что чуть более развитыми и, как бы, более округлым телом и несколько выдающимся объёмом головы. Среди обычных для суточных младенцев нечленораздельных криков вперемешку с плачем типа «вау», «мая» и т.п. иногда из уст малыша прорывались совершенно непонятные персонажу больницы звукосочетания, отдалённо напоминающие что-то вроде «лея», «мудрий», «ввс» и даже вполне земное - «малютка». Впрочем, опытные медицинские сёстры, нянечки, уборщицы и дежурные врачи не предавали этому неизъяснимому явлению хоть сколько-нибудь внимания, ссылаясь на то, что, мол, в таком малозначительном возрасте всякое бывает. Правда, древняя повивальная старуха бабка Вера, подрабатывающая там же уборщицей, и внештатным консультантом, всё же обмолвилась, что, дескать, прославится сей чудный отрок неслыханно через испытания невиданные в своё время.

Но никто её слова всерьёз не воспринимал, разве что кроме роженицы, которая лёжа рядом с маленьким Фёдором, постоянно мурлыкала на ушко спящему сыну, словно волшебную сказку, историю про пришествие и скорое возвращение его необыкновенного отца. Ребёнок, разумеется, не мог понимать, то, что, как голубица, только что выпавшемуся птенцу ворковала ему мама. Но, как знать, как знать...

Быть может, маленький человечек уже чувствовал, как в эти минуты его папа мчится к нему на межгалактической сверх скорости в звездолёте сквозь бесчисленные тернии Вселенной к крохотной, едва заметной Земле... Что бы там, на окраине Мироздания, расцеловав и обняв Его вместе с Матерью, навсегда уже остаться с ними жить дружной семьёй долго и счастливо, ибо маленькая лампочка на странной коробочке, лежащей в тумбочке у изголовья больничной кровати, уже почти сутки мигала зелененьким огоньком неиссякаемой и никогда неисчезающей Надежды.

Так ли случится или иначе мы пока не знаем, да и в силу известных причин - не можем знать, но, то, что это будет определённо другая история, это – почти что свершившийся факт.

Конец.

Содержание:

Глава I.....	стр. 2
Глава II.....	стр. 6
Глава III.....	стр.11
Глава IV.....	стр.18
Глава V.....	стр.24
Глава VI.....	стр.30
Глава VII.....	стр.36
Глава VIII.....	стр.45
Глава IX.....	стр.58
Глава X.....	стр.65
Глава XI.....	стр.70
Глава XII.....	стр.81
Глава XIII.....	стр.89
Глава XIV.....	стр.95
Глава XV.....	стр.100
Глава XVI.....	стр.105
Глава XVII.....	стр.110
Глава XVIII (эпилог).....	стр.119
Оглавление.....	стр.127

**Контакты: Ильенков Андрей Юрьевич,
rusland2004@mail.ru**

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

